

ИСПОВЕДЬ АТЕИСТА

Пришло время и мне сказать свое слово. Долго и непросто шла я ко Христу. Вся моя жизнь была связана с партией и атеизмом. Я искренне верила в учение Маркса, которым с детства была вскормлена. И, веря сама, несла эту веру людям.

Все началось в 1962 году, когда меня, заведующую библиотекой пос. Массандра, стали рекомендовать в члены КПСС, дабы пополнить территориальную партийную организацию поселкового Совета молодым кандидатом в партию. Приняв, послали учиться в университет марксизма-ленинизма на атеистическое отделение. Одновременно училась в Московском институте культуры. Дальше — больше. Избрали секретарем партбюро, депутатом Совета. Десять лет вела здесь общественную работу и, конечно же, как требовала партия, атеистическую: выступала на заводах Массандры, на виноградниках, в школе, клубе, библиотеке с атеистическими лекциями. В 1973 году стала лектором-атеистом Ялтинской организации общества «Знание». Здесь уже стала выступать в коллективах Большой Ялты.

Послали меня повышать лекторское мастерство в Киевский университет, где после окончания учебы оставили в заочной аспирантуре, определили тему: „Формирование политической культуры верующих“, дали руководителя.

В Ялте преподавала научный атеизм в университете марксизма-ленинизма, работала заведующей библиотекой горкома партии, состояла членом комиссии по соблюдению законодательства о культах, была председателем секции научного атеизма городской организации общества «Знание».

Я человек общительный и деятельный, и коли связала свою жизнь с партией, то всю себя отдавала работе и общественной деятельности. И не в семье, а в этом видела свое предназначение. Ушел муж, дети выросли сами, находясь больше с бабушкой, нежели со мной, так как я всегда была в делах и заботах.

Я читала литературу, слушала лекции других, все принимала как должное и, не зная верующих людей, не посещая религиозных общин, говорила с лекторской трибуны о том, что религия приносит вред, что Библия не учит добру, что верующие — изуверы, а империализм старается расколоть наше монолитное общество, внедряя в сознание советских людей религиозные идеи.

И вот однажды на моей лекции оказался верующий — баптист, в другой раз — христианин веры евангельской. И тот и другой подошли ко мне после лекции, и у нас завязался долгий, не совсем приятный для меня, но правдивый разговор.

— Маргарита Викторовна, Вы знакомы хотя бы с одним верующим, посетили хотя бы раз наше молитвенное собрание? — спрашивали они.

— Нет, — честно призналась я.

— Так почему Вы говорите такое?

Мне стало стыдно за свою безграмотность в этом вопросе, и я стала искать встречи с верующими, посещала богослужения в разных религиозных общинах и теперь имела свое собственное представление, а не навязанное другими, хотя и именитыми, авторами.

И вот впервые у меня родилось сомнение: так ли все обстоит на самом деле, как об этом пишут в литературе, чему учат нас на атеистических семинарах, которые я посещала, начиная с городских и кончая республиканскими? Теперь и у меня появилось много вопросов, на которые я пыталась найти ответы. И я искала, сомневалась, опять искала и находила, исходя из услышанного на богослужениях. И мои лекции стали доброжелательнее, правдивее. В связи с этим вспоминается один случай из моей практики. Выступая в кинотеатре „Спартак“ перед сеансом с десятиминутной беседой „Религиозные деятели в борьбе за мир“ (Эти выступления назывались циклом „Атеистический кинолекторий“, который тоже входил в обязательную атеистическую пропаганду), я воодушевленно рассказала о вкладе церквей в дело мира. Некоторые слушатели приняли меня за представителя церкви и пожаловались в горком, где наутро я имела неприятный разговор.

Работая четырнадцать лет в горкоме партии, я постоянно испытывала, причем открыто, подчеркнуто высокомерное отношение к себе как к „техническому“ работнику, который должен знать „свой шесток“, как сверчок из народной поговорки, хотя у меня было высшее образование, большой партийный и профессиональный опыт. Партийного товарищества, которое я ожидала встретить здесь, увы, я не почувствовала. Наоборот. Мне запрещали, вплоть до увольнения с работы, проведение диалогов между верующими и неверующими в городском лектории; не разрешали ходить со слушателями университета марксизма-ленинизма на богослужения в общины. Но зато я обязана была представлять справки в горисполком о нарушении верующими законов, например: если дети верующих приветствовали своих родителей духовными стихами на Рождество, Пасху, если водное крещение проводилось не два часа, а несколько больше, если на молитвенном собрании выступал проповедник из другого города; нужно было предоставить сведения о тех, кто крестил своего ребенка в церкви; вести индивидуальную работу с верующими, посещать богослужения в незарегистрированных общинах и так далее. Здесь есть о чем подумать! И после этого я должна была выступать перед аудиторией и говорить о предоставленной в нашей стране свободе совести и ее осуществлении на практике! Несовершенство наших законов было налицо так же, как и нарушение прав человека. А сколько стоило евангельским христианам-баптистам добиться разрешения на строительство церкви! Какие только зацепки не искали

в горисполкоме, чтобы оттянуть, запутать, не разрешить эту стройку! Будучи членом комиссии по соблюдению законодательства о культах, я не раз выступала за положительное решение этого вопроса, за что попадала в опалу.

Среди верующих же я приобрела много друзей, которые относились ко мне очень доброжелательно. И литературу духовную, которую трудно было достать, они не только давали мне читать, но и дарили. Когда ушла из жизни моя мама, они первыми пришли мне на помощь, помогли в переезде библиотеки.

В настоящее время я состою в Библейском обществе, в регистрации которого приняла деятельное участие. Это общество сегодня особенно нужно для духовного возрождения человека. Членов у нас пока немного, но работа налицо: посещение с благотворительной целью детских санаториев «Ласточка», им. Боброва, Дома малютки, дважды мы принимали миссионерскую международную организацию «Молодежь с миссией» с корабля «Анастасис», распространяем бесплатно и за умеренную плату духовную литературу. На прощальном ужине я выступила со своим свидетельством, как я, атеистка, коммунист с 30-летним стажем, пришла к вере в Бога.

Не сразу и не вдруг решилась я на это. Были сомнения, размышления, опять сомнения. Когда появились первые сомнения, я уже не помню. Мне кажется, они были всегда, так уж устроен человек. Но особенно явно они стали вырисовываться, когда я работала над двумя очерками о верующих, которые порвали с верой в Бога. Эти очерки я писала от их имени, но они получились натянутыми. Очерки писались по заданию обкома партии, и я их называю „атеистические слезы“.

Потом была долгая и кропотливая работа над темой диссертации „Формирование политической культуры верующего“. И вот здесь я вплотную столкнулась с культурой и коммунистов, и верующих. И можно было осмысливать, сопоставлять, сомневаться. Встречи с верующими, их свидетельства о Боге, о том, что в их жизни изменилось к лучшему, знакомство с духовной литературой, которую так тщательно от нас скрывали партийные идеологи, тоже сыграли важную роль в осмыслении роли Бога в моей жизни. И особое значение в моем духовном возрождении имели два случая, происшедшие в моей жизни.

Я работала еще в библиотеке горкома партии, когда моя дочь Оксана с мужем уехала в далекое путешествие на автомашине своих друзей. У меня была свободная неделя, и я осталась с их двухлетним ребенком. Неделя подходила к концу, в понедельник нужно выходить на работу, а куда деть малыша? И вот в воскресенье я заболела гриппом, получаю от врача освобождение от работы. Я спасена: Бог дал мне выход из создавшегося положения. Проболев целую неделю, малыша я не заразила. Осознав это, я стала молиться Богу и благодарить Его. В четверг что-то помешало мне, и я молилась в спешке. А наутро узнаю, что ночью машина, в которой ехала моя дочь, попала в аварию. Пассажиры чудом остались живы. „Родились в рубашке“, — выразился инспектор ГАИ. Узнав об этом, я упала на колени, слезы радости лились по моим щекам, и слова благодарения Богу переполняли мое сердце, обращенное к Господу. И я приняла Иисуса Христа как моего личного Спасителя.

И теперь мой день начинается и заканчивается с Его именем. Для меня это полное духовное счастье. Я пережила глубокий внутренний переворот. Зрел он постепенно. И это состояние необъяснимо, его нужно прочувствовать и разумом, и сердцем одновременно. Если бы мне сказали о подобном, когда я была атеисткой, я бы не поверила и начала бы писать критические объяснения. Но это произошло со мной, и я верю в очистительную силу этого озарения. Тяжелые переживания в жизни являются божественными орудиями, посредством которых Бог очищает наш характер от недостатков и шероховатостей и отшлифовывает его наподобие камня. Господь оказывает страдающим и плачущим особую милость, которая смягчает сердца и спасает души. И на Библию смотрю я теперь другими глазами. Изучаю и исследую ее вновь.

Изучение Библии, вера в Господа нашего Иисуса Христа помогают мне расстаться со своими атеистическими замашками. И в служении в Библейском обществе я вижу свое новое призвание — свидетельствовать об Иисусе Христе, выполнять Его заповеди, данные в Благой Вести.

М. БУСЫГИНА

ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ

В исправительно-трудовые лагеря Советской России журналисты никогда не допускались, разве что они попадали туда в качестве заключенных. Поэтому у нас и по сей день мало информации о миллионах, которые жили, страдали и умирали там, особенно во времена Сталина. Имена большинства канули в вечность, оставшись лишь в памяти тех, кто их знал и любил. Но порой до нас все же доходят обрывки сведений. Так мы узнали о Борисе Николаевиче Корнфельде. Корнфельд был врачом. Это дает нам основание судить о его происхождении: после революции дети тех, кто занимал хоть какое-то положение в царской России, не могли получить медицинского образования. Вероятно, его родители были социалистами, связавшими свои надежды с революцией. К тому же они были евреями, но скорее всего в приход Мессии не верили: имя — Борис — и отчество — Николаевич — свидетельствуют о том, что в семье по крайней мере на протяжении двух поколений давали русские имена. Очевидно, предки Корнфельда принадлежали к так называемым хаскалам, то есть просвещенным евреям, принявшим философию

рационализма, культивировавшим овладение естественными науками и посвятившим себя искусству. Они старались как можно более уподобиться своим русским соседям в языке, одежде, социальном поведении.

Для таких евреев было вполне естественно поддержать ленинскую революцию, так как злостный антисемитизм, на протяжении двухсот лет процветавший в царской России, житья им не давал. Они возлагали на социализм все свои надежды, полагая, что если „христианская“ Россия убивала евреев, то, может, атеистическая Россия даст им свободу.

Очевидно, Корнфельд унаследовал от родителей веру в то, что коммунизм — это исторически необходимый путь развития. Ведь в то время политическими заключенными становились отнюдь не те, кто был настроен против коммунизма либо ожидал возвращения царя. Таких людей попросту расстреливали. В лагеря же попадали те, кто верил в революцию: социалисты либо коммунисты, но при этом недостаточно преданно служившие Сталину.

Мы не знаем, какое преступление совершил доктор Корнфельд. Нам известно лишь, что это было политическое преступление. Быть может, он посмел в разговоре с другом усомниться в непогрешимости Сталина, а может, его обвинили в том, что такая мысль зародилась у него в голове. В начале 50-х годов это было вполне достаточным поводом для ареста, многие умерли и вовсе без вины виноватыми. Так или иначе Корнфельд оказался в лагере для политических в Экибастузе.

Несколько лет за колючей проволокой оказались лучшим средством для того, чтобы излечиться от веры в коммунизм. Бессмысленная жестокость, гибель людей, ничтожные проступки, возводимые в ранг преступлений, — все это заставляло таких, как Корнфельд, усомниться в преимуществах системы. Лишенные своего прошлого, работы, семьи, занятий, заключенные обретали за проволокой время для раздумий. Люди мыслящие, а Борис Корнфельд принадлежал к их числу, подвергали критической переоценке все, во что верили с детства.

Вот так лагерный врач простился со своими социалистическими идеалами. Но на этом он не остановился. Он сделал то, что наверняка повергло бы в ужас его предков.

Борис Корнфельд стал христианином.

В мире не так уж много евреев, которые с легкостью согласятся принять в качестве Мессии Христа. Но для русского еврея это особенно тяжело. В течение двух столетий они жили среди беспредельной ненависти тех, кто, как им внушали, были более всего христианами. Как ни старались евреи приспособиться к русским — все вызывало лишь новые взрывы ненависти и преследований.

Но после революции между христианами и евреями возникла некая странная общность. Иосиф Сталин требовал от своих подданных безраздельной и беспрекословной преданности своему правительству. Однако и евреи, и христиане знали, что в конечном итоге их преданность принадлежит Богу. В результате и те и другие страдали за свои убеждения и часто оказывались в одних и тех же лагерях.

Так случилось, что Борис Корнфельд познакомился с верным христианином, образованным и добрым заключенным, говорившим о еврейском Мессии, Который пришел выполнить обещания, данные Господом Израилю. Этот христианин — имени его мы не знаем — отмечал, что Иисус говорил почти единственно с еврейским народом и что Он в первую очередь пришел к евреям. Это согласовывалось с особой заботой Бога о евреях, Его избранном народе, и, как объяснял этот человек, Библия обещала наступление Царства Божия. Человек этот часто произносил молитву Господню и в этих простых словах Корнфельд услышал неведомый дотоле отзвук истины.

Лагерь отобрал у Корнфельда все, в том числе и его веру в спасительную силу социализма. Теперь ему предлагалась новая надежда — но в какой форме!

Принять Иисуса Христа — то есть стать одним из тех, кто извечно преследовал его народ, — означало предать своих близких, своих предков, все те поколения, которые предшествовали ему. Корнфельд знал, что евреи страдали невинно. Евреи ни в чем не были виноваты ни перед царями, ни перед казаками, учинявшими погромы. Да и сам он был невиновен — он не предавал Сталина, его осудили несправедливо.

Корнфельд долго размышлял над словами заключенного христианина. Чего-чего, а времени у врача в лагере было предостаточно...

Неожиданно для самого себя он начал проследивать параллели между евреями и Христом. Ведь то, что Бог вверился исключительно одному народу — евреям, всегда вызывало недовольство и недоумение. Несмотря на века преследований, само их существование среди тех, кто только и мечтал уничтожить их, было знаком силы, превосходящей силы противников. То же самое было и с Иисусом — то, что Бог явился в виде человека, всегда смущало самые мудрые головы. Пред гордыми и могущественными Иисус предстал как знамение, в свете которого обнажились их собственные недостатки и грехи. Поэтому им пришлось убить Его, так же как власть предрежащим приходилось убивать евреев, чтобы сохранить свои иллюзии всемогущества. И потому Сталин, новоявленный бог-владыка мира революции, вынужден был преследовать и евреев, и христиан: все они были живым доказательством его богохульных претензий на власть.

Только в ГУЛаге смог Борис Корнфельд нащупать эту истину. И чем больше он размышлял над ней, тем больше он менялся внутренне.

Будучи заключенным, Корнфельд, однако, жил в лучших условиях, чем большинство его товарищей по несчастью. Других заключенных можно было легко заменить, но врачей в отдаленных, изолированных от внешнего мира лагерях не хватало. Начальство не могло позволить себе роскошь разбрасываться врачами — ведь в медицинской помощи нуждались не одни лишь заключенные, она могла понадобиться и охранникам. И уж, конечно, все офицеры и охранники понимали, что с врачом следует обходиться помягче — а вдруг сам попадешь ему в руки?

Можно предположить, что сопротивление Корнфельда христианской доктрине стало ослабевать, когда он оперировал одного из ненавистных ему охранников. Того пырнули ножом, перерезав артерию. Зашивая кровеносный сосуд, врач решил затянуть нитку так, чтобы шов вскоре открылся. Тогда охранник быстро умрет, и никто ни о чем не догадается.

При мысли о мести в нем вспыхнула жгучая ненависть. Как он презирал своих мучителей, всех этих охранников и иже с ними! С каким наслаждением он бы их всех убил!

И тут Борис Корнфельд ужаснулся ненависти и ярости, которые он увидел в сердце своем. Да, он был жертвой ненависти, так же как и его предки. Но эта ненависть стала источником его собственной неутоленной ненависти. Какая ирония судьбы. Он угодил в ловушку к тому самому злу, которое презирал. И разве может он обрести свободу, если его душа попала в полон к этой смертельной ненависти? Тогда весь мир превратится для него в концентрационный лагерь.

Когда Корнфельд снова приступил к накладыванию швов — на этот раз по всем правилам, — он вдруг обнаружил, что повторяет слова, услышанные от заключенного христианина: „И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим“. Странные слова в устах еврея! Но он ничего не мог поделать — они вырвались сами. Он узрел ад в собственном сердце, и ему ничего не оставалось, как воззвать с мольбой о чистоте. Воззвать к Богу, Который тоже страдал, как и он, — к Иисусу.

Какое-то время Борис Корнфельд просто продолжал твердить молитву Господню, занимаясь своим каторжным, безнадежным делом лагерного врача. Каторжным — потому что у него всегда было слишком много пациентов. Безнадежным — потому что заключенные были предназначены для уничтожения. Врач оказывался единственным — и потому почти бесполезным — заслоном на пути заключенного к смерти от болезней, холода, непосильного труда, побоев и недоедания.

В обязанности врачей в лагерной медчасти входило также подписывать направления в карцер. Всякого заключенного, которого начальство почему-либо невзлюбило или от которого хотело избавиться, направляли в карцер — одиночное заключение в крошечной холодной камере пыток. Подпись врача на направлении означала, что заключенный достаточно силен и здоров, чтобы выдержать это наказание. Это, конечно, была ложь: выходили из карцера немногие.

Как и все другие врачи, Корнфельд тоже подписывал бланки. Да и какое это имело значение? На самом деле начальство вовсе не нуждалось в подписи: имелась масса других способов „легализовать“ наказание. А врач, отказавшийся от сотрудничества, обрекал себя на гибель даже при нехватке медиков. Но вскоре после того, как Корнфельд начал молиться о прощении, он отказался санкционировать наказания и перестал подписывать бланки. Он уже подписал сотни таких форм, но продолжать дальше не мог. Происшедшая с ним метаморфоза не позволяла ему этого делать.

Уже один этот отказ мог привести к губельным последствиям, но Корнфельд не остановился на этом. Он подал жалобу на санитаров.

Санитары назначались из числа заключенных, сотрудничавших с начальством. Таким людям предоставляли хорошие должности внутри лагеря — поваров, пекарей, писарей, санитаров. Заключенные их ненавидели, пожалуй, даже больше, чем охранников, потому что они были предателями и им нельзя было доверять. Они крали еду своих собратьев и без колебаний убили бы всякого, кто попытался бы сообщить об этом или вообще как-то воспротивиться им. А охранники смотрели на их безобразия сквозь пальцы. Смерть в лагере была делом привычным, а начальство нуждалось в предателях для нормального функционирования системы.

Однажды во время обхода Корнфельд подошел к одному из многочисленных пациентов, страдавших пеллагрой, распространенной лагерной болезнью. Причиной пеллагры было недоедание, заболевание же, в свою очередь, полностью разрушало систему пищеварения, и жертвы умирали буквально от голода.

Болезнь уже оставила разрушительные следы на теле этого человека. Лицо его потемнело и стало похоже на сплошной синяк. Кожа на руках сходила, их приходилось бинтовать, чтобы остановить кровотечение. Корнфельд давал пациенту мел, хороший белый хлеб и селедку, чтобы остановить понос и ввести в кровь питательные вещества, но болезнь зашла слишком далеко. Когда врач спросил у умирающего, как его зовут, тот не смог припомнить собственного имени.

Выйдя, Корнфельд натолкнулся на санитаров, огромного детину, склонившегося над остатками буханки белого хлеба, предназначенного для больных. Уписывая хлеб за обе щеки, санитар без тени смущения глядел на врача. Корнфельд и раньше знал о том, что еду воруют, знал, что это одна из причин, по которой не выздоравливают его больные, но он только что простился с умирающим и не в силах был отделаться от этого видения. На сей раз он не мог просто пожать плечами и пройти мимо.

Конечно, нельзя сказать, что больные умирали лишь вследствие того, что кто-то крал их еду. На то имелось множество других причин. В больнице воняло испражнениями, не хватало оборудования, медикаментов, не было подходящих помещений. Операции делались в таких примитивных условиях, что часто их результат был ничтожен и их можно было приравнять к милосердному убийству. В этой ситуации было бы абсурдно отстаивать какие-то принципы, особенно зная, что санитар может отомстить. Однако врач не мог поступить вразрез с тем, во что он теперь верил. Здесь снова в дело вступила происшедшая с ним метаморфоза.

Когда Корнфельд доложил о санитаре начальнику лагеря, офицер крайне удивился. В лагере только что прошла волна убийств: убивали стукачей. Жаловаться в такое время было не просто неразумно, но и крайне опасно. Тем не менее начальник на три дня отправил санитаря в карцер. В общем-то он был даже доволен, что Корнфельд подал эту жалобу. Ему надоел этот врач, отказывающийся подписывать бланки на отправку в карцер, а создававшаяся ситуация сэкономила начальству силы и нервы. Доктор сам подписал себе приговор.

Борис Корнфельд не был особенно смелым человеком. Он понимал, что его жизнь окажется в опасности, как только санитар выйдет из карцера. Спать в бараке, порядок в котором ночью охраняется самими заключенными, означало неминуемую смерть. И доктор начал оставаться на ночь в больнице, спал урывками, живя в странном раздвоенном мире, когда каждая минута могла стать последней.

Но, как не удивительно, к страху примешалось чувство освобождения. Приняв возможность смерти, Борис Корнфельд теперь мог жить так, как хотел. Он больше не подписывал бланки, по которым люди отправлялись на смерть. Он больше не отворачивался от жестокости и не пожимал плечами при виде несправедливости. Он говорил, что хотел, и делал, что мог. И вскоре он обнаружил, что из его души ушли злоба, ненависть и ярость. Он задавался вопросом — найдется ли в России второй столь же свободный человек?

Теперь Борису Корнфельду захотелось рассказать кому-нибудь о своем открытии, о своей новой жизни послушания и свободы. Христианина, который говорил ему о Христе, перевели в другой лагерь, так что доктору пришлось ждать подходящего человека и подходящего момента.

Однажды пасмурным серым днем он оперировал заключенного по поводу рака кишечника. Молодой человек с грушевидной головой и обиженным лицом маленького мальчика тронул его сердце. В глазах заключенного читались скорбь и подозрительность, а годы, проведенные в лагере, отпечатались на его лице такой глубиной духовных страданий и пустоты, что Корнфельд буквально содрогнулся.

И тогда врач начал рассказывать пациенту о том, что с ним случилось. Начав говорить, Корнфельд уже не мог остановиться. Первую часть рассказа больной почти не слышал: после наркоза сознание еще не полностью вернулось к нему. Но горячность доктора захватила больного, и тот, несмотря на высокую температуру, стал жадно внимать рассказу, затянувшемуся надолго. Час шел за часом, а врач все говорил о своем обращении ко Христу и новообретенной свободе.

Когда лагерные прожектора залили беспощадным светом окна больницы, Корнфельд признался больному: „И вообще, вы знаете, я убедился, что никакая кара в этой земной жизни не приходит к нам незаслуженно. По видимости, она может прийти не за то, в чем мы на самом деле виноваты. Но если перебрать жизнь и глубоко вдуматься — мы всегда отыщем то наше преступление, за которое теперь нас настиг удар“.

Только представьте себе — преследуемый еврей, некогда считавший себя совершенно невиновным, теперь утверждает, что всякий заслуживает страдания, каким бы оно ни было!

Пациент понимал, что слушает невероятное признание. И хотя боль не отступала, а живот опоясывала давящая свинцовая тяжесть, он слушал, пока не заснул.

Наутро пациента разбудили шаги и шум в помещении операционной. Он сразу же вспомнил о враче, но новый друг не приходил. Потом товарищ по палате шепотом рассказал ему о случившемся...

Ночью, когда доктор спал, кто-то подкрался к нему сзади и молотком нанес восемь ударов по голове. И хотя врачи сделали все, чтобы спасти его, санитары вынесли на носилках его бездыханное тело.

Но исповедь Корнфельда не пропала даром.

Пациент долго думал над последними словами страстного признания врача. В итоге он тоже стал христианином. Он пережил лагерь и рассказал всему миру о том, что увидел и понял там.

Звали пациента Александр Солженицын.

Ч. КОЛЬСОН

ЖИЗНЬ НАПОЛНИЛАСЬ СМЫСЛОМ

Я выросла в семье, которая, боясь репрессий, с 1937 года перестала молиться. Мне тогда было пять лет. Дети обычно мало помнят о событиях в этом возрасте. И я мало помню. Но этот год мне запомнился тем, что за столом

сидели отец и мать и скорбели о бабушке — папином отце. Его забрали в тюрьму. Ему тогда было более 60 лет. После этого мама мне говорила, что нельзя молиться при чужих, а то и отца посадят в тюрьму.

Мама и бабушка мне иногда рассказывали немного из Библии в картинках. Потом жизнь моя пошла, как и у всех: школа, институт, работа. О Боге читала только в атеистической литературе. В 1990 году я жила уже у своих родителей в г. Прохладном. Как-то летом моя соседка получила посылку из Германии. В ней оказались брошюры духовной литературы и Новый Завет. Она мне дала их почитать. На меня особое впечатление произвели «Письмо к тебе» и «В чем смысл?», а также Новый Завет. Когда я прочитала эти брошюры и Евангелие от Матфея, меня объял страх. Ведь я могла и могу в любое время умереть, и где я тогда буду? В брошюрах и в Евангелии ясно говорится, где. Нужно сделать выбор и не тянуть — время дорого.

В один из воскресных дней мы с племянницей пошли в собрание. Нам очень понравилось служение, и мы потом старались их не пропускать. На третье воскресенье, то есть 29 июля 1990 г., мы с ней приняли в сердце нашего Спасителя Иисуса Христа. Через месяц, 2 сентября, мы приняли водное крещение и были безмерно счастливы. Вся наша жизнь наполнилась смыслом. Благодать Божия излилась в наши сердца. С тех пор прошло не так уж много времени, но много пришлось пережить трудностей. Например, болезнь и смерть моих родителей. Они заболели одновременно, и тяжело, и умерли почти в один день — отец 9 февраля, а мать 10 февраля 1992 года. Это был такой тяжелый период, что если бы не был со мною наш Господь, я бы не выдержала физической и моральной нагрузки. Но слава моему Господу Иисусу! Он всегда со мной.

Анна РИХЕРТ

КАК ГОЛОВНЯ ИЗ ОГНЯ

Жил Егор, как все, так по крайней мере он сам считал. Работал в колхозе водителем грузовика, не хуже других управлялся со своим домашним хозяйством, а приходя с работы домой, он ставил на стол пол-литра, а жена его приносила большую сковороду жареной с салом картошки, и он в кругу своей семьи — жены и пятерых детишек — выпивал свой пузырь. Насытившись, он заваливался спать. Так дни шли за днями, и ничего, может быть, долго не изменилось бы, если бы „зеленый змий“ не искушал Егора другой раз остановить машину в рабочее время у столовой, чтобы опрокинуть стаканчик. Дальше — больше. Начальство стало замечать, что он нетрезвый бывает за рулем, предупреждали его. Да и жена не раз пробовала увещевать его, но все было напрасно, пока не случилась беда: грузовик, петляя по дороге, едва не столкнулся со встречной машиной и слетел с дорожной насыпи, перевернувшись несколько раз. Егора из кабины вытащили живым, а грузовик пришлось списать... Водительское удостоверение у него отняли, и после поправки ему пришлось пойти в скотники — чистить коровник от навоза. Верующая жена не раз пыталась урезонить Егора, но где там! Он ей и рта не давал открыть. „Ты мне проповеди не читай! Без тебя и твоих братьев знаю, как жить!“ — отмахивался он. Жена благодарила Господа, что у него хоть кости целы остались, и молилась о спасении его души.

Нельзя сказать, что Егор был настоящим противником Бога, нет. Он часто слышал, как жена детям читала или рассказывала библейские истории, молилась с ними, и не препятствовал сему. Ему это было просто безразлично. Главное для него была бутылка и еда да теплая постель.

Но молитвы о Егоре не остались неуслышанными. Не раз Господь „стучался“ в дверь его сердца. Например, когда он ночью упал в выгребную яму и, будучи пьяным, чуть не утонул. Или когда за ним в зимнем лесу гналась стая волков. „Господи! Господи! Спаси!“ — молил он тогда. И Господь помиловал: не догнали волки кобылку Егора.

Подросли дети. Один за другим ребята покаялись, старшие приняли крещение, а Егор все к бутылке прикладывался. Постарел он, друзей не стало, силы уходили. Замкнулся он как-то в себе, необщительным стал.

Жена глядела на него и жалела: „Ну почему он не с нами? Как ему помочь повернуться лицом к Свету?“ И, осмелившись, начала с ним разговор об этом.

А он, словно железом раскаленным его задела, кинулся на нее, сметая посуду со стола, с бранью и угрозами: „Замолчи! Никогда, слышишь, никогда я вашему Богу не поклонюсь! Оставьте меня в покое, без Него обойдусь!“ После этого жена, конечно, заплакала и умолкла.

Прошло после этого не больше недели, как Егор вдруг занемог. Появились боли в желудке, не мог он больше есть, и он слег. Повезли его к врачу раз, другой и сказали, что ему надо ложиться в больницу на операцию. Жена замечала, что врачи что-то недоговаривают. На ее вопросы они отвечали, что после операции все будет ясно.

И действительно, все стало ясно: у Егора был рак желудка, метастазы которого распространились уже слишком далеко, поразив и печень, и легкие, и все внутренности. Помочь ему было невозможно. Врачи объяснили положение Егора жене и, сняв швы, выписали его домой.

Жене не пришлось ему долго объяснять, что с ним произошло, он и сам будто все понял. У него начались сильные боли. Есть он ничего не мог, таял на глазах. Некоторое время Егор страдал молча. Жене было его очень жаль. Она склонялась у его постели, лаская его, и предлагала помолиться с ним.

Сначала он молчал, но уже не противился, как прежде, а взгляд его стал кротким. Тихим голосом он сказал:

— Я все это заслужил, я виноват, я такой грешник, как я могу молиться?

— О, Егорушка, милый, Бог грешников прощает и тебя простит. Он любит тебя!

И сама скорей на колени: „Господи, смилуйся над ним, дай ему покаяние...“

У него слезы полились из глаз. Прерывающимся голосом он повторял: „Я виноват, я грешник!“

А жизнь его, как свечка, угасала. Исхудав до костей, у него уже силы не было молиться. Но была у него какая-то тревога на душе. Видно, он сам понимал, что чего-то он еще не сделал. Но как собраться с силами?

И Господь Сам ему пошел навстречу. Однажды Он прислал к нему верующих братьев, и они помогли ему разрушить стену, за которой дьявол пытался удержать душу Егора в плену. Когда Егор снова стал повторять, что он виновен и грешник, они сказали ему, что Господь прислал их сказать ему, что Он ждет, чтобы Егор сказал только: „Прости меня, Господи!“, и Он его сразу простит и примет как сына. Простил же Христос разбойника на кресте!

И Егор сказал эти слова искренне, от всего сердца, и лицо его осветилось радостной улыбкой.

Еще были дни страдания, но Егор с кротостью выносил все, и, когда подходила жена к его постели, он повторял: „Бог меня простил, Он принял меня“.

Велика была радость жены, детей, братьев и сестер по вере о спасении души Егора. Услышал Бог их молитвы о нем и спас его, как головню из огня.

Солнце прорвало серые тучи, когда тело Егора предавали земле. И печаль сменилась радостью за спасенную душу.

Луиза ГЕРМАН

ГОВОРИЛА МАТЬ...

31 января 1980 г. — день смерти моей мамы.

29 мая 1980 г. — день рождения и смерти моего сына.

19 декабря 1991 г. — день моего покаяния.

Жили мы с мамой недружно. Обоим хотелось главенствовать в нашей небольшой двухкомнатной квартире. Характер у мамы был особый — властный и мягкий одновременно. Мне уже было за 30 и тоже хотелось в своей семье быть хозяйкой. Муж, находясь между двух огней, все же принимал мою сторону. Тем более, что я ждала второго ребенка и переносила свое состояние тяжело. Вот так мы и жили, не замечая, как много проигрываем, выигрывая эти маленькие кухонные сражения.

И когда уже не хватало сил, я поднимала глаза к небу и просила: „О, Господи! Раздели нас! Мы не можем вместе. Забери меня или маму!..“

Страшные слова. Страшная просьба. Тогда, считая себя верующей, православной верующей, я верила, что Господь слышит меня, и видела Его помощь только в таком радикальном способе. Мама, однажды услышав мои слова, тихо сказала: „Не сбывай постылого, потеряешь милого“.

Самобытная поэтесса-частушечница, она знала много народных жемчужин: частушек, пословиц, коротких побасенок. Но в последние годы память стала подводить ее. Врачи поставили диагноз „психоз“ с каким-то мудреным уточнением. Военные годы, смерть моего отца, вынужденный переезд (наше село попадало в зону затопления новым водохранилищем)... Все эти годы я была добропорядочной и очень послушной дочерью...

И вот почти непрекращающаяся война с родной матерью. В ссоре не бывает правых. Виноваты обе стороны. Терпение и любовь: как не хватало мне этих качеств в те черные дни!

А потом... Потом в наш дом пришла смерть. Господь отозвал мою маму. А я даже не успела осознать, что она живет свои последние дни.

Ухаживала за ней, говорила... И потом, когда меня из больницы, где я лежала на сохранении, отпустили „на вынос тела“, я попросила всех выйти из комнаты, в которой стоял гроб, чтобы напоследок наговориться и заплакать.

Вот так я рассталась со своей мамой. И ничего нельзя уже было изменить.

Словно по горячим углям, ходила я последние четыре месяца беременности по своим воспоминаниям. Заходила в пустующую мамину комнату и говорила, говорила... Там же начала говорить с Богом.

Говорила, оправдывая себя и убеждая, что ничего не могла сделать иначе.

Душа моя, повергнутая в печаль, каюсь перед матерью, не чувствовала своей вины перед Судьей, перед Господом. Я судила себя судом человеческим, не боясь другого, более страшного суда.

Я убеждена до сих пор, что Господь слышал меня и сострадал. „Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю“, — говорит Священное Писание.

А через четыре месяца новая горькая беда вошла в мой дом, сначала поманив великой радостью. Всего 12 часов прожил наш неназванный сынок.

Я написала в те дни стихотворение, которое назвала „Страшное стихотворение“.

Я придумую сто дорожек
Для твоих неходивших ножек,
Мой мальчик,
 проживший 12 часов.
Я придумую сотни сказок
Для твоих непроснувшихся
 глазочек,
Мой мальчик,
 проживший 12 часов.
И над жаркой твоей
 постелькой
Превращу я секунды в
 недельки,
Мой мальчик,
 проживший 12 часов.
Как мне вымолить эту милость,
Чтоб с тобой ничего
 не случилось,
Мой мальчик,
 навек ушедший
В меня.

Похоронив своего мальчика под белым крестиком рядом с моими родителями, я продолжала жить дальше. Подрастала моя доченька, появлялись новые заботы. Мое горе, став тяжелым камнем, легло под сердце. Мамину комнату, по прошествии многих месяцев, мы заселили. Мамины вещи, одежду, ткань, мебель я раздала нуждающимся и просто „на помин души“. Думала, станет легче, ведь столько людей поманут мою маму в своих молитвах. В церкви ставила свечи, заказала отпевание, обедню.

Но душа моя продолжала биться в невидимых сетях непрощенного греха. Я взывала к Господу, но как к еще одному средству от невыразимой печали и тяжести. Стала много, взахлеб курить, один раз выпила два стакана водки. Легче не становилось. И тогда я написала свое второе стихотворение.

„Не сбывай постылого, —
Говорила мать. —
Потеряешь милого“, —
Говорила мать.
Я словам не верила,
Злобилась упрямо,
И осталось дерево,
Что садила мама.
О холодный крестик я
Билась головой.
Было вместе тесно нам,
Как теперь одной?..
Совесть не простила мне
Мой дочерний грех.
„Не сбывай постылого“, —
Слышу горький смех.
И Господь всевидящий
Знал, как наказать.
За бесценным гробиком
Снова мне шагать,
Сыночку-травиночку
На руки не взять...
„Потеряешь милого“, —
Говорила мать.
О, Господь мой! Смилуйся!

Помоги мне встать.
„Не сбывай постылого“, —
Говорила мать.

Мучения мои продолжались. Не давал мне Господь покоя. Просыпалась ночью от зубного скрежета и все время думала, думала, копалась в каждом слове, в каждой детали.

Дьявол подбрасывал „успокоение“. Стала заниматься экстрасенсорикой. Открыла в себе такой „талант“. И действительно, люди под моими руками излечивались. Куролесил надо мной сатана, манил славой, земными благами. Правда, я не брала денег и перед каждым сеансом читала „Отче наш“. Но ведь это мне говорили люди слова восхищения и благодарности. Это я смогла сделать их здоровыми и радостными. И играя бескорыстную даму, это я ловила на себе восхищенные взгляды и пользовалась особым уважением среди тех, кто знал меня. Приходили, униженно просили принять больных родственников. И я, вытянув губы трубочкой, сосредоточенно пыталась отыскать „окно“ в ежедневнике, заполненном предстоящими делами. К тому времени я была уже директором небольшого рекламно-информационного агентства.

От этой суматошной „спячки“ пробудил меня телефонный звонок. Приехала на несколько дней моя давняя подруга Элла. Хочет встретиться, но встречу со мной она назначает в ...молитвенном доме евангельских христиан-баптистов.

— Да хоть где! Мне лишь бы тебя увидеть, — радостно отвечала я, не догадываясь, что предстоящую встречу я запомню на всю свою жизнь. Это была встреча, к которой так долго, почти десять лет, вел меня Господь. Это была встреча с Ним.

Через год после моего первого посещения молитвенного дома я покаялась. И слышала сама, физически ощущала, как камень из-под сердца упал, гулко ударившись о дощатый пол.

Слава Тебе, Иисус!

Живу я на этом свете другая. Стало ли мне легче? Не знаю. Наверное, нет. Теперь я борюсь сама с собой, учусь новому трудному делу — любви к ближнему. Ох, как трудно бывает! Но, поднимаясь после очередного падения, я тяну свою руку и слышу, как Божья теплая ладонь касается моей грязной ладошки. И снова приходят свет, и силы, и радость.

Именно ощущая все это, я написала стихотворение, которое, на первый взгляд, покажется кощунственным — стихотворение-благодарность Творцу за смерть моего сына. Но... не торопитесь осуждать. Прочтите.

Благодарю Тебя, Господь,
За ту печаль весной,
Когда мой маленький сынок
Покинул мир земной.
Благодарю Тебя, Господь,
Мне не хватало сил,
Но Ты меня к молитве звал
И силой наделил.
Благодарю Тебя, Господь,
В страдании моем
Ты дал прозрение душе,
И мы теперь вдвоем.
Благодарю Тебя, Господь!
Достойна я страдать.
Все испытания приму,
Какие хочешь дать.
Благодарю! Благодарю!
За радость и за боль,
За все Тебя благодарю,
Господь — Спаситель мой!

Разными путями ведет Господь нас к Себе. Иная душа уже с юности зряча и радостна, иная приходит после трудного, но ровного пути. А есть души, которые буквально в крови и отрепьях, из последних сил выползают на дорогу, ведущую к Господу.

Как часто мы спрашиваем себя, окружающих: почему Бог допустил такое горе, такие муки? Я могу ответить на этот вопрос, пройдя такой путь.

Потому что, благоденствуя, мы не слышали. Находясь в благополучии, мы не нуждались в Нем. Радуюсь сиюминутной жизни, мы гибли для вечности. Я могу теперь ответить и на вопрос, почему Господь допустил в моей жизни столько горя. Потому что иначе Он не мог меня дозваться.

Галина КОЛЕСНИКОВА-ВОЛЬФ

СВОБОДА В ЗОНЕ СТРОГОГО РЕЖИМА

Из разговора с бывшим руководящим работником правоохранительных органов:

— Собираетесь в лагерь с христианской проповедью? Толку не будет. Там сидят еще те типы. Их может исправить только могила, это — другой мир, параллельный нашему, и лучше, если они никогда не пересекутся...

И вот мы, четверо евангельских христиан-баптистов, рейсовым автобусом едем на левый берег Волги, в лагерь. Руководство этого учреждения пошло навстречу нашей просьбе и разрешило двухчасовое посещение заключенных с целью христианской проповеди.

Встретил нас дежурный офицер, собрал наши паспорта, выписал пропуска.

- Что в сумках? — строго спросил офицер по режиму.
- Христианская литература.

Заглянул, проверил:

- Пропустить!

Стальные двери бесшумно открылись, и мы вошли в зону.

Заключенные собрались в помещении лагерного клуба. Всмотриваюсь в лица сидящих в зале: впалые щеки, сжатые губы, суровые взгляды, на каждом лице скорбь, как печать несвободы, каких-то внутренних переживаний. Сердце сжимается от сострадания и страха. Я знаю, что и я мог бы находиться в этом зале в качестве заключенного. Официальная тотальная лживость системы еще совсем недавно давила все живое вокруг. Раздавила она и меня. В 1970 году исключили из партии „за идеологические ошибки“, а конкретно за то, что я написал в ЦК КПСС письмо, в котором спрашивал, как мне, журналисту, отвечать на вопросы рабочих людей, которые хотят знать, почему они по 20 лет живут в „коммуналке“ с семьей, а работник горкома партии (называть фамилию сейчас уже не имеет смысла) в течение года сменил две квартиры. В письме речь шла о привилегиях, премиях, санаториях, спецраспределителях и о том, что все это противоречит указаниям товарища Ленина. Ленин для нас был идеалом, других идеалов мы не знали. Зато четко знали: „Религия — это опиум для народа“; Иисус Христос — миф.

К чему тянется человек, когда жизнь теряет смысл, известно. Вскоре в вытрезвителе на меня завели вторую карточку, первая уже не вмещала записей о моих приводах в вытрезвитель. Потерпев идеологический, духовный крах, я погибал от пьянства, цинизма, бессмысленности своей жизни. Во мне проснулись самые низменные пороки, я был на краю пропасти, еще шаг — и конец. Тогда я еще не знал, что обычная телесная смерть — это еще не конец...

Спасла меня вера. Вера в реальность Бога, в то, что Иисус Христос — не миф, как нам это вдалбливали с детства в школе, в комсомоле, в партии, а что Он был на Земле реальной Личностью, посланной Отцом Небесным, Богом, Творцом жизни во вселенной, чтобы осуществить грандиозный Божественный план спасения человечества.

Обо всем этом мы говорили в своих выступлениях в лагерном клубе — я и мои духовные братья.

Заключенные слушали внимательно. Перед молитвой по предложению пресвитера все они сняли шапки и встали. Я видел, что здесь, в зале лагерного клуба, сидели не „типы“, которых может исправить только могила, а люди, человеки, созданные по образу Божию. Люди мыслящие и вовсе не безнадежные, ибо таковых вообще нет на Земле. Эти люди в зоне строгого режима — жертвы человеческих страстей, того зла, которого в мире предостаточно. Если человек живет в темноте, если от него скрыт смысл жизни, то он может стать и преступником: убийцей, грабителем, насильником, вором; оказаться в тюрьме, в лагере на долгие годы. Однако богоискание в нем всегда остается. Но, чтобы оно проявилось, нужно прозрение, нужно движение души к Богу. И нашей единственной целью посещения лагеря было именно это: попытаться помочь прозреть этим несчастным заблудшим душам. Ожесточенное сердце может смягчить только Бог.

— Все вы мечтаете о свободе, — говорил я сидящим в зале, — и это понятно. Но что такое свобода? Недавно из этого лагеря вышел на „свободу“ мой сосед по дому, так он третий месяц „не просыхает“. И это — свобода? Он — раб своей страсти: бутылки. Он не свободен.

Иисус Христос сказал: „И познаете истину, и истина сделает вас свободными“. Лично я долго боролся с пьянством, не пил по месяцу, специально голодал по две-три недели, а однажды с перепугу — меня хотели посадить на два года — не пил целый год. Потом опять сорвался, как это обычно и бывает со всеми, кто хочет сам себя спасти...

Ко мне после собрания подошли двое заключенных, оба в черных бушлатах, открытые, решительные лица: „А как это началось у вас — прозрение?..“

— Началось это у меня внезапно, и я сразу поверил — Бог существует. Мир этот — не случайная игра природы, и я вовсе не одинок в этом мире. Ко мне в руки десять лет назад попала самиздатовская книжка „Что такое Бог“. Тогда достать Библию было еще не так легко, как сейчас. Прочитал. И будто пелена с глаз упала. Видимо, где-то внутри я давно был готов к восприятию истины. Для начала решил очиститься от всяческой скверны в себе, бросил пить. Это было нелегко, но я выдержал „майские экзамены“: не брал в рот хмельного ни 1 и 2 Мая, ни в День печати, ни в День Победы. А после этого испытания, недели через три, я почувствовал реальную поддержку свыше. Это

звучит фантастично, но это так. Помощь с тех пор не прекращается, идет и днем и ночью, ибо все, что исходит от Бога, совершенно, как совершенен и Он. Так началось мое новое рождение. Прежний, грешный, человек, каким я был десятки лет, умер.

Подарил я подошедшим ко мне заключенным Библию. В ней они найдут все, что нужно для прозрения, если будут настойчиво искать путь к спасению. Один из них, Саша К., попросил мой адрес. На днях получил от Саши письмо. „Здравствуйте, дорогой вы мой человек! Пишет вам тот самый, никуда не годный зэк, которому вы подарили Библию. Так вот, Леонид, ту живую искру Божию, которую вы зажгли во мне и Алексее, мы взяли и разнесли в зоне, кому смогли. Мы не проповедовали Евангелие, мы, как сумели, передали то живое чувство веры, которое было в тебе и твоих братьях. Мы просто говорили, что есть такие люди. В результате многие сейчас ворочаются, не спят, хотя время почти три часа ночи...“ Письмо большое и хорошее. Александр К. осужден на большой срок за убийство. Осталось ему четыре года с месяцами, как он пишет в своем письме. Что ж, если будет воля Божия, выйдет Саша на свободу другим человеком.

Сегодняшняя исправительно-трудовая колония — не прежний ГУЛаг. Мы в лагере свободно ходили, говорили о Боге, раздавали христианскую литературу. Много изменилось в нашем мире и продолжает меняться. И не без помощи Бога. Все люди на Земле — творение Бога, и все люди получают равный шанс на спасение. Для этого всегда есть время.

Леонид ГАЕВСКИЙ

ТЕПЕРЬ Я НЕ ОДНА...

...Я приехала в семью сына в 1993 году, перенесла за три месяца до отъезда инсульт. Чуть живая добралась, а меня встретили таким холодом... На выздоровление надежды у меня не было. За прожитые три года два раза лежала в больнице. Через год проживания вместе дети сняли мне подвал, и я ушла жить одна. Слава Богу, что Он послал мне соседку, которая поддерживала меня. Подарила мне Библию, приносила христианскую литературу, помогла выписать ваш журнал «Вера и жизнь». 26 мая я приняла водное крещение, и теперь я не одна...

Раиса Э.

НОВЫЙ АЙБЕК

У каждого человека есть пустота в душе, и он стремится наполнить эту пустоту чем-то, но чем?

Например, у меня есть родители, родственники, друзья. Также есть что поесть и во что одеться, но все это не заполняет пустоту которую мы имеем в душе. И мы ищем то, что нам нужно, что нам может дать покой. Мы пробуем заполнить пустоту, начав курить или пить, но и это не помогает.

Так жил и я. У меня есть братья и сестры, я самый старший в семье. С малых лет я видел, как пил отец. Я рос, но он не оставлял пьянку. В семье не было мира: ругань, скандалы... Иногда нам приходилось ночевать на улице, в сараях, у соседей, так как отец выгонял нас из дому. Мне стыдно было смотреть друзьям в глаза. Я стал задумываться над жизнью: „Почему люди ругаются, убивают друг друга, творят зло? Разве для этого сотворил Бог человека?“

В моем сердце появилось зло на отца. Я хотел отомстить ему, потому что он не давал нам покоя и бил маму. Я был маленький, хотел набраться сил и, повзрослев, отомстить ему.

Наконец я вырос. Когда уходил в армию, мне было трудно проститься с мамой, братьями и сестрами. На сердце был тяжелый груз: „Как они без меня?“

Перед армией начал курить, пить, ходить в компании с друзьями, но все равно мне чего-то не хватало, а чего — я не знал.

В армии у меня было много времени, чтобы задуматься над жизнью.

Отслужив в армии, я изменился. Стал сильным, здоровым, полагался на себя.

Пришел домой и увидел ту же картину. Отец не перестал пить. Я разозлился и пошел в соседний аул, чтобы встретиться с друзьями. Думал, может, там обрету мир. Когда пришел туда, в клубе смотрели фильм. Местные ребята вызвали меня на улицу и избили. Мое сердце еще больше ожесточилось, и появилась ненависть к людям.

Домой вернулся избитый и опустошенный, хотел отомстить им и отцу. Для этого надо было набраться сил. Я стал заниматься спортивной борьбой — каратэ и ушу. Во время тренировки я научился отгадывать мысли людей. Я думал, что это от Бога. Через некоторое время научился гипнотизировать и лечить людей. Я чувствовал какую-то силу, которая помогала мне, и думал: „Это Бог“.

Как мусульманин я хотел жить по обычаям ислама, хотел стать праведным. „Отец пьяница, хоть я буду праведным“, — думал я.

Повесил на шею талисман, начал читать коран. Ходил среди могил и поклонялся духам предков, ожидая от них помощи. Все это не изменило меня, внутри кипела злость: „Отомстить врагам!“

Однажды, бродя среди могил, я услышал голос, который звал меня: „Иди сюда!“ Я испугался, задал себе вопрос: „Зачем мне нужно идти туда?“ — и успокоил сам себя: — Может, в следующий раз приду“.

Люди замечали, что я стал верить в Бога (так я думал). Из моих рук исходила энергия, как бы бабочки и искры. Я разговаривал с талисманом и думал, что он поможет мне. Он был моим богом.

В один из дней ко мне пришел одноклассник и позвал меня вылечить его соседа, который не мог ходить. В течение семи лет они обращались к экстрасенсам и народным лекарям, но те не могли помочь. После сеанса Кашпировского стало хуже. Мои старания исцелить его не принесли успеха.

Его родители позвали меня пить чай. На столе я увидел детскую Библию, духовную литературу и Евангелие на кыргызском языке. Когда я увидел Библию, мои руки сами потянулись взять ее. Когда взял, то вспомнил случай. В 1985 году миссионер Андрей Петерс пришел с братом к нам домой и подарил Евангелие на кыргызском языке. Это была первая встреча с Богом. Как раз в то время я хотел сам себя убить — повеситься, но Бог сохранил мне жизнь через маму.

Я думал, почему Новый Завет второй раз в моих руках, и понял, что Бог через Библию обращался ко мне. Всемогущий Бог знал, в чем я нуждался.

Я открыл ее на первой странице. Там было написано: „Иисус Христос — Сын Божий“. Как это может быть? Я считал, что Христос — русский Бог. У меня появилось желание узнать больше о Боге. Я взял на время Новый Завет. Дома, читая его, я засыпал...

Я решил искать истину и, встав рано утром, прошел 11 километров пешком до дома миссионеров. В этом доме жил Андрей Классен. Я стоял у дома два часа. „Заходить, не заходить?“ — было бормотание. Наконец я зашел. Меня встретила жена миссионера. Я был удивлен. Глубокий внутренний мир отражался на ее лице. Она приветливо приняла меня и провела в гостиную. Там сидели верующие — Гена Ремпель и кыргыз Аман. Они спросили: „Откуда ты пришел? Кто привел тебя сюда?“ Я сказал, что я экстрасенс, гипнотизер, лечу людей, и показал Новый Завет. Попросил, чтобы они объяснили. Объяснив, они задали вопросы: „Откуда ты пришел на землю? Куда ты идешь? Если умрешь, где ты будешь — в раю или в аду?“ Услышав эти вопросы, я был ошеломлен и не мог ответить.

Они уверенно говорили, что спасены, что имеют жизнь вечную, что их грехи прощены.

Я думал: „Почему я не такой? Я же читаю коран и делаю добро людям!“

Аман сказал, что Бог дал каждому язык и каждый может обращаться на своем языке к Богу, и добавил, что Бог любит меня. Из любви к нам Он отдал Иисуса Христа на смерть — за мои грехи и за грехи всех людей. Во время беседы мне хотелось уйти. Меня одолевали разные мысли: „Зачем ты их слушаешь? Иди пей, гуляй!“ Но их любовь ко мне не допустила, чтобы я ушел.

Тут я понял, что я не Богу служил, а сатане. Свой амулет я снял и бросил в огонь. После этого мне стало легче. Они пригласили меня на следующий день в собрание. Перед тем, как мне уйти, они предупредили меня, что Бог дал мне свободный выбор и я имею право сам решить: спастись или нет.

Они сказали, что добрыми делами никто не оправдается перед Богом, спастись можно только через веру в Иисуса Христа.

На следующий день я пришел в собрание и увидел в людях свет Божий и любовь. Они пели, прославляли Бога и молились, чтобы Бог спас меня. Я не считал себя грешником. Сравнивая себя с другими, я думал, что я лучше. Но когда брат задал мне вопрос: „Вспомни прошлое, у человека есть скрытые грехи, которые никто не видит“, — я осознал себя грешником, и мне стыдно было заглянуть в прошлое.

Тотчас я раскаялся в грехах перед Иисусом Христом, чтобы Он простил меня. Я принял Его как личного Спасителя.

После этого я стал новым Айбеком.

Все греховные мысли, которые меня мучили, исчезли. Бог дал мне то, что я искал до этого часа. Я понял, что пустота в моем сердце — это было место для Иисуса.

Иисус Христос простил меня, об этом говорит Библия.

„Если говорим, что не имеем греха, — то обманываем самих себя, и истины нет в нас“ (1 Ин. 1:8).

Он дал мне вечную жизнь (1 Ин. 5:11–12).

Через Иисуса Христа я стал чадом Божиим (Ин. 1:12).

Злость исчезла, и Бог дал мне любовь к моим врагам.

Все мои жизненные планы Иисус изменил. Я не мог своими силами иметь общение с Богом. Иисус говорит: „Я есмь путь и истина и жизнь“ (Ин. 14:6).

Иисус дал моему сердцу полный мир.

Прежний Айбек жил для исполнения желаний своей плоти и разума. Теперь я живу для славы Божией. Я так благодарен Богу за все, за все!

Я стал новым Айбеком: „Кто во Христе, тот новая тварь“.

Дорогой читатель, благодарю тебя за то, что ты внимательно прочел свидетельство о том, как Бог творит чудеса. Тот Бог, Который спас грешника-кыргыза, и тебя тоже силен спасти, если ты захочешь этого, хоть сейчас.

АЙБЕК

ДОМАШНИЕ ВЕЩИ

Шел 1973 год. Сколько рассказов начинается именно так. 1973 год — что говорит эта дата нашему читателю? Возможно, кто-то из вас вышел на пенсию в том далеком году или только родился. Что до меня, это был седьмой год после того памятного, в котором Хрущев обещал показать по телевизору последнего верующего, и семь лет оставалось до того года, в котором, по обещанию Брежнева, должна была быть создана материальная база для построения коммунизма. Что из всех этих обещаний вышло, вы видите сами. К тому времени я был уже женат, имел двух с половиной детей, трудился в церкви и работал снабженцем. С христианской литературой было трудно в то время, и, хотя я лично имел карманную Библию, подаренную мне отцом после моего возвращения со службы в армии, у многих ее не было. Крещаемым дарили Новые Заветы, и это было очень ценным подарком. Появились первые книги, изданные подпольно издательством „Христианин“, и лично на меня огромное впечатление произвела брошюра О. Смита „Несите весть им о Христе“. Верующие читатели наверняка помнят ее. Я не был красноречивым проповедником и потому сделал для себя открытие, что могу гораздо больше сделать для распространения Евангелия через служение „вспоможения“, чем через проповедь в церкви.

В собрании были в основном верующие братья и сестры, которые, конечно же, тоже нуждались в духовной пище и подкреплении, но сколько людей могло бы прочесть о Христе через печатное слово, если бы было достаточно литературы! И мне хотелось внести свою лепту в этот труд.

Но труд этот был опасен, и, хотя я не отличался особой храбростью, я понимал важность этого служения. За работу в подпольной типографии давали срок до пяти лет. К тому времени многие братья и сестры уже сидели в узах, но, несмотря на все давление КГБ, дело печати развивалось. Было трудно с бумагой. Верующие покупали ее и собирали где только было возможно. Писчей бумаги на прилавках магазинов для канцтоваров не стало.

Был пасмурный декабрьский день. Я договорился с моим начальником, уплатив 70 рублей (немалые деньги по тем временам) за перевозку домашних вещей, получил печать и отметку в путевом листе и был готов к дальней дороге. Предстояло из далекого южного города перебросить партию литературы или бумаги — что точно, я не знал. На словах мне объяснили, как ехать и точный адрес. Карты и записей у нас с собой, естественно, не было из сообщений конспирации. В этот южный город можно было попасть двумя путями. Первый — через три горных перевала, на которых и летом лежал снег, а на дворе был декабрь, и мы на своем старом „Уральце“, естественно, избрали путь в два раза длиннее, но надежнее. Пословица „Тише едешь — дальше будешь“ как нельзя лучше подходила к нам. Под равномерное завывание заднего моста мы двигались с максимально возможной скоростью — 70 км/час — вперед. Естественно, перед отъездом мы помолились о благословении и охране в пути и теперь были спокойны перед дальней дорогой.

Мы — это я и мой дядя, замечательный человек, которому я уже к тому времени был многим обязан. Он часто бывал в нашем доме и любил рассказывать о пережитом. Это были живые рассказы о его юности на Кавказе, о трудармии на Урале, о жизни братства в послевоенное время. Вот и теперь, сидя со мной в кабине „Уральца“, он в который раз рассказывал мне о том, как ему приходилось обуздывать норовистых лошадей и скольких усилий стоило привезти из леса несколько бревен, а тут дави себе на педаль, да смотри на дорогу — и все в порядке. Между тем 1200 километров лежало перед нами. Часть пути мне была знакома, ибо по ней мы не раз ездили с молодежью на посещения в другие церкви. Быстро стемнело. Свет фар освещал только небольшой участок дороги, но я живо представлял себе знакомую мне картину горного хребта Ала-Тоо, что тянулся с левой стороны дороги, и бесконечную равнину, переходящую в полупустыню Бетпак-Дала, что расстилалась справа. Остались позади села со знакомыми русскими и кыргызскими названиями. Вот мы уже и в Казахстане — ни границ, ни шлагбаума. Русло небольшой высохшей реки было видимым знаком границы нынешних двух суверенных государств. Проехали Джамбул и преодолели небольшой перевал. Снега не было. Это зимой 1968—1969 годов, когда была суровая для наших мест зима и выпало много снега, такой подъем был почти непреодолимым, а теперь он не представлял никакого труда.

К утру мы были в Ташкенте. Остановились у небольшого базарчика. Купили узбекских лепешек и кефир и поехали дальше. Удивительным было то, что за все это время нас ни разу не остановили ни на одном из многочисленных контрольных постов, а таковые имелись в каждом районном центре и по нескольку — в крупных городах. Сознание, что сам Господь хранит нас по молитвам Своих детей, наполняло наши сердца радостью. Он и устрояет наш путь...

Проезжая по узбекским селениям и глядя на аккуратные поля хлопчатника, уже убранного, с характерным окаймлением акациями вдоль поливных арыков, меня наполняло теплое чувство причастности к Церкви Христовой и

ее труду. Действительно, как в знакомой песне поется: „Труд небольшой, но делали“. К тому же узбекская земля была моей духовной родиной. Здесь, в старинном узбекском городе Самарканде, находясь на службе в армии, я обратился к Господу. В военном гарнизоне, где и гражданских лиц-то не было, Господь нашел меня, и под сенью ветвистых карагачей, что посадили еще красноармейцы в 20—е годы, я упал на колени на пыльную землю и просил у Бога прощения за мою грешную жизнь и сил для следования за Ним. Как чудесно Он хранил меня эти годы и заботился обо мне!

От Коканда осталось впечатление, словно по меньшей мере лет на пятьдесят история повернула вспять. Аксакалы на ишаках, в чалмах, беседки у арыков с пьющими чай и ведущими неторопливую беседу мужчинами в халатах. Женщин почти не видно, разве с веником у ворот своего дома.

Несколько раз пришлось останавливаться, чтобы спросить направление, ибо указателей не было вовсе. Но в городе нашей цели нужный адрес спрашивать не пришлось. Словно невидимая рука вела нас, и где-то около пяти часов вечера мы были на месте. Нас ждали. Но сказали, что придется ждать темноты и потому мы можем немного отдохнуть. Мы поблагодарили Бога за охрану в пути, и я прилег на диван, но уснуть не мог. За дверью слышались голоса, и только теперь я понял, как напряжены были мои нервы. Судя по тому, как ворочался мой дядя, он тоже не мог спокойно отдыхать. Наконец за дверью послышался мужской голос, и я понял, что пришел хозяин дома. Мы вышли в освещенную кухню. Поприветствовались с братом. Во время ужина он предлагал произвести погрузку ночью, отдохнуть и только утром отправиться в обратный путь. Как-никак 1200 километров были позади нас. Мы же склонялись к тому, чтобы загрузить груз как можно скорее и тут же отправиться в обратный путь. Между тем темная южная ночь уже стояла на дворе. Мы поехали по домам верующих загружать наш драгоценный груз. Как я уже говорил, мы, то есть верующие, пытались как-то соблюдать конспирацию. Естественно, никто этому не учился, и потому часто случались накладки в работе. Вот и теперь. Братья и сестры хранили собранную бумагу у себя в небольших количествах, и нам пришлось ехать от одного дома к другому или даже в другой район города. Это было равносильно тому, как если бы я везде показывал свой паспорт, ведь стоило только взглянуть на номер, как любому становилось ясно, откуда автомобиль, из какой местности. Донеси кто-нибудь, и органы в течение пяти минут знали бы, кто за рулем этого автомобиля. Единственное, что хранило нас, — милость и благодать Божия. Мы были в Его руках, делали Его дело, дело по Его поручению, несли Его Слово людям и потому уповали на Его водительство и охрану. Как Господь нас чудно хранил, мы особенно пережили (в который раз!) на обратном пути.

Между тем погрузка заканчивалась. Кузов наполнялся бочками, пчелиными ульями, старыми сундуками и разным другим домашним скарбом (если не сказать хламом, ведь известно, как трудно жили материально братья и сестры). На одной из узких улочек, прямо во дворе дома, ибо в доме в это время проходила репетиция оркестра, мы помолились и под негромкие звуки мандолин и гитар отправились в обратный путь.

В дороге рассуждали о том, что у Господа везде есть Свои дети, готовые трудиться для Него.

Стоял туман, и вскоре он настолько сгустился, что буквально в двух метрах не видно было дороги. Я пересел за руль. Открыв окна, мы во все глаза смотрели вперед, следя в основном только за тем, чтобы не съехать с дороги. Ехали очень медленно, но совсем останавливаться не было смысла. Напряжение было велико, каждую секунду на дороге могла оказаться арба или понуро бредущий ишак, выгнанный хозяином.

Вскоре я совсем потерял ориентировку во времени и месте нахождения. Сколько времени мы уже плыли в этом молочном облаке — час, или два? Внезапно туман рассеялся, и нашему взору открылась дорога на перевал, что лежал перед нами. Я подумал: это милость Божья к нам, что перед самым опасным участком дороги туман исчез, а следующей мыслью уже была: так весьма часто бывает, и я с таким явлением уже не раз встречался.

Пока я так размышлял, мы уже преодолели первые подъемы и серпантины. Все чаще облако тумана преграждало нам путь, и вскоре мы снова и окончательно были им взяты в плен. Он не был таким густым, как внизу, в долине, но все же продвигаться вперед приходилось очень медленно. Постепенно случилось так, что автомобили, стоявшие на обочинах и не рисковавшие ехать вперед, пристроились сзади к нам, и таким образом образовалась целая колонна. Почему-то вспомнилось место из Священного Писания: „Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму“. Но мы не были слепы, и они следовали за нами. Думалось, хорошо если бы и в духовном плане так было.

Наконец слева замелькали огоньки небольшого рудного городка, притаившегося в расщелине гор. Теперь перед нами лежала широкая равнина до самого Ташкента. Была ночь, и, по всей вероятности, милиционеры спали. Нарушая покой улиц миллионного города, мы проехали его до северо-восточной окраины. На кольце из тени будки ГАИ вышел милиционер, явно намереваясь нас остановить, но, по всей вероятности, заметив, что мы не „поливные“, то есть не груженые сухофруктами для продажи в Казахстане или Сибири, повернул назад в тепло будки. А может, Господь положил ему другие мысли? Зато на границе с Казахстаном нам перекрывал дорогу шлагбаум. В небольшой будке сидел пожилой милиционер-узбек. И он явно не собирался выходить оттуда. Я взял путевой лист и подошел к нему. На столике перед ним лежал раскрытым какой-то регистрационный журнал. Справа — пиалка с уже остывшим чаем. Сам он, в грязном кителе и рубашке с засаленным воротником, со сбитым набок галстуком, выглядел, однако, вполне добродушно.

— Эй, куда едешь? Что везешь? Домашний вещь? Не может быть! Но сегодня праздник, не буду портить настроения. Езжай дальше!

Он протянул руку в окно будки и отцепил веревку, за которую был привязан шлагбаум. Дорога была открыта. Мы продолжали путь, радуясь и благодаря Бога за то, что Он чудно управляет сердцами и мыслями людей. Но самое удивительное было еще впереди. Уже серело небо и становились видны очертания сопки и гор на горизонте, когда мы вдруг увидели останавливающего нас милиционера, закрытый шлагбаум, вагончик, что стоял прямо у дороги. Я резко затормозил, ибо не ожидал встретить в этом месте пост, к тому же дорога шла довольно резко под уклон. Остановился прямо перед милиционером.

— Ты куда несешься? Документы!

Он подошел ко мне, я протянул ему путевой лист.

— Права! А это кто рядом с тобой? Клиент?

— Нет, это мой дядя.

— Знаем, что за дядя!

Я не глушил машину.

— А ну, заглуши машину! Что везешь?

В свете фар он все еще разглядывал документы, затем встал на подножку и заглянул в кузов. Попробовал приподнять крышку ящика, но она не поддавалась. Это было нами сделано умышленно, ибо мы предвидели такой вариант. Кузов был загружен не полностью, и сзади стояли открытые бочки с прикрытой тряпьем бумагой.

На секунду задумавшись, он закричал:

— Петька, ты на что здесь? А ну полезай, посмотри, что там в кузове!

— Домашние вещи, — начал было я...

— Знаем, знаем, — оборвал меня милиционер.

Я молился Господу. Петька, паренек лет шестнадцати, запрыгнул в кузов и начал рыться в вещах. Открыл сундук, затем сбросил мешковину с бочки и заглянул в нее. К тому времени уже довольно рассвело, и он наверняка видел ее содержимое. Сердце гулко стучало в моей груди.

— Ну что там? — спросил милиционер.

— Вещи, домашние вещи... — как-то растерянно протянул Петька.

Видел он бумагу или нет, или ожидал найти там что-то другое — для меня было очевидным одно: Господь закрыл ему глаза, и он не видел ничего, кроме домашних вещей.

Как-то нехотя, словно под чьим-то давлением, милиционер протянул мне документы:

— Ладно, езжай. Домашние вещи. Барахло!

Опять мы в молитве благодарили Бога за Его чудеса. Дядя рассказывал о подобных случаях из жизни верующих в прошлом. Но то, что мы стали свидетелями Его могущества в нашей жизни, и теперь еще наполняет мое сердце хвалой. Он Господь! Он добрый Пастырь и знает Своих и их нужды!

Последняя задержка произошла в Джамбуле. Шел ремонт дороги прямо в центре города. На скользкой от грязи дороге я не успел вовремя заметить выкопанную и плохо засыпанную траншею и с разгона влетел в нее. Пассажиры проходившего мимо автобуса через забрызганные грязью окна удивленно глядели, как я крутил баранку то влево, то вправо, а автомобиль не слушался руля. Я остановился. Заглянул под автомобиль и увидел, что срезало палец продольной тяги.

Стуча ногой по колесу, мы съехали на обочину.

— Снимай тягу, — сказал мне дядя, — а я постараюсь найти что-нибудь.

Он остановил такси, и через минуту его уже не было. Я достал инструмент и начал разбирать тягу. Когда я, вымазанный с ног до головы грязью и мазутом, вылез из-под машины, передо мной стоял, улыбаясь сквозь рыжую щетину, дядя. На ладони лежала нужная запчасть:

— На, возьми, по-моему, это то, что нужно.

Я полез под машину.

Когда мы выехали за город, дядя, сидя за рулем, рассказал мне, чумазому и страшно уставшему, как он достал шаровый палец.

— Куда? — спросил таксист.

— В ближайшую автобазу.

Дежурный механик сказал, что сегодня праздник и никого на территории автобазы нет, но все же дал себя уговорить подойти к навесу, загороженному спереди сеткой, где хранились всякого рода старые агрегаты и запчасти. За сеткой на полу лежал нужный палец.

— Вот он-то мне и нужен, — сказал дядя.

— Да, но как его оттуда достать?

— Сейчас, одну секунду, — дядя стал оглядываться вокруг.

Наконец он нашел то, что искал. Кусок старой катанки лежал неподалеку. Он загнул ее конец, и после нескольких попыток палец был извлечен из-за сетки.

Подждавший у ворот таксист спросил:

— Теперь куда?

— К машине, где вы меня взяли, — ответил ему дядя, показывая добытый палец.

— Ну и ну, — покачал головой таксист, — наверняка в снабжении работаешь, нам бы такого в таксопарк.

Дядя только улыбался.

Уже смеркалось, когда я от тряски проснулся. Мы завернули на нашу улицу. Я открыл ворота, и дядя въехал в наш двор. Дома никого не оказалось. Все были на помолвке моего брата. Дядя пошел домой, а я, кое-как умывшись, упал на диван, тут же заснул и не слышал, как пришли родные и началась разгрузка „домашних вещей“.

Было пятое декабря...

Андрей ЦОРН

ОБРАЩЕНИЕ

Пресвитер нашей общины обратился к присутствующим с предложением: „Дорогие братья и сестры, если у кого из вас есть желание рассказать о своем обращении, то можете это сделать сейчас“.

Наступило молчание. Каждый старался восстановить в памяти свое обращение к Господу и думал, как и с чего начать свой рассказ. Но вот поднялся старец Рублевский, вышел вперед к кафедре и начал:

— Дорогие братья и сестры! Если можно, то я расскажу вам сегодня об одном обращении. Это было давно. Были мы тогда с женой еще молоды, а наши дети — совсем маленькими. Жили мы в Пенсильвании. Я работал на электростанции.

Молоко для детишек приходилось иногда покупать у жившего неподалеку фермера. Приходя к нему, я всякий раз говорил о Христе-Спасителе, но за это он меня возненавидел и решил проучить. О своем злом намерении — спустить на меня своего пса — он рассказал своим соседям. Пес был здоровенный и очень злой. Когда фермер спускал свою собаку с цепи, то все соседи прятались по домам. И вот как только я зашел во двор фермера, ко мне сразу же бросился пес. Я от страха закричал: „Господи, спаси меня!“ И тут произошло то, чего хозяин, да и я, не ожидал: пес обнюхал мои ноги и не тронул меня. Хозяин, увидев, что пес меня не трогает, пришел в ярость и стал натравливать его на меня: „Вольф! Вольф! Возьми его!“ Но пес меня не трогал. Осмелев, я погладил пса и, положив руку ему на спину, подошел вместе с ним к хозяину.

„Напрасно вы стараетесь, — сказал я ему, — пес ведь тоже тварь Божья и понимает: кого трогать, а кого — нет“. Хозяин изумился и пригласил меня сесть с ним на крыльце. Мы сели. Я достал из кармана Библию и, наугад раскрыв ее, стал читать: „Язык мудрых сообщает добрые знания, а уста глупых изрыгают глупость. На всяком месте очи Господни: они видят злых и добрых. Кроткий язык — древо жизни, но необузданный — сокрушение духа“.

Когда я читал это, Дух Божий обличил фермера и указал ему, кто он в сущности. Гордый до той поры фермер вдруг пал на колени и начал взывать: „Господи! Я погибаю! Спаси меня!“ Обливаясь слезами, фермер просил Господа помиловать его, и Господь его помиловал.

Этот фермер стал другим человеком. Когда он поднялся с колен, то обратился ко мне: „Сегодня воскресенье, день Божий, иди и скажи пастору и всем верующим, что я приглашаю всех к себе на обед. Попроси прийти всех“.

Я передал эту просьбу пастору, и он, посоветовавшись с членами церкви, принял предложение фермера.

Мы прибыли на ферму всей общиной. В саду уже были расставлены столы и скамейки, проведено электрическое освещение. Чтобы накормить столько людей, хозяин зарезал две овцы, купил бочонок пива и много вина. Перед едой мы попросили у Бога благословения. Хозяин собрался было угостить нас вином и пивом, но, когда мы объяснили ему, что мы алкоголя не употребляем, он, показав на бочонок и бутылки, спросил: „Куда же я дену все это?“ „А вот куда“, — ответила его жена и с этими словами разбила бутылки с вином о пивной бочонок, а бочонок спихнула в канаву.

После угощения хозяин позвал своих соседей, чтобы и они послушали Слово Божье. В тот день было благословенное и радостное собрание. Оно затянулось до двенадцати часов ночи. В следующее воскресенье фермер с семьей приехал к нам на собрание. А через некоторое время он и его жена приняли водное крещение по вере. Потом уверовали и их дети. Они жили там еще лет пятнадцать и всем свидетельствовали о Христе-Спасителе, а дети их и по сей день еще здравствуют и пребывают в Господе. Слава нашему Господу!

Это свидетельство старца Рублевского запало мне в сердце и, придя домой, я записал его, ничего к нему не прибавив и ничего не убавив.

Николай ШЕВЧЕНКО

БОГ ОТКРЫВАЕТ МОЕ СЕРДЦЕ

Мне 23 года, зовут меня Дима. В 1993 году я окончил строительный институт в Нижнем Новгороде. Там я и принял Бога своим Господом и Спасителем.

Посещая евангелизационные служения, я многое узнал о Боге, о Его любви, милости, о том, что Он является моим Творцом. До этого я никогда не слышал и не знал ничего об этом. Да и узнать было практически негде. Я благодарен Богу за то, что Он привел меня на эту евангелизацию, проводимую иностранными миссионерами, где мне открыли глаза и благодаря которой у меня совершенно изменился взгляд на этот мир.

Вас, наверное, интересует, что же все-таки привело меня туда. Ответить можно просто — это был Бог. Он создал все условия, чтобы я понял, где я нахожусь в этом мире и куда мне нужно идти, в чем смысл жизни и кто любит меня огромной, неиссякаемой любовью.

Я немного опишу свою жизнь до моего обращения.

В 1989 году у меня умерла мама. Это случилось совсем неожиданно. В воскресенье она провожала меня в Нижний Новгород, где я учился, для сдачи экзамена. Экзамен должен был быть через день. Мама была здорова. Она улыбалась; я до сих пор помню ее лицо. А на следующий день уже в Нижнем Новгороде я получил телеграмму, в которой сообщалось о ее смерти. Я не поверил этой телеграмме. Думал, что это ошибка, ведь не прошло еще и суток, как она была жива и здорова. И до самого моего приезда я не верил, что ее больше нет. Поверил только тогда, когда увидел. Я пытался понять, почему это произошло. И если есть Бог, то почему Он допустил такое, лишив меня самого дорогого, что у меня было. И тогда у меня появилась мысль: если даже Бог и есть, то Ему наплевать на меня и на мою жизнь. Я был зол на всех и на себя. Мне не нужен был такой Бог. На себя же я злился потому, что я уехал на день раньше, на тот самый день, когда умерла мама. И, если бы я не уехал, она была бы жива.

Я стал пить. Пил много. Я не хотел ни о чем думать, а этого состояния легко достичь напившись. Я пил не переставая около двух недель. Очнулся, когда у меня кончились деньги. От выпитого мною вина, от того, что не было мамы, мне было очень худо. Не знаю, как я мог пережить этот период, как мой организм мог все это выдержать, наверное, только благодаря Богу. С этого времени я скатывался все ниже и ниже, жил только для себя, мне было наплевать на других. Конечно, у меня оставался отец, но он ушел от мамы за несколько месяцев до ее смерти. Хотя он любил меня, часто приходил ко мне, но я был зол на него, так как он ушел от нас. И пожалуй, единственный, кто мне был дорог в то время, это мой младший брат, которого я очень люблю. И только из-за него я приезжал домой. Приезжая раз в две недели, я привозил водку, и мы с ним несколько дней пили. Да, я тогда не понимал, к чему это может привести. Хотя это было видно практически сразу. Учиться стал все хуже и хуже. С трудом сдавал те экзамены и зачеты, которые необходимо было сдать, чтобы остаться в институте. Приезжая домой, я все чаще тратил время не на учебу, а проводил его впустую, сидя за бутылкой. Так прошло полтора года. Моему брату исполнилось 18 лет, и его забрали в армию. В тот день я в последний раз напился. У меня наступило отвращение к вину, мне надоело пить. Да и человек, с которым я пил, уехал, и вернется только через два года. И тогда я сказал всем, что я больше не пью. Конечно, если бы я через несколько дней не пришел на евангелизацию в Нижнем Новгороде и не принял бы Бога, то это оказалось бы ложью. Но это оказалось правдой. Случайно, ради любопытства, я пришел туда, и Бог раскрыл мое сердце. Прошло несколько месяцев, и Бог совершил со мной чудо. Я стал совершенно другим. Бог изменил меня. Он дал мне новое сердце. И теперь я люблю Его. Я люблю всех людей в мире. И я благодарен за это Богу.

Недавно я устроился на работу. Скоро придет мой брат из армии, и я прошу Бога, чтобы Он изменил и его жизнь.

Дмитрий ПЕТРЯЕВ

Я ПОГИБАЛА, А ИИСУС СПАС МЕНЯ

С великой радостью хочу рассказать о том, что сделал для меня мой Господь, мой Спаситель, мой Иисус Христос. Как я Ему благодарна!

Мне 33 года. К Господу я пришла четыре года назад. А до этого я жила для себя и служила греху и дьяволу, не сознавая того. Людей не любила и гордилась этим.

Десять лет я работала на советской эстраде артисткой балета в коллективе популярной певицы Лаймы Вайкуле. Мы объездили большую часть бывшего Советского Союза, все бывшие социалистические страны, а также были в ФРГ.

Я не могу сказать, что в Бога я не верила, я просто ничего не знала о Нем. Мне никогда серьезно никто не рассказывал о Нем. Я выросла в атеистической семье. Мой отец был военнослужащим, теперь на пенсии. Моя мама — медицинский работник. Она по-своему в глубине души верила в существование Бога, но нам с сестрой никогда ничего не рассказывала.

И вот, помню, лет в 18 стали приходиться мысли: „Интересно, а есть ли Бог? Ведь никто не доказал, что Его нет“. Но это были мимолетные мысли.

Однажды, когда в очередной раз мы были на гастролях в Ленинграде, один парень (танцор) предложил заняться спиритизмом (вызывание духов). После концерта вечерами иногда нечем было заняться, и мы решили попробовать. Действительно, все получилось. Я была потрясена. И вот тут для меня стало совершенно ясно: „Если есть „это“, то, значит, есть и Бог“. Вот так я поверила окончательно и бесповоротно, что Бог существует. Но, к моему несчастью, я даже не подозревала, что спиритизм — это черная магия, что приходили с нами общаться не души умерших людей, как мы думали, а дьявол и его слуги: бесы, демоны. Хотя они безобидно выдавали себя за души умерших когда-то знаменитых людей. Писали нам стихи, предсказывали некоторые события, отвечали на различные наши вопросы. Конечно, было больше неправды, чем правды, хотя кое-что сбывалось. Дьявол хитрый, ему нужно было нас привлечь. Меня очень все это заинтересовало, и я втянулась. По приезде домой, в Ригу, мы стали собираться у одной девушки. Там после работы сидели допоздна, а потом разъезжались по домам. Вскоре меня постигла беда. В одно утро, когда мои родители ушли на работу и я начала засыпать, я вдруг совершенно отчетливо услышала приближающиеся шаги от входной двери к моей комнате. Кто-то подошел и в дверях остановился. Я посмотрела и, никого не увидев, подумала: мерещится. Но тут же распахнулось одеяло, и я почувствовала на себе теплые человеческие руки, которые начали меня трогать. Я ничего не понимала: все чувствовала, видела наяву комнату, но никого не видела. Это было страшно. Этот ужас продолжался каждое утро. Я сопротивлялась и боролась, сколько было во мне жизненных сил. И когда я особенно яростно оказывала сопротивление, „некто“ начинал меня душить, издевался как хотел. Сама я не могла выйти из этого состояния. Я была как в западне. Измотав мою душу до предела, „некто“ оставил меня, и я с трудом выходила из этого состояния. Это невозможно описать, это настолько страшно, что, наверное, даже можно применить мирскую поговорку „врагу не пожелаешь“. И так день за днем. Моя нервная система была доведена до полного изнеможения, я боялась ложиться спать, я изнуряла себя. В конечном итоге засыпала, и начиналось все снова. Нет, это не был кошмарный сон. Это состояние между сном и явью. Я пыталась кричать сколько было сил, но никто не слышал. А мне казалось, стены содрогаются от крика. Однажды, когда я опять пришла в себя, зная, как я кричала, я спросила у мамы (это было в субботу, в выходной, мама с папой были дома): „Мама, ты ничего не слышала?“ Она ответила: „Ты стонала“.

„Вот так, — подумала я, — я кричу, а слышен только стон“. Осознать было страшно: никто, абсолютно никто в целом мире не может мне помочь. Ужас объял меня. Дьявол делал все, чтобы я сошла с ума. И я была на грани этого. Но я не знаю, откуда брались силы, и я боролась. Я все-таки не сдавалась. И вот теперь, оглядываясь назад, я вижу: Бог-Отец все это тоже видел. Но мне даже в голову не приходило воззвать к Нему (не знаю, почему). Но Он Сам все сделал. Господи, как же Ты милостив!

К моему стыду, я дожила до 27 лет и не знала, Кто такой Иисус Христос. Я слышала это имя, но ничего о Нем не знала. И вот тут, когда была так одинока в своей беде, Бог-Отец показывает мне Своего Сына Иисуса Христа и как бы говорит: „Вот твой Спаситель“. Как показал? Я увидела шестичасовой художественный фильм „Иисус из Назарета“. Как я рыдала! Я узнала об Иисусе, я увидела, как Он исцелял людей, как во всем помогал, что Он говорил, как Он жил. И что с Ним сделали люди! Я тогда еще не поняла, что Он умер за наши грехи и за мои тоже, но поверила всему тому, что увидела, и полюбила Иисуса Христа всем сердцем.

Я начала Его искать, всем подругам, родным про Него рассказывать. Чужие слушали с интересом, а родные не понимали.

Мои мучения по утрам продолжались не только дома, но и на гастролях — куда бы я ни поехала. Мне подарили Библию. Я открыла Ветхий Завет, начала читать, дошла до родословной Ноя. Не поняла, как это можно запомнить (хотя это и не нужно), на этом преткнулась и оставила Библию. Ошибка была в том, что я начала с Ветхого Завета, надо было начинать с Нового. И если бы читала упорно Евангелие, быстрее бы пришла к Господу и все бы мучения кончились раньше. Но было не так.

Мне вдруг захотелось выучить молитву „Отче наш“ и с нее начать молиться Господу. Я не ложилась спать, пока не помолюсь. Моя подруга, которая со мной везде жила на гастролях, ложилась спать, а я шла в ванную, закрывалась, вставала на колени и молилась „Отче наш...“. Я верила, что Бог меня слышит, принимает мою молитву и хранит меня. Я стала ходить в православную церковь. Но никого, кроме Иисуса Христа, я там не хотела ни знать, ни видеть. Только Ему я ставила свечки, только Ему я приносила цветы. Через некоторое время я решила принять водное крещение в православной церкви. Тогда для меня это был храм, где обитает Бог. Я думала: „Если я приму крещение, Господь Иисус возьмет меня под Свою защиту и будет хранить от сатаны. И все же спиритизмом мы с подругой изредка занимались. Мне и в голову не приходило, что вся моя беда от этого. И вот я окрестилась. Помню, перед самым крещением, когда сидела и ждала священника, горько плакала. Тяжелый камень лежал на сердце, и слезы лились рекой. Выйдя из церкви, я крепко верила, что теперь Иисус со мной и хранит меня. Но я еще не была спасена. Дьявол это видел и знал, что я еще в его руках. И для того, чтобы я перестала искать истину, биться и метаться, он оставляет меня на год. Вот так он меня обманул. В Библии так и написано, что он князь лжи. О если бы вы только знали, какое это коварное существо!

Это сейчас я, все проанализировав, поняла. А тогда, конечно, я ничего и не подозревала. И действительно, успокоилась. Но какое счастье, что есть Бог, Который все видит, все знает и Который так нас любит! Он тоже все видел. И, конечно, не оставлял меня ни на секунду. Ведь я все время Ему молилась. Мне никто ничего не рассказывал, никто не направлял, об истинной церкви я и понятия не имела. Но милосердный Господь вел Сам меня за руку.

Я выхожу замуж. Мой муж — музыкант. Он из моей среды общения. Тоже сцена, гастролы, беспутная жизнь. Мы оба пили, курили, ругались. Нецензурная брань была нашей обычной разговорной речью. Мы считали себя современными и к тому же еще популярными людьми. А так живут почти все популярные артисты. Только теперь я вижу, какой это был ужас. А тогда мне все нравилось. Мы были довольны собой. Конечно, горечи разочарований было больше, чем счастья. Это точно. Но как-то жили и крутились в этом водовороте, не задумываясь о будущем.

Мой муж с концертами объездил почти весь мир. И вот в очередной раз он уезжает в Германию на гастролы, вслед за ним через полгода приезжаю я. Господь Своей чудной рукой приводит нас в дом дочери человека, который знает истину, который познал любовь и прощение Божье, который в вере уже 40 лет. Он возрожденный христианин, он неутомимый труженик на ниве Божией. Сколько он душ привел ко Христу! Как он любит Господа, так он любит и людей. Не жалея сил и здоровья, этот слуга Божий рассказывает о спасении, читает нам Библию, знакомя со Словом Божиим. Не жалея себя, он каждый день после работы приезжает к нам, беседует. А затем ночью мчится за 180 км домой. Рано утром встает на работу, а вечером — снова у нас. Спал по 3—4 часа в сутки. И так почти каждый день. Но он делал это с радостью, и Господь поддерживал его, давал силы и хранил. Сейчас ему 70 лет, а тогда ему было 66, но он не выглядит на свои года. Он не стареет, а молодеет. Все поражаются. А я знаю, откуда это. Потому что Иисус Христос живет в его сердце. Он не только рассказывает о Господе, но и помогает нуждающимся, прославляя тем самым Бога. Он все делает во славу Господа Бога, Которого любит больше всего на свете. И Бог его обильно благословляет...

Когда я услышала от него истину, то не поняла ее и не приняла. Я стояла на своем и считала, что Иисус со мной, любит и хранит меня. Не хотела слышать о другом и даже злилась. На что опытный христианин сказал мужу: „Пока ей Сам Господь не откроет, что она еще в беде, она не поверит“. Так и вышло. Я была уже на 4-м месяце беременности. И вдруг, в одну из ночей, к моему великому ужасу, я вхожу опять в это состояние оцепенения и вижу, что ко мне приближается „некто“, одетый в белое покрывало, а вместо лица — провал, пустота. Он медленно приближался ко мне. Так как в эти дни я постоянно слушала и размышляла об Иисусе Христе, я подумала: „Может быть, это Он?“ Затаилась: что же будет дальше? Этот „некто“ подошел ко мне, что-то над головой сделал, повернулся спиной и стал медленно удаляться. И вот тут я увидела спину, которая была, как у зверя, вся в шерсти. В этот момент я сразу поняла, кто это. Я думаю, пояснять не надо, какой страх и отчаяние охватили меня. Я начала кричать, прикладывать все силы, чтобы муж что-то услышал, но все было напрасно. Чудовище удалялось, и я с надеждой думала, что сейчас приду в себя и все кончится. Далее я услышала, что он в коридоре надевает какой-то болоньевый плащ (которого у нас нет) и возвращается назад. Мной овладел такой страх и отчаяние, что я закричала сколько было сил: „Господи!“ И сразу резко пришла в себя. Такого никогда не было. Из этого состояния оцепенения я всегда выходила медленно и мучительно. Но здесь все произошло мгновенно после отчаянного крика „Господи!“ Я была уверена, что Сам Господь меня оттуда выгасил, как вытаскивают, бывает, из воды утопающих за волосы. Это все случилось примерно в 3—4 часа утра. Я села на диван и начала безудержно рыдать. Муж проснулся, не мог понять, в чем дело.

И вот я опять наедине со своим горем. „Неужели все сначала? Неужели это не кончилось?“ — думала я. Моя вера, что я оставлена злой силой, рухнула. „Господи, что же мне теперь делать, как же мне жить дальше, ведь я сойду с ума, ведь я больше так не могу мучиться, — плакала я, — я не выдержу больше“. Как страшно жить и сознавать, что тебе никто в целом мире не может помочь. Но всемогущий Бог знал, что надо делать. Он и вел меня к Себе.

Наш духовный наставник не ошибся („она не поверит, пока ей Сам Господь не откроет“). В этот же день я ему все рассказала в слезах и волнении. Он сказал, что с братьями будет молиться за меня. Да, я уверена, что он и так усиленно молился за нас с мужем. И может быть, благодаря его молитвам, так все быстро и произошло. Это могло длиться еще много времени, так как Библию я не читала. Это была моя огромная ошибка. Но все же как милостив наш Господь Бог! 21 марта 1990 года поздно вечером мы собрались побеседовать. Наш духовный наставник привез послушать кассету Ярла Пейсти с проповедью о втором пришествии Христа на землю. Когда я услышала, что Иисус снова к нам придет, я очень обрадовалась. Но мне почему-то и в голову не приходило, что я — погибшая грешница и что таких Иисус не возьмет к Себе. Это я еще не знала. Потом мы читали вслух маленькую книжонку о Святом Духе. Помню, как сейчас, мое тогдашнее состояние. На сердце стало как-то очень грустно, очень тяжело. Такой груз лежал на душе, словно тяжелый камень. Я сидела, опустив голову, из глаз лились слезы. Я ничего не понимала, что со мной происходит. Хотелось убежать в другую комнату и расплакаться. Ком стоял в горле. Ничего подобного в моей жизни еще не было. Абсолютно не было сил сдерживать рыдания. Я побежала в другую комнату и рухнула на колени. У меня было такое чувство, будто Иисус стоит передо мной. Я знала, перед Кем я каюсь. В этот момент я видела себя грязной, ничтожной грешницей. Мне было так стыдно перед Господом за свою позорную и грешную жизнь. Помню, сквозь рыдания говорила: „Господи! Прости меня, сделай меня другой, я не хочу больше такой быть,

я не хочу больше так жить! Помогите мне, Господи, и прости меня, прости, пожалуйста“. Рыдала, помню, и долго не могла успокоиться. Появилась мысль: „Что же я делаю, а будущий ребенок?“ И тут как будто внутренний голос говорит: „Не бойся, Я сохраню!“ У меня был сильный стресс, и поэтому если бы не Господь, ребенка бы, может быть, и не стало. И Господь не только сохранил ребенка, но и благословил. Наш наставник все это время стоял около меня тоже на коленях. А после того, как я успокоилась, он стал в молитве благодарить Бога. Поднявшись с колен, я обнаружила в своем сердце необыкновенный мир и покой. Так хорошо было на душе и так легко! Это словами все-таки невозможно выразить. Чтобы это понять, надо пережить. И те, кто пережил подобное, меня понимают.

Господь простил мне все. А самое главное, Он мне подарил вечную жизнь с Ним на небесах. Это, наверное, самое большое счастье для меня и самый большой подарок. Как я хочу быть с Иисусом! Вот уже четыре года я уверена в том, что буду там с Ним. И никто, никакая сила не может переубедить меня в этом, потому что Сам Господь положил мне это на сердце. Уверенность эта крепнет из года в год.

Если бы вы только знали, как я счастлива с Господом! Нет в мире выше счастья, чем быть чадом Божиим. В моем сознании укоренилась мысль: „Как же вообще можно жить без Господа? Ведь это так страшно! Этот мир такой жестокий! А я ведь прожила так 29 лет“. Страшно вспоминать.

Мое покаяние и возрождение произошло 21 марта 1990 года. Этот день я не забуду никогда. Это самый счастливый день моей жизни. Буквально на следующий день я себя не узнала. Что со мной? Все то, что мне нравилось раньше, что меня так привлекало, стало теперь противным. Господи! Чудо произошло! Сердце другое, мысли другие, желания другие. В сердце зажглась любовь к людям. Появилось непреодолимое желание попросить прощения у всех, кого я раньше обидела. И Бог дал мне эту возможность. Началась новая, необыкновенно интересная, счастливая жизнь. Мне хотелось на весь мир крикнуть: „Люди! Остановитесь, куда вы идете? Иисус живой, Бог живет и существует на самом деле. Это не выдумки. И самое главное: есть вечная жизнь с Богом и можно ее иметь. Бог дает ее даром, это подарок. Его может получить каждый желающий. Как же милостив Бог к нам, падшим грешникам! Он хочет вернуть нас к Себе в рай и жить с нами вечно. Неужели вы не хотите жить вечно, да еще и в блаженстве? Вы вправе спросить: откуда я это взяла? Ответу: из Библии. Там Бог говорит так: „...Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его“ (1 Кор. 2:9). Чудесно, правда! Я этого очень захотела. И Бог сразу вышел мне навстречу, дал мне прощение грехов и жизнь вечную. Оковы греха лопнули в один момент. Я свободна! Все страхи прошли, исчезли, как туман. Да, Господь велик и всемогущ. Дьяволу пришлось отступить, оставить меня. Я теперь принадлежу моему Господу и Спасителю Иисусу Христу. Эта радость меня никогда не покидает. Раньше я так любила свою работу, сцену. Я не представляла своей жизни без этого, это было для меня все. Но теперь все померкло перед Иисусом! Иисус Христос — жизнь моя. Мне больше ничего не надо. Больше всего на свете я боюсь потерять Его.

Моя работа и прежняя жизнь оказались полной бессмыслицей. Мне не только не хочется быть такой, какая я была раньше, но мне даже страшно подумать об этом. Я теперь боюсь греха и ухожу подальше от него. Да, случается, что я еще делаю ошибки, бывает, огорчаю Господа. К сожалению, моя плотская природа иногда берет верх над моей духовной природой. Но Господь постепенно перевоспитывает меня и меняет мой скверный характер. Теперь мне открывается Слово Божие. Как будто завеса упала с глаз. Все так интересно стало, как бы Библия ожила для меня. Господь отвечает на все мои молитвы. Если я, например, что-нибудь попрошу у Господа, то рано или поздно обязательно получаю. Я очень благодарна Ему за все. Если у меня есть какие-то вопросы или мысли, не дающие мне покоя, то Господь отвечает на них. Ответы я нахожу в Библии или в духовной литературе, а бывает, устами братьев по вере, таких же детей Божиих. А как чудно Бог хранит меня и всю мою семью! Сколько было опасных случаев, и всегда Он помогал. Он заботится о нас, как о детях Своих малых. А ведь так и есть! Да, с приходом к Господу у нас появилось столько братьев и сестер! Трудно сосчитать. Все мы любим друг друга. Это больше даже чем родственные связи. Нас объединяет любовь к Иисусу Христу, любовь к Отцу нашему Небесному. Сколько наши братья помогают нам! Я знаю, что в мире такого нет. Это совсем другой мир, в корне отличающийся от того мира, в котором я жила раньше, в котором еще многие живут и сейчас. Порвите с этим миром, порвите с грехом раз и навсегда. И вы будете самым счастливым человеком на свете. Любовь Божия окутает все ваше существо, и вы никогда больше не захотите расстаться с этим. Вы только искренне попросите у Иисуса Христа прощения за все свои грехи, и Он простит, обязательно простит. Он взял наказание за все наши грехи на Себя. Подумайте только, что Иисус сделал для нас! Ведь мы на такое в жизни не пошли бы, а Он пошел. Он пошел на крест за нас, или даже точнее, вместо нас. Мы должны были там быть, каждый. Я знаю одно: я погибала, Иисус спас меня. Я жила в постоянном страхе, Иисус освободил и дал полный мир и покой в сердце. В Евангелии от Иоанна Он так и говорит: „Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается“ (Ин. 14:27). И еще: „Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас“ (Мф. 11:28).

Это правда, я проверила это на себе. Иногда Господь допускает трудности (они необходимы, так как закаляют веру), но Он же и помогает их преодолевать.

Господь носит меня на Своих руках, и я так благодарна Ему за это. И будет Он это делать до самого моего последнего вдоха в моей земной жизни. А затем на этих же руках мой Господь отнесет меня в Царство Отца нашего Небесного. И там мы вместе будем вечно. В молитвах прошу Бога, чтобы Он спас всю мою семью. Очень хочу,

чтобы мы все вместе были в вечности. Как это чудесно! Я верю, что Он всех моих приведет к Себе. Я буду постоянно видеть Иисуса и разговаривать с Ним. Это самое большое счастье для меня. Я от всего сердца желаю всем такого счастья. Да благословит вас наш любящий Господь!

Ирина МОРГУНОВА-ЖУК

Я ХОЧУ ВАМ РАССКАЗАТЬ!

Мои родители неверующие, а как я узнала о Боге и поверила в Него, я хочу вам рассказать.

У нас в доме живет тетя Таня. Она очень верит в Бога. У нее кошка родила котят. Она позвала меня, чтобы я с ними поиграла. И вот она мне начала рассказывать про Бога. Она дома у себя собрания проводила для детей. И вот я познала Бога. Но родители мои не верят в Него. Мама заметила, что с тех пор, как я стала ходить на собрание, мое поведение улучшилось. Я все выполняла, о чем просили меня родители. Моя мама начала читать Библию. Два раза пошла со мной на собрание. И старается не грешить. Но еще не осознала, что Иисус умер за нее на кресте. Папа мой не верит в Бога. Я делаю все, чтобы он хоть чуть-чуть узнал о Боге. Моей сестре уже 16 лет. Я ей рассказываю о Боге, она вроде слушает, но не верит в Него.

Молитесь о моей маме, папе и сестренке.

Татьяна

...И БОГ УСЛЫШИТ ТЕБЯ

Небо было грязно-серым. Шел дождь со снегом, и холодный ветер, казалось, поддувал со всех сторон.

До отхода поезда, увозившего меня в очередную командировку, времени оставалось мало, я должна была торопиться, а вместо этого... Вместо этого я стояла, как приклеенная, у вокзального газетного киоска и растерянно прислушивалась к настойчивому желанию внутри себя — купить газету, которую я никогда не покупала и не читала.

Но перед отъездом я молилась и поэтому понимала, от Кого во мне рождалось это желание, хотя сейчас оно и было для меня непонятным.

И, подчиняясь какой-то внутренней тревоге, я купила газету под названием „КОД“ (криминалистика, обозрение, детектив). Из пяти номеров, предложенных мне, я решительно выбрала двадцать седьмой.

Потом, лежа в купе, я развернула купленную в киоске газету и уже с третьей страницы поняла, зачем я ее купила.

Поняла, наткнувшись на заголовок открытого письма „Крик души“. Да, я должна была прочитать эту статью. Я должна была услышать этот крик пострадавшей, не знающей мира и покоя души, — крик отчаяния, ненависти и протеста. И предложить этой душе рецепт исцеления от захлестывающей ее боли и злобы.

Я не буду приводить здесь всего письма из места заключения. Приведу только две выдержки:

«Пишет вам Логвин Александр Николаевич. 211800, Витебская область, г. Глубокое, УЖ 15/13 21. Особо опасный вор-рецидивист, статья 24.

Пятая судимость, но ни разу не было иска, даже на один рубль не принес ущерба ни обществу, ни народу, ни государству, ни гражданину в отдельности. Но отсидеть предстоит двадцать лет. Был в Соликамском лагере смерти „Белый лебедь“. Жив остался благодаря помощи знакомой учительницы с Брянщины Кузовлевой Тамары Федоровны. Я уже находился в бетонном мешке на процессе „обезжиривание“, когда она отбила телеграмму прокурору города. Всегда буду помнить Тамару Федоровну...

И еще: у нас, в Белоруссии, произойдут страшные события где-то через два-три года. И к этому периоду возникнет новая, самая серьезная, самая народная партия, партия узников и татуированных. Все самое здоровое, самое зрелое мужское население прошло через „проволоку“. А мы всегда очень хорошо помним, за кого сидели и сидим. Сейчас важно, чтобы цены на все продолжали расти, чтобы больше строилось тюрем и лагерей, чтобы остался один выход. Мне хочется, чтобы наша республика стала жандармской, чтобы к власти пришел человек в шинели, и Бог услышит меня...»

Моя душа была в смятении. Я готова была рассказать этому человеку о всепрощающей любви Божьей. О том, что вера в Иисуса Христа изменяет личность человека, делает из каменного сердца плотяное, умиротворяет душевную бурю, определяет новый смысл жизни...

Но мы стоим с этим человеком по разную сторону колючей проволоки... Меня не били дубинкой, не травили газом, не мучили голодом и холодом. А мне так хотелось помочь ему! Я молилась Иисусу! Я просила Его, чтобы Он указал мне на человека, который, вышедши из такого же ада, не вернулся в волчью стаю, а перешел в стан Пастыря — доброго, всемогущего и справедливого, — и от этого ничуть не проиграл, а, наоборот, почувствовал себя счастливейшим человеком, оттого что „выздоровел от зла“, спас себя и для жизни, уготованной ему здесь, и для вечности. И Господь указал мне на такого человека. И даже не на одного.

Бездуховное общество дает мрачные плоды — переполненные заключенными тюрьмы, которые от того, что происходит в стране, потеряли всякую надежду на будущее. Безысходность, тоска и отчаяние — это то, что заполняет их сердца. Нет более ужасного состояния, чем тупиковое. В это трудное время Господь через нас несет в эти опустошенные сердца Свою любовь, благость и милосердие, прощение через Иисуса Христа с верою в Него.

«Привет, Саша! Пишет тебе Владимир Кураков. Ты извини, что пишу тебе несколько необычным образом через наш христианский журнал. Я прочитал твой „Крик души“ и пытался вспомнить тебя, может быть, мы встречались с тобой в какой-нибудь зоне, на „особом“, или на „пересылке“? Я проехал много пересылок, двенадцать отсидел на „полосатом“, был в Златоусте в „крытой“, поэтому, вполне возможно, мы могли встретиться с тобой там, за колючей гранью надежды, ведь и отсиженных у меня, как и у тебя, — 20.

Сам я с Урала, воспитывался на кизеллаговском пайке и в наручниках. В 1972 году дали десять лет усиленного, в 1978 году — побег, в 1979 году сидел под „вышаком“, но по 24-й признали особо опасным рецидивистом, дали 15 „особого“, из них — пять „крытой“ в Златоусте. Кличка у меня была Дантес. Я твердо знал одно: тюрьма — это мой дом и все, живущие вне моего дома, мои враги. До 32 лет люди пытались сломать во мне все, за что я отчаянно цеплялся. Иногда я по кускам, как расколотые от удара прапорщика зубы, собирал свою совесть, желание дотянуть до свободы, чтобы встретить тех, кто запрашивал мне „потолок“.

В тюрьму мне никто не писал, кроме моей младшей сестренки. Она писала мне письма своим детским, корявым почерком... Она писала мне, бандиту, что я самый добрый человек на земле и самый хороший.

Ее письма для меня были кислородной отдушиной, каплей надежды — жить! Ты знаешь, как в камере ждут письма, каждый день. И минута тянется вечностью, а стук в коридоре — как шаги отрядника с долгожданным письмом.

В тот день я тоже ждал письмо с дорогим почерком, и когда в открытую „кормушку“ мне подали письмо от брата, я радостно удивился — вспомнили. Он писал, что сестренку Катюшу... убили! Я кричал на весь Златоуст! Мне никогда не было так больно, даже тогда, когда солдаты забивали меня коваными сапогами после лагерного бунта. Тогда впервые я понял, что у человека, кроме брэнного тела, есть незримая душа. Можно выдержать, наверное, любую физическую боль, а боль души? Когда болит душа, исчезает сон, аппетит, покой. Тело мы можем видеть, а душу? Почему же эта невидимая душа болит так невыносимо, что человек не выдерживает и лезет в петлю? Почему?!

Я не мог выдержать этой боли и решил приговорить самого себя. Когда все ушли в баню, я остался один с петлей в руках, до нар оставался шаг, один шаг — и исчезнет все: непонятная проклятая земная жизнь и подлый ГУЛаг, всего один шаг...

И в это время непостижимая сила вдруг поставила меня на колени, и я сквозь деревенеющие челюсти закричал: „Бог! Бог, говорят, Ты есть?! Вот, я, проклятый, стою перед Тобой на коленях и прошу Тебя, Бог, если Ты есть на самом деле, помоги мне, Бог!“ Это было для меня настолько неправдоподобным, что в какой-то миг показалось — громы должны грянуть, здание рухнуть... Но все было тихо.

Прошли годы. Кончилась „крытая“. Приехал в зону. Снова карты, разборки, изоляторы: ведь дома, как дома. Перед глазами иногда вставала сестренка в школьном фартуке с портфелем в руках... И злоба, и боль захлестывали мою воющую душу, и мне хотелось достать руками и бросить в толпу тех, кто судил и ломал мою жизнь! Я был на грани раскрутки. А вокруг пустые, отрешенные и одинаковые лица и забор, серый забор, за которым глухая, мрачная тайга и две бесконечные пятилетки до свободы.

На всю жизнь я запомнил день, когда нас после работы загнали в „отстойник“. Архангельский мороз насквозь пробирал не только полосатый бушлат, но и душу. И вдруг чья-то рука легла мне на плечо. Я увидел рядом с собой парня. На нем так же, как и на мне, была полосатая роба, только глаза были другими. Даже на свободе я не видел таких добрых и искренних глаз.

— Дантес, тебя любит Иисус.
— Что ты сказал?
— Тебя любит Господь Иисус Христос! — с улыбкой произнес он.
— По-моему, ты рамсы перепутал, парень.
— Нет, Дантес, вот уже неделю я молюсь о тебе.
— Твой Бог не любит таких, как я, понял? — усмехнулся я.
— Ты не прав. Когда будешь читать Новый Завет, обрати внимание на распятие Иисуса Христа. Распятый Господь, а по обе стороны два разбойника: один в ярости не принимает Иисуса, другой говорит: „Господи, когда будешь в Царстве Твоем, помяни меня!“ Христос сказал ему: „Ныне же будешь со Мною в раю!“ Понимаешь, Дантес, не священник, не начальник первый проложил дорогу в рай, а такой же бандит, как ты! За тебя, за все твои подлости на Голгофе был распят Иисус, потому что Он любит тебя! Люди судили тебя, Господь — нет. Он говорит сегодня тебе: „Владимир, Я хочу забрать у тебя сердце каменное и дать новое, плотяное, способное любить, сострадать, творить добро...“

Понимаешь, Саша, такое я слышал впервые. Меня никто никогда не любил. Меня ненавидели и проклинали, и вдруг — меня любит Бог! Шло время в размышлениях о Христе, и вот наступил тот день, когда я отдал свое сердце Господу и сказал: „Прости меня, Господи, прости за все! Дай мне новое сердце, доброе, знающее любовь!“ Много

времени прошло с тех пор, Саша, много пришлось пережить. Ведь когда администрация узнала, что я стал верующим, меня кинули под „пресс“. Год штрафного изолятора и полтора года одиночки только потому, что я рассказывал таким, как я сам и как ты, что нас любит и не судит Иисус Христос!

Два года назад меня помиловали. Я живу в Москве, работаю председателем Христианского центра координации по работе с заключенными в России. Я снова бываю в тюрьмах, зонах, больницах, среди брошенных и обездоленных. Со мной работают бывшие заключенные, которых Иисус, как и меня, нашел за колючей проволокой. Запомни, Саша, Господь любит тебя и Он висел на кресте за твои грехи! Люди не всегда смогут помочь тебе. Только Иисус, только Он один может помочь. Он знает твою боль. Если ты захочешь, можешь написать мне, я отвечу тебе, ведь тебя любит Иисус!»

А вот письмо и второй души, близко воспринявшей беду Саши.

«Уважаемый Александр Николаевич! Здравствуйте!

Читая ваше послание, невольно почувствовала, как вам плохо сейчас. О, как это знакомо мне, прошедшей лагеря: немецкий и русский... Тот, кто прошел все это, может понять вас и посочувствовать вам. Колючая проволока, особый режим не делают человека лучше... Наоборот, от отчаяния и разочарований человек делается злее, теряет истинный смысл жизни....

Я во времена Сталина получила 25 лет. За то, что немцы меня не повесили, когда я была в оккупации. И еще за то, что в совершенстве знала немецкий язык. В то время это называлось „враг народа“. От меня отказались муж, друзья. В общем, что можно сделать плохого, мне сделали. Из молодой, жизнерадостной женщины я превратилась в злобное, грубое существо, разочарованное и в жизни, и в политике, и в людях. И желала себе только смерти...

Но... Судьба человека в руках Божьих!

Однажды, в мордовских лагерях, я встретила людей, которые так выделялись из общей лагерной толпы... Мне было интересно знать, почему они такие: неозлобленные, искренне добрые, тихие, какие-то радостные! И очень терпеливые, имеющие свой, особый, смысл жизни на этой земле. Оказалось, что они были осуждены за свою веру в Бога. Они читали Библию и старались жить по ее законам. И я поняла, что только в Боге успокаивается душа человека, что этот покой дает душе Иисус Христос. О, если бы вы могли понять это! Какое счастье посвятить свою жизнь Иисусу, Который очень любит и лично вас и Который может сделать вас новым человеком! Придите к Нему.

Костюченко Елена Петровна, г. Москва».

Вот и все.

Ну а мне остается добавить, что мы будем молиться о вас, Саша. Чтобы Господь положил Свою исцеляющую, всемогущую руку на вашу истрадавшую душу и подарил ей мир и покой, растопив вашу боль и озлобленность в слезах раскаяния перед Ним. Чтобы в вашем измученном, искромсанном сердце засветился свет надежды.

И я верю, что Бог, Которого вы призываете, несомненно, услышит вас и исцелит вашу душу Своей всепрощающей любовью.

Евгения ВАВРИНЮК

БИБЛИЯ ДАЛА МНЕ ТО, ЧТО Я ИСКАЛА

Я прочитала в журнале «Вера и жизнь» свидетельство юноши из Нижнего Новгорода о том, как он обратился к Богу, каким путем Бог вел его к истине. Я читала и плакала...

Это свидетельство, во-первых, напомнило мне о моей родине, которой является Нижегородская область. Во-вторых, обстоятельства, которые привели Диму к Господу, похожи на обстоятельства, приведшие меня к Иисусу.

Опишу кратко мою жизнь.

Мы приехали в Запорожье с Дальнего Востока в 1985 году. Муж мой — военнослужащий, офицер запаса. Я — медсестра. В Запорожье нам дали квартиру, работу и дачу. Живи! Все, что хочешь, от жизни бери!.. Все складывалось как будто хорошо, но... В ноябре 1988 года я поехала в отпуск в Нижегородскую область — навестить маму. Муж остался дома с меньшей из трех дочерей — десятилетней Наташей. И вот через несколько дней после моего приезда к маме я получила страшную весть — телеграмму о смерти мужа. Я не могла в это поверить, так как запомнила его жизнерадостным, цветущим (ему было всего 49 лет!)... Я была настолько потрясена горем, что не в состоянии была нести совершенно пустой чемодан, содержимое которого в беспомыслии оставила у мамы.

Приехав в Запорожье, я узнала о его трагической гибели: он был зверски убит ножом преступниками-рецидивистами.

Все, что пережито, не расскажешь словами... Черная туча нависла надо мной. Безысходная тоска сдавила тисками. И мне захотелось покончить с собой...

Да, было именно так. Мои знакомые, видя мое отчаяние, советовали: „Ты выпивай понемногу, тебе легче будет“. Попробовала выпивать, но мне было еще хуже. Чувство безысходности еще больше обострялось. Я ходила, как тень. Ездила на кладбище и выла возле могилы, как волчица.

И вот, спустя десять месяцев, мне в руки попала Библия. Меня объял трепет. Мне нестерпимо захотелось взять ее в руки и заглянуть, что там написано. Я ощутила невыразимую тягу к этому сокровищу. Видя мое состояние, знакомые дали почитать ее всего на три дня, хотя в руках других она не задерживалась. Я пришла домой, неся эту Драгоценность, быстро вымыла руки и, минуя кухню, прошла в комнату. Здесь я включила настольную лампу и погрузилась в чтение. В комнате был полумрак, но страх, владевший мною со дня похорон дорогого мне человека, отступил от меня. Кто-то невидимый распростер надо мной Свои крылья и взял меня под Свою охрану.

До этого я испытывала страх, когда одна находилась в своей квартире. Ходила в православную церковь, ища поддержки и совета, как дальше жить. Подошла однажды к батюшке, надеясь, что он выслушает меня и как-то утешит, ободрит, поможет мне в моем горе. Но он, не задержавшись даже на мгновение, молниеносно осенил меня крестом и быстро вышел из церкви. Не зная, что дальше делать, и страшась идти домой, я решила закупить крестиков и разных икон и обвешать все стены своей 3-х комнатной квартиры, надеясь, что они спасут меня и защитят от страха, но это не помогло. Вечером, перед тем как лечь спать, ходила по всем комнатам в постоянном страхе, осеняя крестом окна, двери, потолок, стены. Эти действия со стороны показались бы безумием, но я делала все, что мне советовали. Страх по-прежнему изнурял меня. Слышала, что духи мертвых могут приходить к живым в образе „нечистой силы“, и это меня угнетало.

И вот маленькая книжечка в черной обложке, с шелестящими страницами мне дала все то, что я искала... Когда я стала читать Библию, у меня, естественно, появилось множество вопросов, которые я стала записывать. Я размышляла над Словом Божиим. И вот Господь, видя мои искания и стремления, устроил мне встречу с верующими. Я попала в собрание, где присутствовал Бог! И мое жалкое сердце пришло к покаянию, приняв Иисуса святую любовь...

С меня как будто свалился тяжелый груз. В сердце вошла радость, мир наполнил его. Жизнь моя преобразилась. Это произошло 10 сентября 1989 года, когда мне было 49 лет. А 19 августа 1990 года я вступила в завет с Господом через святое водное крещение.

Теперь я являюсь членом церкви ЕХБ. Через эти житейские скорби Господь сделал в жизни моей остановку и таким путем обратил меня к Себе, удостоил меня великой чести называться христианкой, принадлежать к Его Церкви. Он искупил меня страданиями. Он пролил на Голгофе Свою невинную Кровь за мои грехи и беззакония. Драгоценный Спаситель Иисус Христос, любовь и милость Которого необъятны, нашел меня.

Сам Господь открыл мне Царство Небесное, освободил меня от суеты и плотских желаний, которые временны, научил меня помышлять о горнем, а не о земном, и я хочу славить моего Спасителя за прощение грехов, за мою преображенную жизнь, за дар вечной жизни, за Его любовь ко мне и ко всему человечеству! Хочу благодарить за страдания и мученическую смерть, которые принял Сын Божий Иисус Христос за меня и за всех нас, живущих на этой земле. Принеся Себя в жертву за нас, грешников, Праведник за неправедных, Он предлагает всем: „Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас...“

Я одна из тех, кто отозвался на Его призыв. Я утешена тем, что „живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится“.

Сейчас мне 54 года, я работаю медсестрой в одном из лечебных учреждений Запорожья. Имею трех дочерей, внучку и 6-летнего внука.

Остаток жизни своей хочу посвятить Тому, Кто подарил мне вечную жизнь.

Молюсь и верю, что и дети мои не будут оставлены Творцом неба и земли, Господом нашим.

Татьяна БАРАНОВА

ОТКРЫЛСЯ НЕ ВОПРОШАВШИМ

До 17 лет я рос без Бога и даже не задумывался над тем, что со мной произойдет.

В 8 классе я начал курить, пить и увлекаться металлической музыкой, проколол себе ухо и отрастил длинные волосы. Я помню, когда был в 3 или 4 классе, мне бабушка сказала, что есть Бог. Тогда я только посмеялся. С годами я даже начал молиться сатане и называл себя сатанистом. Друзья дали кличку «Сатана», потом — «Шакал». Я все больше втягивался в рок-музыку и сатанизм. У меня дома висели изображения демонов и даже свастика. Такие выражения, как „Слава Богу“ или „Боже упаси“, я и не старался говорить, даже злился, когда они у меня непроизвольно вырывались. Гулянки иногда заканчивались плачевно, и все было, как будто так и нужно. Больше всего мне нравилось пить, курить и слушать „металл“. Жизнь была однотонная, пустая, с радостью, которую дарует сатана.

Радость эта была бесовская: радость курить, радость пить, радость блудить, но тихий внутренний голос предупреждал: „Ты куришь, а рак легких? Ты пьешь, а белая горячка? Ты блудишь, а СПИД? Брось, не надо“. Но другой, возражая, успокаивал: „С тобой все будет в порядке“. Эти голоса были моими мыслями.

И посреди этой суетной широкой дороги стою я, хулящий имя Божие. Господь удивительно сжимал со всех сторон, чтобы показать Свою любовь и милость, но у меня это называлось случайностью. Я дошел до того, что, когда ложился спать, разговаривал с сатаной и мечтал о том, что он мне даст силы, чтобы владеть всем.

Я помню, как загнал занозу в большой палец на правой руке. Занозу невозможно было вытащить, палец распух и начал гнить. Вечером я прогуливался, и ко мне подошел мой друг и сказал мне: „Покайся, если хочешь, чтобы прошел палец“. И вот это слово „покайся“ осталось в моем сердце.

Я пришел домой в глубоких размышлениях. Точно не помню, как и о чем я размышлял, но я хотел покаяться. И прежде чем лечь спать, я сказал удивительные слова — молитву такого содержания: „Все, сатана, пошел вон, у меня есть мой Бог“. И у меня было мысленное представление, как чудовище, скрывая свое страшное рыло плащом, отворачивается и уходит, а где-то горит яркий свет... На следующий день у меня прорвал гнойник на пальце. Я начал ходить в православную церковь, но пить, курить, блудить, слушать рок я не мог бросить, а через некоторое время я попал на собрание пятидесятников. Каялся я несколько раз. Пить бросил, потому что Бог помог. Курить я долго не мог бросить, потому что старался своими силами, но пришел час, и Господь освободил. Я даже не помню, как я оставил курево. От всего греховного Господь помог мне освободиться и освобождает по сей день.

Теперь я нашел вечную радость в Господе Иисусе Христе. Я благодарю Бога, что Он освободил меня, узника. Я нашел своего Небесного Отца, Который отдал Сына Своего за меня и даровал мне спасение, прощение и вечную жизнь.

Сергей ЖЕГУЛОВ

КАРТОШКА

Вера Петровна получила на почте посылку. Та оказалась не очень большой, нести было легко, и домой она отправилась пешком. Ей не терпелось попробовать содержимое посылочного ящика, но если бы кто-то спросил, что там, Вера Петровна вряд ли решилась бы ответить. В ящике была самая обыкновенная картошка. Посылку эту она получила от сына.

Ветер ласково трепал ее седые волосы, в воздухе пахло осенними листьями; они шелестели у нее под ногами. Вера Петровна шла по безлюдной улочке, и постепенно все ее существо охватили воспоминания почти пятидесятилетней давности...

Ей было всего двенадцать лет, когда погиб на войне отец. Мама, которая носила под сердцем четвертого ребенка, получив известие о гибели отца, часами сидела на лавке возле дома, забыв обо всем: о детях, о войне, о голоде. От горя она почти оглохла. Так продолжалось не один день, пока в доме совсем нечего стало есть.

Однажды, когда она так безучастно сидела на лавке, к ней подошли трое знакомых мужчин. Они пришли специально, чтобы поговорить с мамой. „Люба, — взял ее за руку один из них, — мы понимаем твою горе. Но ведь ты же знаешь, что все в руках Божьих. Он видит твои скорби. Бог дал вам с Петей детей, и твой муж не ушел бесследно. Посмотри, как они похожи на своего отца! Ты должна жить ради них“. Мама подняла на мужчин чуть посветлевшие глаза: „У меня нет ни еды, ни денег. Я не знаю, чем накормить детей“.

Вечером они принесли маме большой тюк нечесаной шерсти, дали немного денег, и она начала прясть, а потом вязать. Теперь мама дни и ночи проводила за работой. Ей жалко было жечь керосин, и, когда засыпали дети, она гасила лампу и вязала до самого рассвета в темноте. Под утро, прикорнув ненадолго, мама шла доить корову, которую ей помогли купить друзья. Так начиналась каждодневная круговерть домашних дел.

В молитвах и труде постепенно оттаяла ее замерзшая душа. А когда родилась маленькая Надюша, мама даже немного повеселела.

...Вера Петровна остановилась, чтобы передохнуть и поменять руку. Она прошла уже половину пути, но за воспоминаниями не замечала дороги. Перед ее глазами стоял утренний лес, по которому тогда она, еще совсем подросток, спешила на Попов хутор, где маме дали корчевку. Корчевка — это часть леса, которую нужно было очистить своими руками от пней и кустарника, чтобы затем посадить там картошку.

Братья, которых мама тогда брала с собой, были еще малы, и Вера Петровна, которая тогда еще была просто Верой, как старшая большую часть работы брала на себя. Она жалела сильно ослабевшую и быстро устававшую мать.

Ночами Вера часто не могла уснуть потому, что слушала стук от спиц, которыми мама вязала носки и варежки для продажи. Поэтому она всякий раз заставляла себя вставать, когда мама тихонько гладила ее волосы, будила, чтобы затемно выйти из дому. Ведь до корчевки они добирались 5 — 6 часов. Сколько земли перевернули детские руки двенадцатилетней Веры! Сколько сил нужно было ей, чтобы полоть и окучивать взошедшую картошку! Сколько пота проливали они с мамой, пока картошка была выкопана!

Часто им приходилось оставаться ночевать в поле. Мама разводила костер у маленького шалаша и пекла на нем самые красивые картофелины. Как ароматно пахли обуглившиеся клубни и как было приятно, разломив их пополам, есть снежно-белую сердцевину!

Однажды осенью, выкопав и собрав весь свой урожай, они договорились, что Вера останется присматривать за мешками, а мама пойдет искать машину для перевозки. Так и сделали. Мама ушла, а она осталась у шалаша. Проходили часы. Стемнело. Наступила глубокая ночь, а мама так и не возвращалась. Вера поняла, что мама не нашла машину и осталась ночевать дома.

Шалаш соседей находился очень далеко, огонек их костра был еле виден, и в случае чего она вряд ли могла докричаться до них. Но Вера старалась не трусить. Забравшись под брезентовый полог, она спустила сено, которое служило им постелью, и совсем уже было заснула, как услышала чьи-то шаги — медленные и тяжелые. Выглянув, она обмерла: большой медведь стоял неподалеку и громко чавкал, держа передними лапами тыкву. Шалаш был не очень прочный, и вздумай косолапый полюбопытствовать, что в нем, он обязательно сломал бы его. Но у медведя были свои дела. Часа два шаги его то приближались, то удалялись — он брал сорванные и собранные в кучу тыквы и куда-то их уносил. Наконец он ушел совсем. Вера очень долго прислушивалась, пока не успокоилась. Медведь, по всей видимости, насытился.

Постепенно она снова стала погружаться в сонную зыбь. Запах сена пьянил, маня ее ко сну, но она не забыла поблагодарить Бога за охрану ее жизни.

И вдруг в темноте она увидела свет фар подъезжающей машины. „Картошку... кому везти картошку?“ — раздался мужской голос. Вере было страшно выходить из своего убежища, но она очень хотела поскорее привезти домой эту бесценную картошку, порадовать маму. Бесстрашно шагнув из шалаша, она закричала: „Мне, мне надо!“

Машина подъехала, и вышедший из нее шофер спросил: „Где мешки и кто будет грузить?“ — „Мешки вот, а грузить нам с вами, дяденька! Больше некому“. Он удивленно посмотрел на девочку-подростка, которая бралась перекидать с ним за высокие борта большой грузовой машины семидесятикилограммовые мешки. „Ну что ж, давай попробуем, дочка“, — сказал он и взялся за мешок, туго перевязанный крепкой веревкой.

Было четыре часа утра, когда около дома, где она жила с матерью, братьями и сестренкой, остановилась машина. Свет фар пробился сквозь рассохшиеся ставни, и не спавшая до сих пор мама услышала стук в калитку. Вера стучала изо всех сил, зная, что мама плохо слышит, и опасаясь, что та может ее не услышать. „Кто там, кто?“ — раздался знакомый тревожно задрожавший голос. „Мама, это я, Вера!“ — „Нет, нет, Вера на корчевке, — ответила мама, — уезжайте“. „Мама, мама, я привезла всю картошку, открывай скорее!“ — кричала уставшая до изнеможения Вера. И когда мама открыла ворота, у Веры уже не было сил помочь маме и шоферу перенести в дом тяжелые мешки.

Она заснула сразу, как только голова коснулась подушки. Когда утром ее разбудил голос проснувшейся маленькой Надюшки, сквозь оконные стекла она увидела густо падающий снег. К полудню всюду уже лежали сугробы.

Всю зиму мама варила им в чугушке ароматные розовые клубни. Многие их соседи по корчевке долго еще не могли вывезти с полей свой урожай. У некоторых картошка померзла. А семья Веры была спасена от голода этой, так дорого доставшейся ей, картошкой.

Став матерью, Вера Петровна рассказала эту историю своему сыну, и теперь отовсюду, где бы он ни был, сын присылал ей эти необычные посылки, в которых лежала кем-то выращенная для нее картошка. Кому и как она могла объяснить эту его прихоть? Но сын понимал мать, он никогда не смеялся над ее трепетным отношением к картошке. Просто, тепло и благодарно за ее давнее мужество он посылал ей отовсюду то, что напоминало Вере Петровне о ее детстве — пусть невыносимо тяжелом, голодном, полусиротском, но все же детстве.

Дома, распечатав посылку, Вера Петровна поставила варить в маленькой кастрюле несколько крупных картофелин. Не дождавшись, когда те доварятся, она достала одну, разрежала ее на четыре части ножом и, со слезами на глазах поблагодарив Бога, съела четвертушку...

Любовь БЛЕДНЫХ

Я СДЕЛАЛА ВЫБОР

Я родилась и выросла в городе Ленске (Якутия). В детстве я читала сказки о волшебниках, которые творили чудеса, исполняли желания и могли влиять на других людей. И мне очень хотелось иметь волшебную палочку, знать магическое заклинание, а пуще всего я хотела сама стать колдуньей и иметь такую силу, которой нет у других. Дьявол обольщает людей с самого детства, чтобы впоследствии поймать в свои сети, как и случилось со мной. И чтение страшных сказок про Бабу Ягу, лешего, водяного, как и других нечистей, не проходит бесследно. Я боялась темноты, боялась оставаться одна. Мне с детства снились кошмары, и я часто просыпалась и плакала от страха. То, что подобное происходит с большинством детей, могут засвидетельствовать многие родители. Но они не знают истинную причину таких страхов, считая, что это просто выдумки и фантазия ребенка.

Когда я подросла, то узнала, что и в наше время существуют люди, которые могут предсказывать будущее, читать чужие мысли и творить чудеса. И этого можно достичь, обучаясь оккультным вещам: гипнозу, магии, астрологии, спиритизму и тому подобному. Я стала читать об этом все, что мне попадалось, собирала гороскопы и толкования снов, ворожила и гадала на картах, вызывала под Новый год духов умерших, обращалась за советом к цыганке и к хироманту (человек, который предсказывает судьбу по линиям руки). Когда у меня появилась книга „Тайны руки“, я сама стала разбирать эти „тайны“. Когда болела, обращалась за помощью к экстрасенсам и сама пробовала заниматься биоэнергетикой. В детстве меня часто водили к моей тете, которая лечила меня молитвами и разговорами от испуга, от сглаза и других напастей. Позже я сама научилась этому. Я думала, что это от Бога, потому что такое „лечение“ заканчивалось молитвой и словами: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа“. Я хотела заниматься „белой магией“ для того, чтобы помогать людям, лечить их болезни, а „черной магией“ — чтобы отомстить своим врагам. В то время я еще не знала, что и то и другое имеет один источник. Все эти явления настолько распространены в обществе, в котором я живу, что такие занятия считаются нормальными.

О, если бы я тогда знала, что все это является мерзостью пред Богом! Как сатана сумел обольстить меня гордостью житейской, желанием быть не такой, как все! Последствия моих увлечений были ужасными. Я все больше и больше попадала под власть греха и дьявола...

Я всегда верила, что существует Бог. Но Он мне представлялся суровым и карающим, потому что часто от людей можно было услышать выражение: „Бог наказал“. В детстве меня крестили в православной церкви, и я считала, что верить в Бога и быть крещенной достаточно для того, чтобы попасть в рай. Но я никогда не задумывалась над тем, живу ли я так, как хочет Бог?

В школе училась хорошо и была активной участницей школьных мероприятий. Дома была совсем не ангел. Я часто раздражалась, кричала и грубила родителям. Если окружающие люди относились ко мне хорошо, от меня можно было ждать добра, а если — плохо, я платила тем же. Вообще я старалась по возможности помогать людям. Меня всегда возмущала несправедливость, царящая в мире. Я часто мечтала о светлом и добром. В мыслях стремилась к хорошему, а попала в какое-то болото, которое засасывало все глубже и глубже...

Еще учась в старших классах, я начала выпивать в компаниях и постоянно пропадала на дискотеках. После окончания школы стала курить. В Иркутске, куда я уехала учиться, попала в компанию, где травили себя наркотиками. Я стала делать то же. Многие в этой компании резали себе вены. Однажды, когда мне было тяжело, и я это сделала. Я боюсь вида крови и тяжело переношу физическую боль, но в стрессовой ситуации не могла успокоиться, пока не увижу свою кровь. Я делала лезвием бритвы глубокие надрезы на своей руке, плакала от боли и страха, когда видела, как течет кровь. Но каждый раз сатана вновь заставлял меня брать в руки бритву.

В общежитии я познакомилась с Олегом. Через полгода мы поженились.

Мне особенно нравилось смотреть фильмы ужасов. Потом по ночам мне снились кошмары, будто лицо мое изменяется, как лицо вампира, и в меня вселяется дьявол, у меня нет сил сопротивляться ему, и я становлюсь орудием в его руках. Он хочет, чтобы я вышла на улицу и убивала, убивала всех. Я боялась спать в темноте, и всю ночь у нас горел свет, но ничего не помогало. Такие сны часто повторялись. Я настолько явственно чувствовала во сне одержимость, что мне даже страшно было засыпать. Стоило мне уснуть, как дьявол приходил опять. Вскоре действия дьявола стали еще реальнее. Однажды ночью какой-то голос мне шептал, чтобы я задушила Олега. Я проснулась и плачу. Олег спрашивает: „Что случилось?“ Я говорю: „Мне кто-то велел тебя убить. Мне страшно“. Оставаться одной в квартире было жутко. Казалось, что кто-то постоянно за мной наблюдает. Меня даже душил дьявол: я начала засыпать, как вдруг сквозь полудрему увидела нематериальное существо, как бы состоящее из белой дымки, которое с рычанием вылезло из-под дивана, подошло ко мне и стало душить. Я не могла ни пошевелиться, ни закричать, потому что тело было парализовано, а голос пропал. Меня объял ужас. Когда я с огромным усилием перекрестилась, все исчезло. Тогда я еще не знала других методов борьбы с темной силой.

В иркутском кинотеатре мы посмотрели фильм „Иисус“. Раньше об Иисусе я почти ничего не знала, кроме того, что слышала, как все на Пасху говорят: „Христос воскрес!“ И я автоматически повторяла эти слова, совсем не вникая в их истинный смысл. Из фильма я многое узнала о Христе, о Его жизни и смерти. Я узнала, что Иисус — это Сын Божий и что Он жив и сегодня. Но самого главного я не поняла тогда, что Христос там, на кресте, страдал лично за меня, что за мои грехи Он принял такую страшную и позорную смерть.

Я повторила за диктором молитву покаяния, но это была молитва разумом, а не сердцем. Я вернулась к прежней обывательской жизни. Но молитва была произнесена, и я была согласна со словами этой молитвы. Дух Святой уже тогда начал работу в моем сердце. Господь вел меня.

Через некоторое время мы переехали жить в Ленск. Здесь у нас родился ребенок. Я узнала, что в нашем городе есть церковь евангельских христиан. У меня появилось огромное желание пойти туда. Господь послал нам Новый Завет. Когда я начала читать его, то нашла там ответы на многие волнующие меня вопросы. Вскоре я пошла в церковь на богослужение. Пела вместе со всеми гимны, слушала проповеди. Когда все склонили колени для молитвы, я тоже встала на колени, хотя совсем не умела молиться. Я почувствовала, как будто свет и тепло пронизали меня, и я подумала: „Истинно здесь живет Бог“. После собрания беседовала с пресвитером, задавала множество вопросов. Пастор указал мне на Христа и на Библию как на истину. Вернувшись домой, я все рассказала мужу. Впечатление от

беседы было огромное, и я с растерянностью спросила: „Неужели все, чем я увлекалась в своей жизни, — ложно, обманчиво и пагубно? Я прочитала столько книг, и они не смогли ответить на мои вопросы. Неужели одна эта книга Библия сможет это сделать?“

Я продолжала читать Новый Завет и духовную литературу, слушала христианские песни, забросила все свои мирские кассеты. После духовных эти песни казались мне пустыми и глупыми.

В результате чтения Библии и слушания проповедей я узнала о том, что все люди — грешники и нет ни одного праведного. Пьянство, курение, ложь, сквернословие — далеко не полный список моих грехов. Я поняла, как виновна перед Богом и что заслуживаю вечного наказания в аду за свои грехи. На мой вопрос: как же мне спастись, Библия отвечает: „Оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться“ (Деян. 17:30). И спасение возможно только через Иисуса Христа, потому что „нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись“ (Деян. 4:12). Иисус Сам говорит: „Никто не приходит к Отцу, как только через Меня“ (Ин. 14:6). Теперь нужно было сделать этот шаг, но дьявол все держал меня в своих оковах и шептал: „Успеешь, это можно сделать завтра“. Так прошло несколько дней, пока я в Библии не прочитала, что скоро Иисус придет на землю, чтобы судить мир, и никто не знает день и час Его пришествия. Он может прийти в любой момент, и я могу опоздать. Или жизнь моя может прерваться, и тогда я умру без Христа и попаду в ад, потому что написано: „Человекам положено однажды умереть, а потом суд“ (Евр. 9:27). Сегодня здесь, на земле, я должна сделать выбор, где я буду проводить вечность. Дальше откладывать я не стала, а тут же опустилась на колени в молитве: „Иисус, я верю, что Ты умер на кресте за меня и Своей Кровью заплатил за мои грехи. Ты нужен мне. Прости меня, войди в мое сердце, в мою жизнь. Прощу Тебя, сделай меня такой, какой хочешь видеть“. Я приняла Иисуса Христа как своего Господа и Спасителя. Теперь я была уверена, что грехи мои прощены, потому что так говорит Библия: „Если исповедаем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды“ (1 Ин. 1:9). Теперь я радовалась своему спасению и благодарила Бога за то, что Он подарил мне вечную жизнь. Иисус сказал: „Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь“ (Ин. 5:24).

Но дьявол снова обманул меня: я давала читать гороскопы молодым сестрам. А он нашептывал: „Ну вот, ты теперь верующая и можешь помогать людям. Ты будешь их лечить теми молитвами и заговорами, которые знаешь“. Но тот, кто приходит к Иисусу, не остается в неведении. Господь Сам говорит: „Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни“ (Ин. 8:12). И только прочитав всю Библию, я полностью осознала ужас и мерзость своих грехов.

Ибо через Свое Слово Господь обращается ко мне:

„Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых и волхвовать, да будут преданы смерти: камнями должно побить их“ (Лев. 20:27).

„Не ворожите и не гадайте“ (Лев. 19:26).

„Не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам не ходите, и не доводите себя до осквернения от них. Я Господь, Бог ваш“ (Лев. 19:31).

„Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это“ (Втор. 18:10–12).

„Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая“ (Откр. 21:8).

Я исповедалась перед Иисусом именно в этих грехах и отреклась от них. И еще я прочитала в Библии из Деяний апостолов, 19:19: „А из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли...“ Мы с мужем собрали все гороскопы, сонники, книги по магии, йоге, хиромантии, экстрасенсорике, эротические книги и плакаты, карты, все гадательные принадлежности и во имя Иисуса бросили в костер.

Иисус вошел в мое сердце. Жизнь моя изменилась. Раньше я смотрела „видики“ и считала это приятным времяпрепровождением. Если бы я знала, к чему это приводит... Это занятие не так безобидно, как оно кажется на первый взгляд. Еще я стала замечать, как в нашем городе после просмотра боевиков, сцен эротики и ужасов увеличивалось число убийств, насилий и грабежей. Молодежь тянет к разврату. Люди кончают жизнь самоубийством. Я поняла, что посредством таких фильмов дьявол достигает своих целей. Телевизор в руках сатаны — это эффективное орудие, которым он пользуется для обольщения людей для того, чтобы помешать им задуматься о вечности, а нам, чадам Божиим, возрастать духовно. Уже будучи верующей, я все еще смотрела телевизор. Но потом стала замечать, что, даже если молюсь и читаю Библию, у меня все равно не хватает сил бороться с искушениями. Я не жила победной жизнью во Христе. Поняла, что невозможно смотреть одним глазом на Христа, а другим — в телевизор. Иисус желает быть полным Господином в моей жизни. И когда я сказала Ему на это „да“, Он избавил меня от этой привязанности. Я ничего не потеряла, наоборот, получила обильные благословения от Господа.

Раньше я была очень суеверной, боялась порчи и сглаза, верила во все приметы, какие только есть. А теперь жизнь моя в Божьих руках, и я доверяюсь Ему. Что мне могут сделать темные силы, когда в моем сердце живет Иисус?! Господь — моя защита и мое упование. Я познала, что Бог есть любовь. Бог любит каждого человека и

зовет: „Придите ко Мне все...“ Я люблю Иисуса и желаю жить для Бога и исполнять волю Его. Я благодарна Господу, Он нашел меня, а я нашла то, что искала: истину. Я хочу закончить стихом из Библии, который мне очень нравится: „Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете“ (Ин. 8:36).

Татьяна Б.-М.

МАМА, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

Когда я читаю свидетельства братьев и сестер о том, как любовь Божья спасла их, даровала мир, изменила их жизнь, хочется кричать: „Аллилуйя!“

Ровно год назад в моем сердце воскрес Христос. 20 апреля 1994 года я покаялась. Друзья мои дорогие, я просто хочу еще раз сказать: „Слава, слава Богу нашему, ибо вовек милость Его!“ Я приняла воскресение, жизнь в сердце, оно вошло в меня. 29 лет из 30 прожитых я не жила, а, как сейчас говорят, существовала, хотя с детства я была хорошей девочкой, отличницей в школе. Мне все предсказывали блестящее будущее. Но, знаете, мне сейчас очень страшно даже об этом вспоминать: я вообще не верила в Бога. Беседуя с людьми (я не знаю, честны ли они), создается впечатление, что все в Бога верят: одни как-то по-своему, другие чуть-чуть, третьи говорят: „У меня Бог в сердце“, четвертые верят в высший разум, а я не верила вообще ни во что. В 16 лет я первый раз попробовала наркотик, в 19 — это уже была моя жизнь. Я плотно „села на иглу“ вместе с мужем. У нас родилась дочь. Девочка на удивление крепкая и здоровенькая. Мама подарила нам квартиру, и мы стали жить отдельно. Я стала самостоятельной, и... жизнь моя рухнула полностью... То иллюзорное состояние благополучия, любвеобилия и самообладания, которое я получала под действием наркотика, перешло в каждодневный ужас перед проблемой — на завтра мне нужна очередная доза, которой нет. Я потеряла все мои моральные принципы. Благодаря родителям, которые с любовью опекали мою доченьку, она не была лишена любви и заботы. Когда ей исполнилось два года, родители взяли ее к себе, а мы приходили иногда навещать ее. Через пять лет моя квартира уже полностью превратилась в „лабораторию“ по изготовлению наркотического раствора. Я уже не стеснялась соседей, только иногда вздрагивала, когда слышала, проходя по двору: „Наркоманка!“ Господь, я благодарю Тебя, моего Спасителя, что уже год я христианка.

За нашей квартирой велось наблюдение, и однажды к нам пришла милиция. Изъяв наркотические вещества, привлекли нас к уголовной ответственности. Чтобы иметь хоть что-то в свою защиту на суде, я первый раз легла на лечение — на 62 дня. Тогда где-то внутри я еще лелеяла надежду, что медицина мне поможет. Мне уделили очень много внимания, врачи делали все, что могли. На мне перепробовали все новшества по лечению наркомании. Я слезно обещала, что больше колоться не буду, а сама не могла дождаться выписки, все мои мысли были о шприце. Я спала и видела шприц. Ничего другого в этом мире для меня не существовало, и ничто меня так не манило, хотя за десять лет этого существования я перепробовала все. Выйдя из больницы, я в тот же день „укололась“, четко понимая, что для меня выхода нет: чтобы жить, я должна колоться. После этого через определенный промежуток времени я еще два раза лечилась, но уже без всяких видов на то, что это как-то изменит мою жизнь. В очередной раз изъяв у нас дома мак, посадили моего мужа. Дочка в свои восемь лет имела проблемы взрослых: я постоянно видела в ее больших глазах слезы, видела, как она отстаивала меня перед родителями одноклассников, соседями и двумя бабушками, которые уже изнемогли, глядя на мою жизнь. Она всем говорила: „Моя мама хорошая“. А в тех редких случаях, когда видела меня, она заглядывала в мои стеклянные глаза и тихонько, чтобы не слышала бабушка, шептала: „Мама, я тебя люблю!“ За десять лет преступного существования я из доброй когда-то девушки превратилась в какое-то бездушное, без всяких принципов существо, только внешне еще сохраняя в какой-то степени человеческий облик. Если я слышала слово „люблю“, я четко знала, что из меня хотят извлечь какую-то пользу для себя. Но дочка говорила это не так. Ей хотелось, чтобы я только знала это, она ничего не просила взамен. После того, как посадили моего мужа, я продала квартиру, деньги „проколола“ и, когда наступило наркотическое похмелье — „ломка“, пришла к маме домой. Она, посмотрев на меня, только сказала: „Не приходи, не мучь меня и свою дочку“. Наговорив гадостей и хлопнув дверью, я выскочила из квартиры и возле лифта столкнулась с дочкой. Та глянула на меня и говорит: „Мама, я тебе подарок на 8 марта приготовила, придешь?“ Я, вся взбудораженная, ответила: „Доченька, бабушке подари“. Она отошла и говорит: „Мама, я тебя люблю, а бабушке я тоже нарисовала рисунок, приди, я тебе сделала подарок“. Я вскочила в лифт — эти слова были для меня роковыми. Я обзывала себя последними словами, я просто не знала, что себе сделать. И тут я поняла: смерть — вот то, чего я достойна. Я сразу даже обрадовалась, облегченно вздохнула и решила, что нашла выход. Я конкретно осознала, что теперь только смерть покроет те десять лет страшной жизни, маминны страдания, сорванное здоровье и, самое главное, дочкины слезы.

Еще месяц я кололась, что-то еще держало меня на этом свете, хотя все тело, все внутренности были поражены. А в ушах звенело: „Мама, я тебя люблю!“ Везде и всегда, даже наркотик не мог этого заглушить, хотя я начала употреблять очень большие дозы, потому что решила: нужен другой метод, чтобы умереть, — более быстрый. А в ушах: „Мама, я тебя люблю!“ С кем-то поделиться со своей душевной горечью я не решалась, боясь, что примут за умалишенную, и решила: надо быстрее кончать. Но в то же время мне так хотелось кому-то все рассказать, было так

тяжело, я просто очень хотела у кого-то попросить прощения, но у кого? Рассказать все-все маме, что я наделала за 29 лет? Я знала, что этим сразу ее угроблю. Дочке? Просто не могла. У меня было много знакомых, но я знала, что никого не волнуют мои проблемы. И вот однажды я встретила своего знакомого, от которого впервые услышала о живом Боге. Он много мне свидетельствовал о Господе, но я ничего не слышала, а даже как-то посмеивалась над ним. Он предложил: „Хочешь, мы о тебе помолимся?“ Я безо всякого осознания согласилась, и они помолились и пригласили меня на служение. Я одобрительно кивнула головой, хотя знала, что не пойду, — у меня кончился наркотик, и, где его взять, я не знала. В ту ночь я ночевала дома. „Бог живой“ — всплыло у меня в голове, и тут меня осенило: „покаяние“. Я еще не понимала тогда, но я четко ощутила, что Бог — это Тот, Кто меня вытащит из пропасти. Меня даже радовало, что я Его не вижу, но первый раз в жизни я осознала, что Бог есть. Он живой. И я решила, что пойду на служение, попрошу прощения у Бога, расскажу Ему все, а потом умру. Два дня я готовилась, перебрала все в своей голове. Я знала, что это мои последние дни. Мысленно я подбирала слова, которые скажу Богу. И вот наступил тот день. Позже меня многие спрашивали — ломило ли меня, потому что зависимость от наркотика была большая. Этого я не помню. Но, когда мы встретились с моим знакомым и пошли на служение, меня начало „выкручивать“. Я еле досидела до конца собрания и, когда сделали призыв, сразу вылетела вперед. Я стала на колени и, когда церковь начала молиться, ощутила живого Бога. Я поняла, перед Кем стою на коленях. Я не могла ничего сказать, а только просила: „Господи, помилуй“. Церковь кончила молиться. Я встала и, сквозь слезы глядя на всех, четко услышала: „Прощена!“ Это сказал Бог, я это знаю. Это слово вошло в меня. Слава Иисусу! С того вечера жизнь моя резко изменилась: я перестала курить, колоться, ругаться. Я, не зная жизни, хотела умереть, но Жизнь в тот вечер вошла в меня, и все, что тянуло меня в смерть, начало осыпаться, как шелуха. Иисус — это моя жизнь! Слава Ему! Он мой путь, моя истина. Я уже член церкви, моя мама тоже, а дочка, моя девочка, сегодня славит Бога! Она ходит в воскресную школу и всем говорит: „Моя мама — учительница“.

Господь возложил на меня работу с детками. Кроме работы в учебном отделе, Господь вверил мне и труд в наркодиспансерах, и мы с друзьями в немощах наших благодарим за это Бога. Мы несем Евангелие таким же, какими раньше были сами, свидетельствуя о нашем Спасителе, Который даровал жизнь мне и многим моим друзьям.

И я верю, что по милости Божьей еще многие скажут с полным осознанием в сердце: „Христос воскрес!“

Да прославится имя Его!

Людмила ГУСЕВА

С ВЕРОЙ В СПАСЕНИЕ

Я живу на земле с верой в спасение. Будет ли Богу угодно, чтобы я выздоровела, — это знает Он один, на это Его воля, и я твердо готова здесь, на земле, служить Господу. Часто я думала о своем исцелении и не представляла, как я буду жить, если Бог исцелит меня... У меня рак, и лечение лучевой терапией не особенно успешно. Так оно и есть: облучили мне все метастазы, легкие в том числе. Я чудом — милостью Божией выжила после облучения легких, но исцеления это не принесло, у меня образовалась новая опухоль, выше послеоперационного шва, и появились боли. Порой я не могу выдержать и принимаю анальгин, чтобы снять боль. Я не ропщу, нет, хотя бывают разные мысли. Надеюсь, что так надо. Бог всеведущ. Он один праведен и знает, для чего Он допускает мои страдания. И я надеюсь, что даже при такой опухоли можно излечиться, если Богу будет угодно. Ведь живу я третий год после операции, но не просто живу — я уверовала, вступила в завет с Богом, я спасена, буду вечно с Иисусом Христом! Особенно я радуюсь тому, что спасена моя мама. Она живет в вере, и в горе Бог ее укрепляет. И это еще не все. 27 марта этого года покаялся мой муж! Я не хожу на богослужения, я прикована к постели и уже третий месяц не выхожу из дому. А муж, Сергей, водил детей в воскресную школу и сам оставался на служении... Бог откликнулся на молитвы всех, кто молился о нем.

Ему 33 года, офицер, командир сторожевого пограничного катера — какая жизнь, какое окружение, какие соблазны: деньги, свобода, город О. с его сетью баров и пивных. И... смертельно больная жена, двое малолетних детей. Был случай, когда он напился, его раздели, забрали десять миллионов — зарплату, но, слава Богу, остался жив сам. После этого он пошел на вечернее служение и попросил помощи у нашего пресвитера. Что дала эта беседа? Через два дня он покаялся. Теперь предстоит трудная духовная борьба. И здесь у меня твердая надежда, упование на Господа — Бог Духом Святым укрепляет мою веру, надежду и помогает. Я о нем молюсь. Мой муж и раньше не был злым, любил семью, но все же ему трудно побеждать дьявола.

Верю, надеюсь, что Иисус Христос до конца совершит работу, и все мои близкие будут с Иисусом Христом в сердце идти по жизни.

Меня привела к Богу болезнь, страх от мысли, что сиротство грозит моим малолетним детям, боль в сердце за маму, как ей тяжело видеть мои страдания, а если я не выздоровлю, то горе утраты для мамы будет ли посильным? Об отце своем молюсь. Он очень злобно относится к тому, что мы пошли в церковь, покаялись, приняли крещение и это изменило и меняет наш образ жизни, и нет спиртного в доме, нет сборищ родни с выпивками, с застольями. Его

даже злит, что дети, прежде чем сесть за стол, молятся. Он твердит: нет в этом пользы! Я, глядя на его страдания, очень хочу выжить и служить Господу, сделать все возможное, чтобы помочь спастись отцу и таким, как он.

До операции я жила без Бога, без веры в Иисуса Христа. Часто казалось: зря живу. Дети? Они вырастут, а у меня ничего в жизни нет. И вот Господь дал то, что есть! Слава Господу, слава Иисусу Христу, я знаю, зачем живу: во славу Бога! Живу, чтобы славить Творца, чтобы молиться о близких, о детях, о тех, кто нуждается в молитве. Что земное меня волнует — это доля детей, родителей, мужа, брата. Могу ли я своей жизнью помочь им прийти ко Христу? Я готова терпеть любую боль, затворничество, все, что даст Бог, побеждать грех в себе, дьявола и все зло, что от него, только бы все было во славу Иисуса Христа: „Да будет воля Твоя и на земле, как на небе“.

Я знаю, что то, что происходит, воля Божия. Когда-то я, мечтая, говорила мужу, что хочу, чтобы мы с ним были едины духом, но только Дух Святой объединяет людей! Теперь мы с мужем и с мамой в Иисусе Христе. О чем мечтала — сбылось! Какой ценой? Болью в теле, но чем выше цена, тем дороже то, что приобретаешь. Что дороже Иисуса Христа? Нет ничего!

Может, кто-то скажет — дети... Дети — это радость, это счастье, но это не заменит веру в Бога. Дети дороги, их очень жалко, если они страдают, но очень хочется, чтобы они не попали в сети дьявола, а жили во имя Иисуса Христа.

Я страдаю телом, знаю, что это не самая большая беда: есть только одно подлинное бедствие в жизни — потерять доверие к Богу!

Я славлю Бога за то, что еще один день смерть не заглянула в наш дом, за то, что и в этот день никто не смел сказать моим детям, что нет Бога, коль ваша мама умерла, — ведь я не умерла, так я и славить могу, ликовать о силе, о любви Господней!

Господи! Как бы я хотела, чтобы не боль в теле, не боль в душе за близких держала меня у Твоих ног, а чтобы я служила Тебе здоровым телом и сердцем, полным любви. Служила каждый миг, каждым вздохом, славил Тебя не потому, что у меня нет выхода, а славил бы Тебя потому, что нет ничего на земле более достойного...

Когда-то у меня была мысль: если бы мой муж уверовал, как я, был готов отдать жизнь Христу, то я бы бросила все, что есть в Одессе, и поехала бы с ним на Алтай, в Бийск и дальше, чтобы нести Благоую Весть. Вот еще почему я хочу исцелиться, выздороветь: я хочу служить Господу, нести Благоую Весть. Мысль, что нужно довериться Иисусу Христу, высушивает слезы, порой снимает боль. Сознание того, что я умру и нет ничего другого, что может утешить меня в предсмертные часы, тоже высушивает слезы. Вот так я говорю с Богом.

Итак, мысли и слезы, но главное — надежда! Надежда, что Бог знает, что Он делает, зачем делает, и все, что Он сделает, все для славы имени Его, во имя Иисуса Христа.

Билли Грэм писал: „Иисус Христос — факт“. Факт — это то, что можно проверить... Я этого факта проверить не могу... Я только верю. Верю, и Бог, живой Бог, дает мне надежду, поддерживает меня в моей вере...

Я верю, надеюсь на то, чего не вижу, и славлю за это Того, Кто дал мне эту веру...

Любовь ЗОЛОТОРЕВА

БОЛЬНОЙ АЛКОГОЛИЗМОМ

Долгое время мне было тяжело в этом признаться. Но это единственный способ победить болезнь. Болезнь эта может настичь любого... и вас, вашего мужа, вашу жену, вашего отца, вашу дочь, вашего сына, вашего дядю, вашего друга, вашего коллегу, вашего начальника — каждого. Ей подвержены как рабочие, так и политики, врачи, пилоты и т. д. И она человеческими методами неизлечима. На протяжении всей жизни. Кто этому не верит, может проверить. Я тоже долгое время не верил, но снова и снова убеждался в этом. Я пробовал пять дней в неделю пить, а два дня — не пить. Неудача! Затем я пробовал два дня пить, а пять — не пить. Одно-единственное исключение — и в результате все благие намерения рухнули. В течение четырех лет я сделал около 30 попыток — безрезультатно! Дрожь охватывала меня, и ночами я лежал с каплями холодного пота на лбу, испытывая смертельный страх. А единственным объектом, вокруг которого вертелись мои мысли, была бутылка...

Кто страдает алкоголизмом, должен пить. Это настоящая болезнь, которая ничего общего с волей не имеет. Мне необходимо было все больше и больше этой дьявольской штуки, чтобы работать и, как я тогда еще думал, вообще жить.

Я испытывал чувство вины по отношению к моей сожительнице и по отношению к моему двухлетнему сыну. Я стоял на предпоследней ступеньке лестницы, ведущей к погребу.

Многие падают с этой ступеньки, чтобы, потеряв все: семью, работу, квартиру, деньги, друзей, — наконец понять: или ты изменишь свою жизнь, или ты попадешь в сумасшедший дом, а то и на кладбище.

Восемь лет назад я бескомпромиссно выбрал жизнь, сказав ей „да“, а алкоголю — „нет“. Жизнь свою я изменил, и это было не просто. Я лечился в больнице. Над моей кроватью висел лозунг: „Сегодня первый день из моей оставшейся жизни“. Тогда я ясно осознал, что только с Божьей помощью могу найти дорогу из этого ада. Двадцать лет я

не посещал церковь, но сразу же снова научился молиться; перестал себя жалеть, обманывать, лживо уверять, а начал честно к себе относиться, что-то делать для себя, своей жизни. Я это делаю и теперь. И если перед вашими духовными очами я изливаю самое сокровенное, то не потому, чтобы поразить вас или вызвать в вас сочувствие, даже, может быть, восхищение. Нет. В первую очередь я это делаю для себя. Да, для себя. Потому что я остаюсь здоровым только в том случае, если я открыто говорю об этой болезни — алкоголизме; если я откровенно признаюсь: против алкоголя я был безоружен и с собой справиться не мог. Здоровым я остаюсь только при одном условии: если и впредь не трону первого стакана. Тогда и со вторым не будет проблем.

Бороться с этой болезнью в одиночестве, без Бога, — напрасный труд. Сам по себе я слаб и капитулирую перед алкоголем — он сильнее меня. Бороться — это побеждать или терять. Я терять больше не хочу. И если я это признаю открыто, значит, это хорошо для меня и помогает мне оставаться здоровым. И вы, читая мою исповедь, тоже помогаете мне — я благодарю вас. Возможно, я своим признанием затронул чью-то душу, приободрил, вселил мужество... И если хоть одному помог, то это уже много. Думаю, что каждый из нас знает хотя бы одного человека, который страдает от алкоголизма. И если вы сейчас качаете головой, думая, что не знаете таких, тогда я должен вам возразить: одного вы теперь все-таки знаете — меня. Не я один был поражен, но и моя сожительница, и мой сын. Если живешь в семье, в которой один из членов болен алкоголизмом, то и сам заболеваешь. Начинается тем, что надо что-то скрывать, утаивать, лгать. И если хотите, сатана-алкоголь может довести до того, что пораженные безудержно грешат против всех десяти заповедей: как алкоголики, так и их родственники. Начинается с отхода от Бога, а дальше через воровство, ложь, распутство — к самоубийству или даже к убийству. Один из моих знакомых рассказал, что он только через 25 лет узнал о том, что его, бывшего алкоголика, хотели убить собственная жена и дочь. Они уже приставили к мертвецки пьяному нож к горлу, но не посмели сделать последнего шага. Причиной этого поступка был алкоголь. Что делает жена пьющего или муж пьющей? Как относится партнер к постоянным обещаниям, которые всегда нарушаются? Как долго ему приходится жертвовать своей жизнью только потому, что супругу или супруге хочется пить? Как обстоит дело с любовью к ближнему, с сочувствием, прощением, утешением?.. Насколько нас хватает? Как долго это может длиться? Кто это может выдержать? Не попадаешь ли как христианин в затруднительное положение? Должен ли я своему партнеру снова прощать, оставаться с ним — хотя бы ради детей? И одновременно встает вопрос: сколько еще унижаться и быть обманутым? Я не могу и не хочу давать рецепты. Я говорю из своего опыта: для алкоголика всегда на первом месте — бутылка; работа, семья, любовь — на втором. И если любовь к бутылке сильнее любви к супругу или супруге, последний должен принять решение, даже если оно и очень болезненное...

Можете ли вы себе представить, что кто-то из-за любви к ближнему даст упасть другому, сказав ему: „Я оставляю тебя в надежде, что страдание тебя образумит.“ Так было со мной. Никто из любви к партнеру не может перестать пить: при первом же споре у него появляется причина запить. Но тогда я понял: если снова обрету мир с Богом, найдя смысл жизни, то это может стать основой для начала новой жизни. Моя прежняя сожительница, ныне жена, мне тогда помогла, сказав мне всего три слова: „Спивайся до смерти!“ Это предложение буквально отрезвило меня. Я не хотел, чтобы наша любовь этим кончилась.

Общаясь с детьми, выросшими в семье алкоголика, вы выясните поразительное: если отец пьет, то дети большую часть ненависти вымещают на матери. Они инстинктивно понимают, что она могла и должна была что-то изменить. Пьющий отец, наоборот, оставляется в покое.

Если я иногда ночью просыпаюсь и не могу заснуть, то повторяю лишь одну молитву благодарности, которая выражает все мои чувства: „Спасибо, Господь, что я больше не должен пить!“

С.А.М.

БОГ ВСЕГДА СО МНОЮ

В детстве я часто задумывался над тем, что такое смерть. Умру ли я? Это было связано с тем, что в нашем четырехэтажном доме часто умирали люди. Я не мог понять, как они умирают, мне казалось, что я не умру. Я хотел поделиться своими мыслями с родными, но не получалось как-то: или стеснялся, или не мог их выразить.

У нас в семье вера в Бога шла от бабушки, которая посещала православную церковь. Мы с братом-близнецом часто слышали о Христе, но тут же забывали. Библии у нас не было, поэтому бабушка рассказывала то, что слышала в церкви. У нас висела икона Божьей Матери, и бабушка молилась перед ней заученными молитвами.

Я родился больным ребенком — детский церебральный паралич в тяжелой форме. Брат родился нормальным на пятнадцать минут раньше. Позже я узнал, что отчаявшиеся мама и бабушка возили меня по разным бабкам-целительницам. К этому в немалой степени подтолкнули их и наши медики, которые заявили маме, чтобы она избавилась от меня, сдав в дом инвалидов.

Все это продолжалось до пяти лет, пока маме не сказали, что в Харькове есть один профессор-невропатолог. Он принимает больных детей на дому, так как сам инвалид.

Пройдя у него курс лечения, я стал вставать: до этого не мог ни встать, ни сесть. Потом с восьми лет начал учиться в школе. Отрицание Бога глубоко атеистической школьной системой все же не могло затмить мою любознательность. Я все время спрашивал: почему? почему? почему? Учился я не ахти как хорошо, но засыпал учителей вопросами, так что они иногда попадали в тупик. Помнится, как учительница рассказала о том, что мамонты жили там, где было много травы. Читая главу, в которой говорилось о мамонтах, я нашел, что они жили где-то вблизи Северного Ледовитого океана. Если бы я знал, что Земля раньше была зеленым оазисом, и знал о всемирном потопе, то понять это не составило бы труда, но так как в учебниках было сказано обратное или умалчивалось истинное положение, то я был сбит с толку.

Часто, задумываясь над вопросом об истине, приходишь в ужас. Как сатана извратил человека за семьдесят лет! В бывшем СССР все поставлено с ног на голову, да и не только там, но и во всем мире. Литература, культура, наука и прочее — все, казалось, служило ему, дьяволу, но благодаря Господу ему не удалось покорить истинных братьев и сестер во Христе. Наоборот, еще более укреплялись и умножались ряды учеников Христовых!

Самыми любимыми моими предметами были история и литература. Я „глотал“ книги. Бабушка любила хвалить меня перед другими за мое пристрастие к книгам:

— Вы представляете, он читает то же, что и я, — вот эти толстые книги!

Когда я читал исторические книги, то у меня возникал вопрос: откуда им известно, что было много миллионов лет назад, когда еще не существовало человека? Позже стал читать астрономию, биологию, анатомию и другую научную литературу. Но и это не удовлетворяло меня. По натуре я ленивый — то ли болезнь сказалась, то ли эгоистичность. Но мне казалось, что все это не то, учебники чего-то недоговаривали.

Еще маленьким я думал о Боге. И всегда возникал ропот на Него. „Если Он есть, то почему я родился такой? Почему брат совершенно здоровый, а я...“ — спрашивал я себя.

Этот неосознанный ропот и даже ненависть к Богу часто были в нашей семье, и причиной тому был я, то есть моя болезнь.

Сатана все глубже и глубже втягивал меня в свой омут. Но когда было совсем скверно или страшно, мысленно обращался к Богу. Только сейчас понимаю, что хотя я и не был верен Господу, но Он верен до конца, и, как написано в Писании, „кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего“ (Рим. 8:29).

В четырнадцать лет у меня резко ухудшилось здоровье. Говорили, что это переходный возраст и, мол, так надо. До этого меня тайно лечили у гипнотизера, но мне казалось, что это не гипнотизер, а шарлатан, который „драл“ с несчастных больных деньги. Запомнилось, как он громко заявил: „Я этого ребенка поставлю на ноги!“

И характерно, что мне от такого лечения становилось не лучше и не хуже. Например, по телевидению начали показывать сеансы лечения, проводимые А. Кашпировским. Я садился и всматривался в него: авось, поможет! Но как ни всматривался, как ни старался завести „ключ“, не помогало. К нам ходила старушка-соседка, и я с удивлением смотрел, как она крутила головой во время сеанса. Потом меня лечили экстрасенсы и разные „джуны“, но меня охранял Бог. Я не говорю, что сатана отскакивал от меня, нет, он владел мною, но Господь знал, что я приду к Нему.

В 1989 году ко мне пришла христианка и привела брата по вере, который сейчас живет в Германии. Она приходила к нам и раньше, но я, папа и мама с насмешкой принимали ее. Нам казалась, что у нее „не все дома“, хотя мама (она работала вместе с ней) хвалила ее как очень добросовестную работницу. Мама рассказала ей обо мне, и она попросила разрешения прийти. Мама спросила меня, но я, услышав слово „баптистка“, сказал, что не хочу ее видеть. Она еще раз попросила у мамы разрешения прийти, и я согласился:

— Ладно, пусть приходит, поговорим.

И вот однажды она пришла с молодым братом. Я лежал. Они положили передо мной Библию. О, впервые в жизни у нас в квартире эта книга! Посмотрев в нее, я не понял ничего. Но брат Саша стал ходить ко мне. Я тогда интересовался политикой „перестройки“, и поэтому меня захватывало то, о чем писали газеты и журналы. Мама по моей просьбе выписывала кипу газет и журналов. Зачитываясь ими, особенно «Литературной газетой» и журналом «Новый мир», узнавал правду советской истории.

Брат Саша в то время долго не появлялся, а потом однажды зимой или поздней осенью пришел и сказал, что может в воскресенье повести меня в молитвенный дом, но я не захотел. А Библия терпеливо лежала на диване. Потом я попросил маму поставить ее на видное место рядом с книжкой М. С. Горбачева „Перестройка и новое мышление“. В 1980 году в журнале «Смена» стала печататься книга А. Меня „Сын Человеческий“, в «Литгазете» появилась его же публикация „Христианство“. Потом распался Союз, а я в это время лечился в центре реабилитации инвалидов и долгими вечерами читал „Сына Человеческого“. Меня так заинтересовала эта книга, что, приехав домой, прочитал все журналы с этой публикацией. Я стал читать Библию. Начал с Нового Завета, с Евангелия от Иоанна. Но у меня возникали и возникали вопросы. Пока не пришла мысль, несмотря ни на какие трудности, прочитать всю Библию от корки до корки. И за четыре месяца прочитал. Потом приехал Саша из Германии и дал брошюрку, которая научно доказывала существование Бога.

Когда мы возвращались с собрания, я сказал между прочим, что желал бы покаяться, но меня смущало множество людей, и я не мог выйти вперед и попросить о том, чтобы со мною помолились. По правде говоря, я еще дома, когда никого не было, становился на колени и со слезами на глазах просил Бога о прощении. Но брат сказал,

чтобы я принял Бога перед свидетелями в церкви. И вот после короткого разговора мы поехали снова в дом молитвы, и я при пресвитере и нескольких братьях принял Христа.

Мое возрождение проходило медленно. Продолжал читать газеты и журналы, смотреть телевизор, но Бог делал Свою работу. Первым делом я поставил себе цель — ни одного дня без Священного Писания. И хотя бывали трудные дни, но все равно полчаса или час уделял чтению Библии. Многим здоровым людям кажется: если я большой человек, то у меня масса времени для изучения Библии. Да, я с этим согласен. Я действительно прочитал много христианских книг. Казалось, изучил Библию, но трудно читать и учить, если живешь среди неверующих людей и полностью зависишь от них: за мной требуется постоянный уход.

Летом 1993 года я принял водное крещение по вере. Мне перед этим опять было хуже, а тут еще папа, узнав, что я принимаю крещение, возмутился. Мы с мамой были в полной растерянности. Сатана делал все возможное, чтобы помешать столь важному делу.

После крещения мы поехали в дом молитвы для возложения рук и преломления хлеба. Дело в том, что крещение я принял индивидуально в субботу.

...Я очень жалею, что мой брат во Христе Ханна Хаука вынужден был прервать передачу по телевидению. Хотя вторая программа ловится плохо, мне это удавалось. Передача называлась „Христианская программа“. Я плакал после проповедей этого телепроповедника. Написав ему письмо, долго ждал от него ответа, а потом летом неожиданно папа приносит бандероль: „Тебе пакет из Финляндии“.

Бог всегда со мною. Иногда приходит мысль: что бы я делал, если бы жил, как раньше? Только благодаря Богу у меня появилась коляска, и я с братом Ваней езжу по городу, ко мне приходят братья и сестры. Выписываю христианскую литературу и газету „Протестант“. Вот уже три раза получил журнал „Вера и жизнь“. Наш пресвитер — прекраснейший человек — привез из Киева христианскую литературу.

Я свидетельствую в первую очередь инвалидам, таким, как и я. Возможно, свидетельство мое несовершенно, но мне трудно сконцентрироваться, печатая его ногой.

Заканчивая письмо, мне хочется привести стих из Библии: „Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас“ (Мф. 11:28).

Олег КАРПОВ

ПОСЛЕДНИЕ ДВАДЦАТЬ ДОЛЛАРОВ

В среду вечером хор, как обычно, собрался для репетиции. В перерыве руководитель хора обратился ко всем участникам: „Среди нас есть супружеская пара, испытывающая большие материальные трудности. Я никого из вас не хочу ставить в неловкое положение, поэтому не назову фамилии. Каждый, кто может помочь им деньгами, пусть подойдет после репетиции ко мне“.

Хор у нас большой, сто тридцать хористов. Том, наш руководитель, время от времени просит помочь тому или другому члену церкви, иногда и семьям, которые нуждаются в молитвенной поддержке или материальной помощи. Все мы уверены в Томе. Мы знаем, что если он просит кому-нибудь помочь, то все хорошо обдумал и тщательно взвесил. Мы его очень ценим за то, что он не рассказывает подробно о нуждающемся и его сложной ситуации.

Когда после репетиции мы положили на место наши ноты, моя жена Сусанна взглянула на меня и сказала: „Представь себе, что среди нас есть люди, которым живется еще хуже, чем нам. Сколько денег в твоём кошельке?“ Я открыл кошелек — в нем лежала одна 20-долларовая и три однодолларовые купюры. „Это все, что у меня есть, — ответил я. — Почему ты спрашиваешь?“ „Видишь ли, — сказала она, — если Том просит помочь этой супружеской паре, мы ведь тоже должны это сделать. Может, отдадим эти двадцать долларов?“

Я колебался с ответом, наконец решил сказать ей правду: „Знаешь, дорогая, я только что сказал тебе, что эти деньги — все, что у меня есть. У меня на самом деле больше ничего нет. Ты ведь знаешь, что нам пригрозили отключить завтра свет, если мы не оплатим счет, а на нашем расчетном счете в банке ничего нет“. „Ах, — ответила моя жена, — если у нас все равно нет денег, чтобы оплатить счет за свет, то и эти двадцать долларов нас не спасут. Мы можем отдать их на доброе дело. У меня какое-то странное чувство, что Господь ждет от нас этого“.

Я уже давно понял, что мой голос ничего не значит, если моя жена принимает какое-нибудь решение, заранее согласовав его с волей Божьей. Она всегда оказывается правой. И сейчас она меня очень быстро убедила.

Я вернулся в комнату, в которой мы только что пели, и увидел там Тома, окруженного членами хора. Кто-то давал ему деньги, кто-то выписывал чек. Я ничего не сказал, просто дал ему эти двадцать долларов и быстро вышел.

По дороге домой моя жена еще раз подтвердила правильность принятого решения: „Разве не прекрасно, что и мы смогли помочь этой супружеской паре?“ Я поддакнул ей, а сам начал думать о том, как нам решить тяжелые финансовые проблемы.

Дела у нас на самом деле шли плохо. Три года тому назад мы с моим лучшим другом основали маленькую фирму и вложили в это предприятие все наши сбережения. Мы взяли кредиты и отказались от прибылей, чтобы каждый вырученный доллар шел на пользу фирме.

Даже через год мы не могли похвастать прибылью. Поэтому моей жене пришлось устроиться на одну из фирм секретарем. Однако на ее зарплату мы едва сводили концы с концами. Мы продали свой пай нашим партнерам по предприятию, но так как и у них не было никаких доходов, они не смогли выплатить нам денег.

Я устроился представителем большого продовольственного магазина. Работа спорилась, дела пошли неплохо, и через одиннадцать месяцев я смог взять в банке кредит и купить в рассрочку небольшой дом. Мы успели заплатить только первый взнос, как нас постигла очередная финансовая беда — обанкротилась фирма, в которой я работал. Я не только потерял работу, но и увяз в долгах.

В последующие четыре месяца я предпринял немало попыток исправить наше материальное положение, но ничего не получалось. Я продавал рыбу, затем делал плетеную мебель, но это была временная работа, постоянная не предвиделась. За что бы я ни брался, сколько бы заявлений о приеме на работу ни отсылал — все было напрасно.

В тот вечер, когда Том попросил хористов оказать материальную помощь одной семье, мы с женой израсходовали наши последние сбережения и сделали объявление о продаже дома. Наши продовольственные запасы истощились. Мы не могли более оплачивать приходящие счета. Даже одному из наших детей — студенту института — мы не могли помогать деньгами. Мы подумывали уже о продаже нашей машины.

Мы не видели никакого выхода и уповали лишь на Господа. На следующий день в 10 часов утра зазвонил телефон. Звонил Том: „Ты не смог бы мне сегодня утром помочь? Я задержу тебя не более чем на полчаса“. Я согласился. „Хорошо, — ответил он, — через полчаса я жду тебя“. Когда я поудобнее устроился в его кабинете, он взглянул на меня через свой письменный стол и неожиданно спросил: „Как дела, Чарли? Как поживает Сусанна?“ „Ах, — ответил я уклончиво, так как подумал, что вопрос был задан просто из вежливости, — приходится крутиться“. — „Ты нашел работу?“ — „Нет, не нашел“. Я лихорадочно раздумывал над тем, откуда он мог узнать, что я остался без работы.

После того, как мой работодатель объявил о банкротстве, мы с Сусанной твердо решили: никому не рассказывать о случившемся и о нашем материальном положении, за исключением самых близких друзей. Мы просили и их не рассказывать об этом другим. Нам не хотелось, чтобы люди нашей общины беспокоились о нас. Мы все доверили Господу и жили надеждой, что Он не оставит нас.

В нашем молитвенном кружке мы попросили только о том, чтобы о нас молились. Поэтому мы были уверены, что нам до сих пор хорошо удалось скрыть от общины свои материальные затруднения.

Я был ошарашен, когда Том стал объяснять: „Ты и твоя жена были для нас в последнее время большим благословением. Вы показали нам, как сильна ваша вера. Вы для нас и для многих, которых вы даже не знаете, стали примером, свидетельством. Сегодня я хочу сказать тебе и твоей жене, что мы вас любим и молимся о вас“. Я был настолько потрясен тем, что Господь таким образом использовал наше тяжелое положение, что у меня на глазах появились слезы. Когда я взглянул на Тома, то увидел, что и он глубоко взволнован. „Можешь ли ты себе представить, каково мне было, когда ты мне протянул двадцать долларов? Я ведь знал, что ты не подозреваешь, для кого мы собираем деньги. Кроме того, мне было ясно, что для вас и эта сумма была нереальна“, — продолжал Том. С этими словами он взял со стола конверт и протянул его мне: „Это тебе. Господь все видит. Вам не надо эту сумму возвращать назад. Мы уверены, что дела у вас наладятся. Мы просто хотим вам помочь“.

Когда я вскрыл конверт, я увидел чек на 1500 долларов. Слезы полились из глаз, и я только смог пролепетать: „Слава Господу!“

Уж и не знаю, как, но у меня в кармане оказалась чековая книжка. Я быстро сам выписал чек, объясняя при этом Тому, что это десятая часть от того подарка, который я только что получил. „Но этого совсем не надо“, — запротестовал он. „Еще как надо“, — возразил я. Затем мы вместе помолились.

Оплатив счет за электричество, я позвонил жене: „Слушай, ты ни за что не отгадаешь, для кого мы собирали деньги“. Она не сразу нашлась, что ответить, и я, сдерживая слезы, выпалил в трубку: „Ты не поверишь, но деньги были предназначены нам“. Тут начала плакать и моя жена — из благодарности к Господу.

Когда мы к концу дня оплатили все счета, у нас в кармане осталось шесть центов.

Слава Господу!

Чарльз Б.

Я НАШЕЛ СВОЕ СЧАСТЬЕ

Я и мой брат-близнец родились в 1956 году в Якутске. Отец и мать в нас души не чаяли. Мы росли резвыми, любознательными детьми.

Но уже в четвертом классе стали поступать первые сигналы-жалобы на меня, Сергея: пропускаю уроки, связался с плохими ребятами, начал курить, украл у учительницы деньги...

В июле 1968 года я угнал школьный автобус. Кончилось тем, что я не справился с управлением, на ходу выпрыгнул из него, а он покатился в вырытый глубокий котлован и упал на сваи. Меня сразу отправили в спецшколу (1968–1970 гг.) Но в этом заведении меня не исправили, а ожесточили. С большим трудом я окончил 8 классов — два раза оставался на второй год.

1973 год — учеба в Ленинградском ГПТУ-55. Отчислили за крупную кражу.

1975 — 1977 годы — служба в армии. Учеба в Братском учебном подразделении связи. Присвоили звание младший сержант. Позже за кражу и оскорбление сослуживцев лишили этого звания.

Так я катился по наклонной, отдавая себя сатане. Драки, наркотики, мошенничество, воровство. Появились новые друзья. И вот в 1977 году первый вызов в прокуратуру области — обвинение в тяжком преступлении. Двухгодоевое следствие, экспертизы, суд. Несколько статей отпала. Но от срока я не ушел. В 1979 году мне дали пять лет. Судил показательный Верховный суд ЯАССР.

В 1980 году — побег в цементовозе из лагеря строгого режима, трое суток „лихой жизни“ — и вновь следствие и суд.

Освободился. С братом Александром уехал на Украину. Она всегда мне представлялась в виде огромных Сорочинцев; считал, что все здесь ходят в красивых национальных одеждах, живут обязательно в шевченковских хатах-мазанках и всюду цветут вишнево-яблоневые сады.

В 1986 году посчастливилось жить в Полтавской области, в Чернухинском районе, селе Белоусовка, в хате-мазанке. Я соприкоснулся с сельской жизнью. Вел хозяйство: два огорода, сад и живность. Но это продолжалось совсем недолго — до осени. У меня произошел инцидент с местными властями, получил 15 суток, потом еще 15 суток, затем — побег, и меня повезли на „добровольно-принудительное“ лечение. Опять побег. В городе Константиновка Донецкой области работал в плодоовощторге, в гараже. Организованное побоище с сотрудниками милиции. В Константиновке до сих пор помнят этот случай. У сержанта милиции была сломана мною рука, а у меня сломаны позвонки. Пять месяцев я пролежал в гипсе. Было возбуждено уголовное дело за массовые беспорядки, побои и сопротивление органам власти. Но благодаря моим переломам дело прекратили. Мне дали 24 часа на выезд из области.

Затем „турне“ по Львовщине, потом десятимесячное „турне“ по России: Ленинград, Владивосток и... города, города, города. Жил „в свое удовольствие“. Женщины, наркотики... Последним моим „рабочим“ пунктом стало Крымское побережье. За все „заслуги“ перед государством и людьми в марте 1988 года мне дали 10 лет с отбыванием срока в колонии особого режима в г. Енакиево, так как суд признал меня особо опасным рецидивистом.

Наступило светлое утро 7 января 1990 года. По обыкновению, я находился в камере и играл в домино. Начинался, казалось бы, обычный воскресный день. Но вмешательство Всевышнего полностью изменило всю мою жизнь. В этот день я услышал по радио проповедь о Духе Святом, пение псалмов. Господь открыл двери наших темниц для благовестия. Впервые я услышал Слово Божие. В наше учреждение пришли братья из Енакиевской церкви ЕХБ с праздничным служением. Оно транслировалось по тюремному радио.

Господь открыл мне глаза. Коснулся моего черствого сердца, разбудил его Своим Словом и всепрощающей любовью. Не обращая внимания на товарищей по камере, я упал на колени и воззвал к Господу. Слезы текли из моих глаз, сердце мое сокрушилось. О, милость Господня! Он простил меня. Я стоял на коленях и как мог выражал своей простой молитвой благодарность Богу. Прославление исходило из глубины души. В этот день Бог совершил со мной чудо милосердия, сделал способным следовать за Ним, дал мне новое сердце, спасение и жизнь вечную. Я был заблудшим и слепым, но свет Божий осиял меня. Бог принял меня в Свою семью.

Господь расположил сердца начальников к нам, верующим во Христа, нам разрешили выходить из камер и иметь общение с братьями Енакиевской церкви.

В первый же такой день я засвидетельствовал в клубе учреждения о том, что принял Бога в свое сердце, что Господь изменил полностью мое мышление и мою жизнь и что я теперь Христов.

Пастор церкви Санжура П. Я. вел служение в нашем учреждении, и многие души решили следовать за Господом.

Я нашел свое счастье. Нашел непревзойденный, прекрасный мир и любовь через Господа Иисуса Христа. Господь даровал мне возможность прославлять Его в стихах, но мне тогда хотелось делать это лучше, то есть грамотнее, и я обратился за помощью к братьям. Они дали адрес сестры из Донецка — Гончаровой Елены. Я написал ей письмо с просьбой дать отзыв о моих стихах. Через некоторое время получил ответ, но совсем из другого города и от другой сестры — из Мариуполя от Ковалевой Ольги. Так началось наше знакомство. Это был Божий замысел, Его воля. Мне было легко и приятно общаться с Ольгой в письмах.

И вот наша первая встреча на 2-часовом свидании. Я стоял и не мог произнести ни слова, хотя мои письма к Ольге были часты и насыщены. Я слушал Ольгу и испытывал внутреннее благоговение. Все ее слова, мысли, поступки были кристально чисты. Ее лицо передавало чистоту во Христе. Оно излучало любовь и милосердие, сострадание и жертвенность.

Я впервые соприкоснулся с таким откровением. Сам Господь говорил ко мне через Ольгу и обличал меня в моих проступках.

Шли месяцы, и вот через молитвы и общение с Богом я получил ясность, что Ольга предопределена мне, что Господь по великой любви Своей подарил мне общение с сестрой и хочет, чтобы мы были вместе. Я написал Оле о своих чувствах, о воле Господней, о решении создать христианскую семью. На мое предложение Оля не могла ответить сразу. Она просто не была готова к этому.

В мае 1991 года Ольга уехала в Якутию, на мою родину. Там совершала вверенное ей миссионерское служение. Помогала создавать общины в пос. Хандыга, Джебарики-Хая. Я писал очень много писем о родном крае, о своем духовном росте, о своих радостях и печалях. А Олины письма служили мне назиданием, и я впитывал Слово Божие, как хлеб — молоко. Я был еще младенцем во Христе, и Ольга была для меня постоянным помощником и очень чутким, добрым другом. Я все больше убеждался, что рука Божья руководила нами.

Церкви укреплялись, Ольга трудилась с братьями и сестрами в трудных северных условиях, и Господь хранил Своих детей. Много душ пришли ко Христу.

Через год Господь послал Ольгу на учебу в Донецкий библиейский колледж. Наше общение продолжалось. Продолжалось общение и с братьями Енакиевской церкви.

В феврале 1993 года я использовал свою единственную льготу на особом режиме — перешел в Горловскую колонию строгого режима. И здесь я встретил братьев по вере.

Слава Господу за то, что мы каждый день можем общаться в нашей молитвенной комнате, петь христианские песни и вести служение! Каждое воскресенье на протяжении четырех лет нас посещали братья из Горловской церкви.

10 октября 1993 года был для меня незабываемым днем. В этот день я и еще двое моих братьев — Тютенко Саша и Строцкий Леша — приняли святое водное крещение, дали обещание перед всеми служить Господу доброй совестью. Малов В. И. совершил эту, данную Христом, заповедь — крещение через погружение в воду. Крещение свидетельствует всем, что мы во Христе, а последующая за ним заповедь — вечеря Господня, — что Христос в нас. Мы совершили хлебопреломление. Господь устроил так, что и Ольга была рядом. Этот день был солнечным, радостным — благодатным.

Прошло время, и Господь ответил на наши молитвы и побуждение сердец.

24 марта 1994 года был днем нашего бракосочетания. Маленький хор из представителей трех церквей — Ханженковской (Макеевка), Никитовской (Горловка), Мариупольской — пел для нас. Невеста была в ослепительно белом свадебном платье и фате. Два пресвитера — Волосюк Станислав Иванович (из Мариуполя) и Малов Валерий Иванович — совершали это торжественное служение. Пасторы говорили слова напутствия из Священного Писания, благословляли. Я видел счастливые лица братьев и сестер, моих и Олиных родителей и благодарил Бога за подаренное мне счастье.

Раньше я был очень наглым, низким человеком. Но Господь поднял меня, омыл, простил и дал мне прекрасную жену и благословил наш брак. Это великое счастье — ходить в Господе, ибо Он печется о нас, Его детях. Он дает все прекрасное тем, кто Его любит. Невозможно описать все щедроты и милости, которыми Господь нас одаривает. Мы очень счастливы, ибо с нами Бог. Им мы живем, в Нем видим нашу будущность и только на Него уповаем. Мы хотим нести совместное миссионерское служение в любом месте, куда нас пошлет Господь.

Я очень люблю свою жену. Мы находимся в разлуке, но мы неразлучны, потому что Христос управляет нами. Мы желаем помочь всем, кто заблудился в своей жизни и испытывает внутреннюю пустоту. Этот вакуум можно заполнить только Богом. Ибо Бог есть любовь.

Дорогие друзья! И вам дана возможность встречи с Богом, доступ к Его благодати и общению с Ним. Бог принимает и прощает всякого грешника, взывающего к Нему. Приходите ко Христу, и Он с любовью примет вас.

Откройте свои сердца для Христа! Да благословит вас Господь!

Сергей ШАФРАН

РАЗНЫЕ ПУТИ

Это было в 1972 году, мы жили тогда в Киргизии. У меня было трое сыновей. Старшим — Юре и Пете — было по шесть лет.

Однажды вечером я по обыкновению зашла к старшим детям пожелать им спокойной ночи. Юра, взяв мою руку, прижался к ней и сказал: „Мама, я боюсь умереть. Леновы на небе будут, а мы все погибнем!“ Леновы — это наши соседи, глубоко верующая семья. Я стала утешать Юру, пыталась шуткой отвлечь его от грустных мыслей, сказав, что если Леновы полетят на небо, то мы за них ухватимся...

Но сама встревожилась. Я стала посещать небольшую общину примерно из десяти старых бабушек — католичек. Простаивала часами на коленях, пока они читали малопонятные молитвы. Ноги и спина затекали, а сердцу легче не

становилось, и я плакала безутешно. Но слезы мои исчезали так же неожиданно, как приходили. Прошло еще 17 долгих лет, пока снова Дух Святой коснулся меня...

Юра только что стал отцом, заботливым и счастливым мужем. Я, глядя на него, была тоже счастлива, хотя было много забот и хлопот в связи с предстоящим выездом в Германию. И как-то не заметила, что Юра по воскресеньям стал куда-то уходить. Однажды в воскресенье утром он с улыбкой сказал мне: „Мама, я хожу на собрания к верующим — баптистам, пойдем со мной“. Я забеспокоилась: Юра — молодой и вдруг верующий, да еще баптист. Что скажут люди, многочисленные родственники?.. У меня уже много лет была Библия, и я от случая к случаю читала ее, молилась на ночь почти всегда молитвой „Отче наш“. И считала, что поступаю правильно, что этого достаточно. Но Юра мягко и настойчиво просил пойти с ним. Я пошла с ним в молитвенный дом поселка Марьяновка, где мы уже много лет жили. И там, на собрании, я так разволновалась, слезы ручьями бежали по лицу... Мне после собрания не хотелось идти домой. Мы с сыном успели еще несколько раз до отъезда посетить собрания в Марьяновке. Вскоре мы уехали в Германию, и постепенно все стерлось из памяти... Прошло еще два года. Юра нашел баптистскую общину здесь, в Гамбурге, а я ничего не предпринимала, жила, как и прежде. Нам очень повезло, что Юра познакомился с семьей верующих — Рунде. Они проявили к нам столько внимания и любви, мы этого совсем не заслужили. Община, которую мы стали посещать, была малочисленная. И тут мы с сыном натолкнулись на сопротивление со стороны родственников и членов наших семей. Они и уговаривали, и насмехались. Юра успокаивал и защищал меня от нападок моего мужа, своего отца. И вот вечером 17 августа 1992 года Юра со своей женой и сыном заехал к нам и сказал: „Собирайся, мамуля, поехали с нами!“ Я, ничего не спросив, начала собираться. Мы ехали куда-то и молчали, и какой-то страх вошел в меня. Мы подъехали к большому зданию, перед входом было очень много народу, в фойе, в зале не было свободных мест. Но мы с Любой, Юриной женой, шли уверенно вперед. Недалеко от кафедры было три свободных места. Нас это даже не удивило тогда, только Юра, когда подошел, был бледен (он вчера именно здесь сидел и покаялся). Евангелизацию проводил Вильгельм Палс, но я почти ничего не слышала, я была как в неведении. Пастор Палс сказал, что если кому-то хочется помолиться вместе с ним, попросить прощения у Спасителя, то после евангелизации его можно найти по стрелкам на стенах. И тогда я поняла, что пойду и буду молиться и буду просить прощения сейчас, сегодня, не откладывая на потом. Увидев знакомое лицо брата Рунде, я обрадовалась, он мне улыбнулся и поощрял идти. Теперь я рада, что покаялась. Приняла крещение со мной и моя сестра Лида, а семья Рунде и еще много-много людей стали для меня очень близкими...

Антонида МАХТ

У РУЧЬЯ

Напишу немного о себе. Зовут меня Ира, живу в селе с родителями. Кроме меня, у родителей есть еще два сына — 11 и 15 лет. 20 августа 1995 года я покаялась в городе Мелитополе на собрании баптистов. Я узнала прекрасный мир Господа нашего Иисуса Христа. Конечно же, бывают и трудности, скорби, но ведь верующим все ко благу. Село наше находится в 35 километрах от города, но на собрания я стараюсь попадать каждое воскресенье, и, слава Господу, Он мне помогает. Семья у меня неверующая, а отец еще и пьет. В селе тоже нет верующих, и я думаю, что через меня Господь хочет донести Слово Божье односельчанам. Братья и сестры дали мне домой небольшую христианскую библиотечку, книги из которой я даю читать всем желающим. Церковь также дает мне Новые Заветы для распространения нуждающимся в Слове Божиим. Есть люди в нашем селе, которые и слышать весть о Спасителе не хотят. Но есть и такие, у которых глаза сияют и душа жаждет Слова жизни. Встречаются и такие, которые никогда не слышали об Иисусе Христе.

Я написала стих о тех людях, которые не знают Христа.

Они не знают, мой Господь, Тебя
И не бывали у Твоего ручья.
Не пили вод живительных Твоих
И слов не слышали великих и простых.

Мне помоги, Господь, им донести
Хоть краешек Твоей большой любви
И указать на Твой блаженный путь,
Все время бодрствовать и не уснуть...

Ирина ПОТАПОВА

ВСТРЕЧА

Это было во время Второй мировой войны. Шел третий год оккупации. В то время все происходило стихийно, никто ничего не планировал и не задумывал. Перед нами открывались и закрывались двери, и мы или входили в них, или оставались вне. Иногда двери вели в погибель, и люди гибли. Так было с миллионами людей, в частности с евреями, так могло быть и с нами. Мы ничего не знали наперед и долго не раздумывали, когда с массовым отступлением немцев из России для нас открылась дверь на Запад. Отца не было с нами уже полтора года. Его отправили на работу на слюдяной карьер в ста пятидесяти километрах от нашего города. Связи не было никакой, почта не работала. Грузовик с солью отправлялся в те края, и шофер согласился взять меня с собою.

Мама была сильно опечалена тем, что не было возможности посоветоваться с отцом, и вообще тем, что мы ничего не знали об отце. Наутро 3 сентября 1943 года нам был обещан грузовик, и мы всю ночь паковали наши вещи, которые вполне обоснованно и гораздо более точно можно было назвать „барахлом“. Вещей в то время вообще ни у кого не было. Все, что имело хоть какую-нибудь ценность, было давно унесено в деревню и отдано за хлеб. О походах в деревню за хлебом можно написать несколько томов, но не об этом я теперь хочу рассказать.

К утру у нас были упакованы сундук и плетеная корзина. Свои личные „ценности“, то есть школьные характеристики, похвальные грамоты, дипломы и фотографии, каждая из нас держала при себе в своем школьном портфеле. Очень жаль было оставлять книги, но сковороды и кастрюли были тогда важнее, и ими была наполнена плетеная корзина. Неизвестно, для чего мы свернули рулоном, связали и взяли с собой черный в красных розах выдавший виды шерстяной ковер. Когда утром грузовик выезжал из ворот, к нам подбежала мама моей лучшей школьной подружки и передала мне от нее письмо, которое я до сих пор бережно храню.

Вместе с нами ехала знакомая дама с болезненной десятилетней девочкой, так похожей на тоненькую весеннюю ивовую веточку, что, казалось, она вот-вот переломится. Дама унывала и жаловалась на судьбу. Ее муж был давно арестован, а теперь ей пришлось разлучиться и со своей старшей дочерью, которая почему-то не ехала с ними, а должна была где-то встретить их позже. Девочка же всю дорогу щебетала, как птичка, смешила всех нас своими умышленно комичными изречениями. Как все болезненные дети, она была не по возрасту развитой. Между прочим, спустя года два мы случайно узнали, что „ивовая веточка“ где-то в пути не выдержала беженских мытарств и действительно переломилась.

Грузовик привез нас в Запорожье и высадил высоко над обрывом, недалеко от железнодорожной товарной станции. Наш поезд стоял на сороковом пути, и нам нужно было не только спуститься с обрыва, но и пересечь тридцать девять железнодорожных путей. Мы оставили маму с младшей двухлетней сестренкой в кузове грузовика и втроем, две старшие сестры и я, в два приема спустили наш багаж вниз. Когда мы полезли за мамой, мы единогласно решили оставить ковер. Снизу на фоне красного от заката неба он выглядел, как грозное черное дуло пушки. На путях тут и там стояли эшелоны с грязными бородатыми немцами. Наконец мы добрались до своего вагона-коровника и разместились на свежей соломе в ожидании ночи. Поезда ходили только ночью.

Когда все уснули, я, спустив ноги, села в открытых дверях вагона и смотрела на быстро бегущие мимо селения, рощи, телеграфные столбы и посеребренные луной облака. Я поняла, что уезжаю навсегда и что, кроме луны, звезд и русского языка, ничего не увезу с собой родного, связывающего меня с родиной. Хотелось остановить поезд, вцепиться в землю, задержать ее.

Я проплакала всю ночь, не вытирая слез, и потом, несмотря на то, что мы еще несколько недель были на родной земле, уже не прощалась с родиной. Эта ночь была моей прощальной ночью. Наутро мы были в Никополе, а еще через два дня — в конюшне какого-то села, где уже собралось порядочное число беженцев. Они расположились вдоль стен семьями и лежали ногами к разделяющему конюшню сточному желобу.

Высоко, под крышей, над открытыми окнами гнездились голуби. Они летали у нас над головами, и я не раз позавидовала пожилым женщинам, привыкшим покрывать свои головы платками. Ночью я узнала, что с одной стороны наша семья кончалась мною, а следующая начиналась рыжим бородатым дядькой, который храпел, свистел носом и дышал мне в лицо чесночно-табачным перегаром.

В дальнем углу конюшни поселился грек-хиромант. По словам его жены, он знал прошлое и будущее всех людей, и началось к нему паломничество. Прошлое никого не интересовало, его старались забыть, но зато будущее хотелось знать всем, и в течение нескольких дней хиромант был очень занят. Я издали наблюдала за происходившим. Видела, как он мнет головы, смотрит в рот и на линии рук. Я заглядывала в лица уходивших от него людей и без труда догадывалась о его предсказаниях. Когда все познакомились со своей судьбой, подошла к нему и я. Он помял мою глупую семнадцатилетнюю голову, как незрелую дыню, и для чего-то потряс ею из стороны в сторону. Как бы в подтверждение того, что „дыня“ еще не созрела, в ответ ничего не затарахтело. Он попросил меня открыть рот, и я оскалила свои, еще не испорченные возрастом, немного кривые зубы. Ему понадобились только нижние, по которым он предсказал мне что-то очень важное, и о чем я тотчас забыла. По линиям рук он предсказал, что я буду жить девяносто лет, буду замужем три раза и детей у меня будет ровно дюжина. Обогащенная этими новыми знаниями, я отошла от него, улыбаясь своими важными нижними зубами.

Через несколько дней в дверях конюшни появился немецкий офицер, похожий на гигантского кузнечика. Он был весь в зеленом, с пенсне на носу, в брюках-галифе и крагах. Ему нужны были две девушки, говорящие по-немецки, для работы в бюро в районном селе. В нашей семье лучше всех говорила по-немецки мама, но она сильно заболела и уже несколько дней лежала неподвижно, с замотанной платком головой. Он выбрал мою сестру Ирину и еще одну девушку из другой семьи, и на другой день две семьи на телеге покинули конюшню. Дорога в районное село была немощеная, ухабистая. Мамина голова стучалась о дно телеги. Желтая пыль душила нас и скрывала от наших глаз живописный украинский пейзаж. В районном селе нам дали типичную украинскую хату из двух комнат с сенями посередине. Приехавшая с нами семья захватила лучшую и большую с деревянными полами и печкой комнату направо, а нам досталась меньшая с земляным полом и без всякой мебели комната налево. Для маленькой сестренки где-то отыскалась старая железная кровать. Маму мы уложили на соломе на полу. Там же, в этой хате, заболела моя старшая двадцатилетняя сестра Лидия. Ее разбил какой-то таинственный паралич. Она лежала возле мамы на полу и кричала от малейшего прикосновения к ней. Впрочем, эта болезнь через несколько недель, уже в Германии, покинула ее так же неожиданно, как и поразила.

Вторая сестра, Ирина, ожидала, когда ее позовут на работу, а я водила маленькую Катюшу гулять на полные овощи огорода и в полные фруктов сады.

Война мало действует на природу. Где-то фронт, взрывы бомб и снарядов, умирают люди, а природа, подчиняясь своим неписаным законам, зеленеет, цветет и плодоносит. Не влияла война и на влюбленную молодежь. Помню, как во время воздушных налетов в любом бомбоубежище рядом с бледными, трясущимися „паникерами“ можно было всегда видеть „назло врагам“ целующуюся парочку. Жизнь брала свое и была явно сильнее смерти.

С огородов я возвращалась с полным подолом помидоров, огурцов, яблок, груш... С базара приносила молодых петушков, которым научилась ловко, одним ударом, отсекать головы. Иногда петушок бывал и не с базара, а чей-нибудь соседский, по своей петушиной простоте и наивности забежавший на наш беженский двор. В таких случаях я отправляла его с удвоенной скоростью в суп в уверенности, что там даже самый лучший хозяин не узнает своего любимца.

Стояло бабье лето. Дни были тихие, теплые. Воздух чистый и свежий, и хотя тут и там виднелись желтые и красные листья — верные вестники настоящей осени, земля, как сорокалетняя женщина, была зрело и осмысленно прекрасна. Цвели пионы, астры, черноривцы, но уже меньше был слышен птичий гомон, и солнце уже не жгло летним зноем бесшабашно и расточительно, но светило и грело умеренно и спокойно. Так прошло полторы недели.

Наконец пришел офицер и увел Ирину на работу, которая заключалась в выдаче ордеров и продовольственных карточек беженцам.

В обеденный перерыв, когда служащие разбрелись кто куда на обед, Ирина задержалась за своим столом. Дверь в коридор была открыта, и она увидела, как какой-то мужчина вошел в здание и стал читать надписи на дверях, подходя к ним очень близко. Издали его нельзя было хорошо рассмотреть, но он казался явно близоруким, о чем свидетельствовали сидевшие на длинном тонком носу очки. Наконец он вошел в какую-то дверь, но вскоре вышел, так как и там никого не оказалось. Обрадовавшись, что дверь Ириной комнаты была открыта, он вошел и только хотел спросить о том, что ему было нужно, как сидевшая за столом Ирина бросилась ему на шею с криком: „Папа! Папа!“

Это был наш отец. Ирина бросила все и притащила его за руку к нам. Я выбежала им навстречу с маленькой Катюшей на руках. Мы увидели стоявшую в дверях хаты маму. Она не вставала уже три недели, и мы были уверены, что она умирает. Отец молча подошел к ней, обнял ее за плечи и ввел в хату. С того момента она уже больше не ложилась.

Отец рассказал нам, что он ехал обозом на лошадях с группой других рабочих карьера. Они остановились в нескольких километрах от села, в котором были мы. Лошадям нужен был корм, и нужно было кого-нибудь послать в районное село. После долгих размышлений жребий пал на отца, и он пришел в бюро как раз в тот день и час, когда там была Ирина, неизвестно почему задержавшаяся за своим столом в час обеда.

На другой день ее уже не позвали на работу, она почему-то больше не нужна была, а через неделю мы всей семьей ехали в товарном вагоне в Германию.

Это происшествие убило во мне всякую веру в хиромантию. Знавший „все“ совсем не предвидел этой чудесной встречи.

Впоследствии, в Германии, когда я чудесно уверовала в Того, Кто действительно знает все, я пересмотрела всю мою прошлую жизнь и поняла, Чья всемогущая рука творила так много чудес в нашей жизни.

Я возблагодарила моего Бога за ту чудесную встречу с отцом и за многое другое в нашем прошлом и всецело верила Ему наше будущее.

Вера КУШНИР

МОЙ СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ ЕФИМ

Мой знакомый по имени Ефим с восторгом рассказал мне, какое чудо совершил с ним Господь:

— Однажды вечером я возвращался домой из кабака и с трудом поддерживал своего друга, который был очень пьян. Он бормотал что-то пустое, спотыкался, падал. Я его поддерживал как мог, хотя и сам изрядно выпил.

Наш путь лежал мимо дома молитвы христиан евангельской веры. Когда мы подошли ближе, я услышал дивное пение, и мне казалось, что пели ангельские голоса и кто-то ласково мне сказал: „Зайди, дружок, пока ты жизнь свою не потерял“. Я стал упрашивать своего приятеля: „Давай зайдем и посмотрим, как у них там молятся“. Он не соглашался и начал сквернословить: „Куда ты ведешь меня? Не знаешь разве, что там нечистые духи захватят нас, и тогда нам уже не вырваться и не избавиться от них?“

Я убеждал его: „Подумай сам: куда только не таскал нас дьявол! Разве эти люди могут нам навредить больше? Есть ли что-нибудь хуже, страшнее? Коль мы прошли здесь все значные места, куда еще можно нас заманить? Ведь мы оба крещены в детстве“. И тут мой пьяный друг сдался.

Мы вошли в дом молитвы и видим, что все молятся на коленях, благодарят Бога, воздают Ему славу. Я внимательно слушал, зорко наблюдая за всеми. Потом на кафедру поднялся седой проповедник. И то, о чем он говорил, было для меня новым и чудесным. Я даже забыл о своем приятеле, забыл, что и сам хмельной. Прозвучала весть из Библии о том, что пьяницы не войдут в Царство Божие. Эти слова моментально отрезвили меня. А мой друг спал на скамейке и ничего не слышал. Меня охватил ужасный стыд и страх, отчего меня буквально обдало жаром, как кипятком.

Я был потрясен. Я разбудил друга, проводил его до дверей дома, а сам пошел, раздумывая о словах проповедника. Совесть мучила меня, и я боролся с собой, вспоминая слова из Библии, услышанные в доме молитвы, и размышляя о своей греховной жизни.

Вернувшись домой, я увидел, что жена и дети уже спали. Мы жили впроголодь. Присев на крыльцо, я стал себя корить: „Беда, беда! Сколько вещей я продал, сколько денег пропил, из-за меня страдает вся семья. Сущую правду сказал тот проповедник...“

Я тихонько вошел в дом, бесшумно разделся и лег спать — больной и голодный. Я хотел уснуть, но сон не приходил. Так я с разбитым сердцем пролежал до утра и первый раз искренне обратился к Богу. С того дня я ни разу не ходил с другом выпивать, хотя он упрашивал и соблазнял меня.

Жена сразу заметила во мне перемену. Ей казалось, что все это происходит во сне. С работы теперь прихожу домой трезвым, с детьми ласковый и приветливый, жену стал называть по имени. Раньше трубку с табаком не выпускал изо рта, а теперь ее вообще выбросил — и нет удушливого, неприятного дыма; сильно сквернословил — и этот грех оставил. Жена удивляется: „Кто в тебе совершил такую перемену?“ А соседке она сказала: „Как только воскресенье, уходит мой Ефим куда-то и возвращается веселым, но не пьяным“.

Через некоторое время в беседе с женой я попросил прощения: „Прости мне все, родная. Отравляя я тебе жизнь, не имела ты покоя. Теперь я бросил пить и курить, буду отдавать тебе весь свой заработок. Ведь я так люблю вас: тебя, моя дорогая подруга, и наших деток...“

По щекам жены потекли слезы. Она обняла меня, от радости заплакала. Вот так мы помирились.

А в селе уже распространился слух: „Ефим лишился здравого рассудка с тех пор, как пошел в собрание евангелистов. Видно, там бес его пленил. Ведь он уже не курит и не пьет, в трактир его не затащить. Жену свою он тоже соблазнил пойти в собрание этих отступников и сектантов. Теперь не заходите к ним, они с ума сошли“.

Так люди говорят. А я скажу иначе: у нас началась счастливая и благочестивая семейная жизнь, потому что мы приняли Иисуса Христа своим Спасителем.

Так закончил свое свидетельство мой старый знакомый Ефим.

А. КОНЧЕНКО

НОВАЯ РОЛЬ? НЕТ, НОВАЯ ЖИЗНЬ

В мире принято считать, что к Богу приходят только убитые горем, больные или отчаявшиеся найти смысл жизни люди; в общем — в тупиковых ситуациях. Как у нас, в Украине, говорят: „Як тривога, то й до Бога“. Но я счастлива, что Бог достучался до меня в радости и благополучии.

Мой жизненный путь мало отличался от пути многих моих сверстниц. Как говорится в одном из моих любимых христианских стихотворений:

„Заблудилась... я одна из многих,
Разделивших общую судьбу;
Привлеченные сплошным потоком строить

Новый мир и лучшую страну“.

Я прошла все ступени от октябренка до члена партии. Была в партии, когда при Горбачеве началась перестройка. Я поверила, что люди могут изменить этот мир, нашу жизнь, поверила в возможность построения коммунизма. Ведь моральный кодекс строителя коммунизма основан на библейских заповедях. Только во главу угла поставлен не Бог. Мой партийный стаж был очень небольшим. Менее года. Что меня заставило прозреть? Во-первых, тот правдивый поток закрытых ранее страниц истории партии. Мне стало страшно... Раньше я не задумывалась об этом. Во-вторых, когда я осознала, что на материалистической почве ничего духовного произрасти не может.

Рай без Бога! Теперь, когда я знаю путь спасения, мне понятно, что это бред. И я счастлива благодарить Бога за то, что Он разрушил этого монстра — КПСС и дал развалиться Советскому Союзу — этому громадному сооружению человека, чтобы мы осознали, что без Творца Его творение не способно сделать ничего хорошего! И я стала искать выход, ответы на свои вопросы. Я находила их в Библии, которую подарила мне моя тетья. И как большинство славян, крещенных еще во младенчестве и считающих себя верующими, я ходила в православные храмы. Любила и до сих пор неравнодушна к Киево-Печерской лавре. Там очень красиво! Пышность храмов, красивые спектакли с театральными одеждами священнослужителей во время литургии. А это чудесное многоголосье православных песнопений! Зачастую не понимаешь произносимых слов — но красиво! И мне казалось, что я тоже участвую в этом спектакле; и от сопричастности к этому мне становилось легче. И я старалась выполнять все заповеди, и ходить в церковь, и соблюдать посты, и верить в чудодейственную силу икон (хотя, признаюсь честно, это последнее мне так и не удалось). А когда выходила из церкви, я окуналась в мир, в его круговорот. Мои коллеги-актеры рассказали мне о новой церкви евангельских христиан и пригласили прийти к ним на собрание. Моя подруга была режиссером дубляжа христианских фильмов. И я благодарю Бога, что она все же уговорила меня перешагнуть барьер (страх перед предательством веры наших предков). Я пришла на собрание. Там не было икон, не горели свечи... Обычный театральный зрительный зал. А вот спектакля я и не увидела. Горели свечи — светились глаза людей искренней любовью и каким-то неподдельным вниманием и радостью общения друг с другом. И я сразу почувствовала тепло и уют. Простота ведения собрания, незаученные молитвы, живое общение с Иисусом и, признаюсь, немаловажный факт, удивительно живая и пронизывающая душу проповедь пастора Василия Ивановича Давидюка — во всем было что-то такое, что не дало мне уйти с этого собрания, не обратившись к Богу с покаянием! Мне стало легко и радостно. Я еще не знала, что меня ожидало впереди, но чувство радости, полученное тогда, не покидает меня и поныне. Я родилась заново! Это было в воскресенье, 14 ноября 1993 года. А 3 апреля 1994 года я заключила завет с Богом.

Я помню, что после собрания мне все хотелось петь песни возрождения; слов я не знала, но запомнила:

„Хорошо с Иисусом повсюду,
С Ним легко, ведь Он бремя несет...“

и еще строчки:

„Хорошо, когда сердце свободно,
Хорошо, когда нету в нем зла...“

И я молилась как могла. Наивно просила у Бога и радовалась, и удивлялась тому, как быстро и чудесно Он отвечал на мои просьбы. А тут еще подготовка к рождественскому концерту — общение с новыми друзьями-коллегами, братьями и сестрами. Да, это были удивительные, чудесные дни!

Главное, что появилось в моей жизни, — это уверенность в том, что Бог не оставит меня никогда, и мне ничего больше не нужно предпринимать для своего спасения. И исчез страх перед страшным судом, который преследовал меня раньше. Я была угнетена, ощущала тяжесть бремени греха, а теперь я не хочу грешить не из страха наказания, а из любви — великой Божьей благодати. Теперь я познала, что такое любовь совершенная. „Мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее... Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда... В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви“ (1 Ин. 4:16–18).

Я осознала разницу между общением с живым Богом и чудодейственной силой икон. И, конечно же, моя принадлежность к театру, кино, к актерской профессии наложила свой отпечаток на мое мироощущение. В какой-то степени профессия актрисы мешает мне в христианской жизни. Природа актерского мастерства в моем „я“ очень много значит. Но когда осознаешь, что ты — творение Бога, Его дитя, — все в корне меняется! Мне никогда не хотелось выходить на сцену в пустых, развлекательных спектаклях. Я любила роли, которые заставляли людей пересмотреть основы своей жизни. Может, даже слезами немного растопить жестокие и окаменевшие сердца. И теперь, когда я знаю чудесный путь спасения, мне хочется просить Бога, чтобы нас, моих новых братьев и сестер — актеров, Бог объединил для более активного и действенного влияния на людей в христианский театр. Но только Богу известно, какое поле деятельности Он нам предопределит. Церковь наша очень быстро растет. И мы молим Бога, чтобы продлилось время благодати — возможность свободно нести людям Слово Бога живого.

Когда я сейчас встречаюсь с прежними друзьями и знакомыми, они задают мне один и тот же вопрос: „Люда, ты ведь умная, образованная женщина, как ты можешь верить в эту сказку?“ И я счастлива им ответить: „Приходите к

нам в церковь! У нас все умные, красивые и нормальные — полный зал!“ Слава Богу! А некоторые спрашивают: „Ты была хорошей артисткой; это что, твоя новая роль?“ — „Нет, — отвечаю я, — это моя новая жизнь“.

Людмила МАКСИМЕНКО

НАХОДЯ ХРИСТА, МЫ НАХОДИМ САМИХ СЕБЯ

Я хотел бы засвидетельствовать, как Господь чудесным образом спас меня и мою семью. Это просто замечательно! Я до сих пор не перестаю удивляться славной перемене в моей жизни. Мне 32 года, женат. У нас двое сыновей. Мы жили, как живут сейчас большинство людей, не задумываясь особенно о смысле и цели жизни, о вечности, о Боге. За ежедневной суетой и заботами просто не находилось времени для этого. Хотя для того, чтобы проиграть полдня в карты, домино или шахматы, посидеть до полуночи перед телевизором, время находилось. И мы жили так без веры и надежды, не зная спасающей любви Иисуса, томясь от скуки и бесцельности суетной жизни.

И вот в начале 1994 года мы вдруг проснулись и осознали свое истинное положение. Мы увидели свое сердце, полное греха и нечестия, мы обрели надежду в спасающей вере в Иисуса Христа. Мы искренне, от всего сердца покаяться и обратились к нашему Спасителю. Я сделал это дома — в молитве пришел к Иисусу. И, вы знаете: произошло чудо! Я ожидал всего, но такого я даже представить себе не мог. После того, как я открыл свое сердце Христу, в течение какой-то недели я бросил пить, курить, сквернословить, играть в азартные игры и многое-многое другое — все и перечислить невозможно. Я весь переродился и обновился. Все мои тревоги, заботы, суета и неуверенность куда-то ушли. А мир и покой вошли в мою душу. Радость и счастье наполнили сердце. Это потрясающее состояние, это дар Божий, это Царствие Небесное внутри меня здесь, на этой грешной земле. Такое же рождение свыше пережила и моя жена. Потом Господь привел нас в церковь, где мы вместе вступили в завет с Богом — приняли водное крещение.

И я хочу сказать всем, кто еще сомневается, кто „верит в душе“ и считает истинно верующих фанатиками и людьми крайностей: „Обратитесь ко Христу искренне, от всего сердца, покайтесь перед Ним, доверьте свою жизнь Ему, и вы узнаете, что есть Божья любовь“.

Ведь Иисус не оставляет нас одних с нашими заботами, проблемами и грехами. Доверьтесь Ему, и все заботы уйдут от вас. Он поможет решить вам и главнейшую проблему — проблему греха. Свою праведность и святость Он дарует тем, кто с верой и в смирении приходит к Нему.

Я еще ни разу не пожалел о том, что стал верующим. У Достоевского есть такие слова: „Находя Христа, мы находим самих себя“. Как прекрасно обрести себя во Христе Иисусе!

Сергей БОНДАРЕНКО

НЕРОВЕН БЫЛ ПУТЬ... ГОСПОДЬ ПОМОГ

Вот и подошел к концу мой срок, я освобождаюсь, остались считанные дни. Позади более двадцати лет заключения. Первый срок — три года, а потом более семнадцати лет без выхода, из них пятнадцать на особом режиме. Было все: и изоляторы, и одиночки, и „крытая“, и наручники, и рубашки, и дубинки, и злоба, и ненависть, и подлость, и коварство, и кровь, и слезы...

Но в 1983 году, когда я уже был на краю пропасти, Господь поднял меня. Дал желание жить... Тогда я еще не знал Христа, думал: высшая могущественная сила. Уже в 1987 году, когда я был в одиночке, Господь через книгу Гарриет Бичер-Стоу открылся мне в Иисусе Христе. Тогда после прочтения, да и во время чтения этой книги у меня впервые лились слезы покаяния, и Христова любовь наполнила мое сердце. Такого я еще не читал. После прочтения этой книги я начал интересоваться учением Христа: выписывал цитаты из Евангелия, из разных журналов, книг. В 1989 году Господь привел меня в другую колонию, которая находится в Сокальском монастыре. Здесь я впервые прочел Евангелие от Иоанна, а в 1990 году мне подарили Библию.

Неровен был путь, но все же Господь помог мне избавиться практически от всех вредных привычек. А последнее время, с начала этого года, Он вообще крепко взял меня в Свои руки, направил ко мне искренних Своих детей, которые духовно поддерживают меня и ждут моего освобождения. У меня уже есть „крестная матушка“ — Анна Неврова. Она, ее муж Виталий и две дочери живут во Львове. А третью дочь, Светлану, Господь призвал к Себе. В 1994 году она была зверски убита. Преступники дали ей перед смертью помолиться... Мать Светы до сих пор не может отойти. Я ей нужен. Я взял направление к ним и по освобождении буду жить у них. А там как будет угодно Господу. Я всегда и во всем хочу исполнять Его волю, хочу быть в Его руках удобным инструментом для спасения гибнущих душ.

И вы знаете, как ни тяжело сложилась моя жизнь (и от туберкулеза умирал, и предавали самые родные и близкие, не говорю уже о физических, да и душевных страданиях), я ни о чем не жалею и за все благодарю Бога. Я нашел Христа, жизнь, любовь, радость, спасение! Какой бы ни был мой путь, но это был путь, ведущий к Богу. И я счастлив, что шел именно этим путем, ибо все сокровища и удовольствия этого мира не сравнимы с тем, что я обрел во Христе. Думаю, на воле будет вдосталь духовного хлеба, общения и благодати. Но вот братья мои остаются здесь, а им не хватает духовной пищи. Я собрал и оставляю ребятам небольшую библиотечку христианской литературы, в которой есть и ваш журнал «Вера и жизнь».

Ведет меня Его рука.
Он мою гибнущую душу
От смерти, ада и греха
Своею Кровью искупил,
Омыл и к жизни возродил.
И счастлив я — Ему я нужен!
Меня никто так не любил!

Виктор КУДИНОВ

СО ХРИСТОМ И В ТЮРЬМЕ СВОБОДА

Познакомился я с Рашидом Хусаиновым случайно. Весной 1993 года мне позвонили незнакомые сестры, работающие на русском христианском радио в Москве, и попросили помочь получить разрешение на посещение одного смертника, сидящего в СИЗО—1 г. Ульяновска, который написал им письмо.

Находясь в кабинете начальника изолятора, полковника внутренних войск, я понял, что встретиться для беседы с приговоренным к исключительной мере наказания (ИМН) не так-то просто. После хождения по разным кабинетам, где выясняли мотивы, по которым я добивался встречи, начальник положил наконец передо мною на стол шесть толстых папок — уголовные дела приговоренных к ИМН. „Почитайте, — сказал он, — и у вас пропадет желание встречаться с этими подонками“.

Фотографии в профиль и анфас, отпечатки пальцев, длинные перечни статей уголовного кодекса... Два убийства, три убийства, три убийства, опять два и так далее. Мое внимание привлекла особо объемная папка — восемь убийств! Я начал просматривать содержимое папки: старика убил, взял у него 11 рублей и фуфайку... двух престарелых убил, ничего не взял... Мой одноклассник, татарин. Что это за изверг такой? Крупными буквами: „Рашид Хусаинов“. От раздумий меня оторвал голос начальника: „Ну так как, пастор, вы не передумали с этими негодьями беседовать?“ „Нет, — отвечаю, — я верю, что и таких людей Бог может изменить и простить их грехи, даже если люди их и не простили“.

Так я получил разрешение беседовать со смертниками. А когда первый парень, стоя на коленях, покался, удивлению начальства тюрьмы не было предела. Вторым был Рашид. Я попросил, чтобы его привели для беседы, ожидая увидеть ожесточенного и озверевшего человека, но никак не „ягненка“. Оказывается, уже покающийся Рудольф после наших с ним бесед проповедовал через стену карцера своему соседу — Рашиду. Так Рашид в первый раз услышал Евангелие, и Бог уже начал Свою работу в его сердце.

Мы молились с ним, Рашид искренне каялся в своих грехах. Охранники с недоверием смотрели на происходившее и после очередной встречи мне сказали: „Таких людей уже ничего не может изменить, им нельзя верить!“

Но, когда Иисус Христос изменил сердце Рашида и он оставил последние разрешенные в тюрьме утехы — курение и чифирь, те же охранники признали: „Да, Сергей теперь точно христианин. Уже не злословит, всем улыбается, в камере чисто, не курит, не чифирит (хотя приговоренные к ИМН в тюрьмах на особом счету: какие бы посылки и передачи ни приходили с воли — в первую очередь обеспечивают их сами же заключенные. Это их закон: даже если во всей тюрьме не останется курица и чая, у смертников они всегда будут!), опрятно одевается... Точно, Бог есть, если вот такого смог изменить!“

Через несколько месяцев я преподавал двум уверовавшим, приговоренным к ИМН, крещение. Радости Рашида не было предела. Он молился: „Господи! Благодарю Тебя, что Ты принял меня, такого изверга, который губил людей, в Свою Церковь! Господь Иисус Христос! Дай мне возможность привести к Тебе столько же людей, сколько я погубил!“

Надо сказать, что Рашид стал примером полной отдачи себя Иисусу Христу. Он за полгода десять раз прочитал Библию, молился днем и ночью, беседовал с другими приговоренными к смерти, с теми, кто попал в карцер, приглашал молиться вместе с ними, читал Слово Божье с уверовавшими. По ночам, когда затихали грохот железных дверей и крики охранников и заключенных, они вместе проводили богослужения, молились, преклоняя колени. И это

в условиях, когда каждый сидит в отдельном карцере и общение происходит через двери, через стену. Рашид даже молился с возложением рук, когда кто-то из уверовавших впадал в ересь или заблуждение. Он плакал и умолял Господа помиловать и открыть брату его заблуждение.

Через год приняли крещение еще двое приговоренных к ИМН, уверовавших через Рашида: Лазарь и Валерий. Крещение преподавали мы вместе с Ярлом Николаевичем Пейсти, специально приехавшим в Ульяновск для посещения уверовавших смертников.

Сначала я встречался с Рашидом, чтобы принести ему благую весть, вразумить и научить Слову Божьему. Но прошло полгода, и я увидел, что наше общение превратилось в беседы. Он быстро рос и укреплялся в Слове Божьем, и часто не я его поддерживал и укреплял в Слове Божьем, а он меня. Он говорил: „Сергей, я молюсь о тебе, о твоей семье, о братьях, которые тебе будут помогать в служении. Мы здесь сыты, спать уложат, никаких искушений, а вот у вас на воле много искушений, проблемы разные, и мы за вас и за тебя, Сергей, молимся днем и ночью. Так что ты трудись, брат, а мы за тебя пред Богом предстоим, у тебя тылы защищены! Это наше служение!“

Когда состоялась встреча с Ярлом Пейсти, я ожидал, что Пейсти ему расскажет что-то, побеседует, вразумит. Но пока Ярл Николаевич думал, что говорить, Рашид его опередил и стал рассказывать о том, что ему открыл Господь. Я несколько раз останавливал Рашида: нехорошо, мол, брат приехал аж из Америки, послушай его. Рашид замолкал на несколько минут, пока Ярл Николаевич ему говорил, и опять „включался“. Он говорил, говорил, а мы молчали. И это не было потоком речи словоохотливого человека — нет, его стоило слушать. Этот бывший негодяй уже имел опыт общения с Господом, и Бог открывал ему Свои истины. После моей очередной попытки остановить Рашида Ярл Николаевич сказал: „Не прерывай, пусть говорит“. Насколько мне известно, именно эта встреча с Рашидом оказала влияние на одно событие в его жизни.

При каждой следующей встрече с Рашидом я узнавал о нем что-то новое. Оказывается, он некоторое время был летчиком, и уже тогда (теперь он понимал это) Бог несколько раз сохранил ему жизнь: „Дьявол хотел тогда погубить меня, чтобы я не стал христианином, но Бог явил чудо, и я дважды оставался жив“.

Его рассказ о себе потряс меня до глубины души. Я, слушая его, плакал вместе с ним: „У меня же есть семья — жена и двое сыновей. Первый ребенок (девочка) у нас родился мертвым. Когда я хотел в первый раз стать отцом, на мне уже было два убийства. Когда жена родила последнего мальчика, я уже успел совершить все восемь убийств. Первый сын родился с больными глазами, второй — эпилептик. Я помню, когда был приступ у меньшего — его трясло, я взял его на руки, и на лице его была страшная гримаса.“

Когда я стал христианином, моей постоянной молитвой была молитва о моих детках. Я просил Господа смилостивиться и исцелить их. Не они, а я виноват перед Ним. Недавно я получил радостное сообщение: мои сыновья здоровы, их сняли с учета в больнице! Это может сделать только Иисус Христос! Слава Ему!“

Осенью 1995 года я предложил Рашиду заняться переводом книги „Иисус — наша судьба“ на татарский язык, чтобы его народ мог читать эту книгу на своем родном языке и прийти ко Христу. Он охотно согласился. Об этом он долго молился, постился, несколько раз начинал — не нравилось ему, и он опять просил у Бога мудрости и все начинал сначала. В январе 1996 года была переведена половина книги, а к концу апреля я получил от него рукопись всего перевода книги. Рашид говорил: „Сергей, это отличная книга, она очень хорошо звучит на татарском. Бог будет действовать через эту книгу, я верю!“

Почти одновременно с переводом книги я получил письмо, в котором говорилось, что Р. Хусаинову отказано в помиловании, а это значит, что приговор скоро приведут в исполнение...

Начальник тюрьмы отнесся к этому сообщению холодно и цинично: „Ну и что? Шлепнут его — одним негодяем станет меньше!“ Откуда ему знать, что нет уже старого Рашида, а есть новый, омытый Христовой кровью?! „Сергей, я теперь всех люблю и за всех молюсь. Даже тех, которые поведут меня расстреливать, я буду любить“.

Благодаря свидетельству и проповеди Рашида, в тюрьме покаяться несколько человек, один из них азербайджанец, мусульманин, охранник в этой тюрьме. Однажды ночью, во время дежурства, он вместе с Рашидом преклонил колени и молился молитвой покаяния Господу Иисусу Христу.

...Наша последняя встреча с Рашидом состоялась 29 мая. Нас было восемь человек — членов церкви «Свет Евангелия», пришедших посетить брата во Христе. Мы вместе пели гимны хвалы Богу: „Господи, как странно, что я жил, Тебя не зная“, „Ангелы в небе Господа славят!“ и другие. Рашид плакал, как ребенок, и мы с ним плакали. Это были слезы радости спасения, благодарности Богу за Его милость и чудеса. Рашид еще не знал о том, что пришел отказ в помиловании. Нас убедительно просили ему об этом не говорить.

Он сидел в наручниках и держал в руках Библию. Таким он и запечатлен на одной из фотографий.

Мы говорили о том, что наша родина у Господа, где не будет разлук и слез. И по вере во Христа мы все там однажды встретимся...

Сергей ГУЦ

СЧАСТЬЕ

Мне 42 года. Ровно девять лет назад я по милости Божией обратился к свету! Тот день, день моего покаяния, я часто вспоминаю. 20 февраля 1987 года я был прощен и омыт Кровью Агнца, Иисуса Христа. Слава Ему!

Я родился в семье, в которой жили по совести. Дисциплину отец держал жесткую, армейскую. Одним словом, родители мои прекрасные люди. Семья у нас многодетная. Мое детство было счастливым и беззаботным, как и у многих людей моего возраста. В школе я учился средне. От мамы, хоть и редко, но слышал о Господе: что Бог наказывающий и карающий, что Его надо бояться и жить по совести. Однажды на Пасху я спросил маму: „За что Иисуса прибили гвоздями ко кресту?“ Она ответила, что Иуда из-за денег предал Его. А что и как, она не могла мне объяснить.

Будучи школьником, я часто задумывался над вопросом: „Что такое совесть? Что это за суровый судья живет во мне? Что такое душа?“ С этими и другими вопросами я подходил к учителям, но от них я получал однозначный ответ: „Никакого Бога нет. Человек произошел от обезьяны в процессе эволюции“. После окончания восьми классов я старался заглушать голос совести, так как он меня контролировал и удерживал от многого нехорошего, чем занимались мои сверстники. Мне это удавалось с трудом, я медленно опускался в болото грехов и пороков. На душе становилось все тяжелее, а жизнь все сложнее. Во мне происходила постоянная борьба, ибо за все нехорошее я расплачивался угрызениями совести. Порою я ненавидел себя, сам себе был противен. Однажды во время очередной пьянки я держал в руках граненый стакан с водкой и вдруг подумал: этот стакан имеет много граней. Так многогранна и мерзость пьяного. Вот сейчас выпью эту гадость, и проявится во мне такое, о котором некоторые, сидящие здесь, и не подозревают: ползет из меня злоба, блуд, всякая нечистота... И это все затаилось во мне и ждет только сигнала. Один голос во мне говорил: „Давай, давай, ты несколько не лучше других, ты такой же, как все. И тебя точно так же заруют в землю, лопаты сложат — и все. Ты от обезьяны, а обезьяна на все способна. Прекрати философию свою...“ А другой голос: „Зачем ты здесь, зачем тебе все это? Это мерзость, не пей... Встань, выйди отсюда, выйди на свет, есть другая жизнь — чистая, лучшая, настоящая“.

Я встал и сказал: „Нет!“ — и вышел.

С тех пор я много размышлял. Мне стало понятно, что две силы претендуют на мою душу: одна — дьявольская, другая — Божья. Одна толкает меня в погибель, другая спасает меня. И это было так явно! Между тем жизнь катилась по наклонной: женился... ребенок... развод... два года заключения. В общем, тяжело о прошедшем рассказывать, да и описать — все не опишешь. Душой я был измучен и перегружен грехами и пороками. В 32 года я чувствовал себя 90-летним старцем.

20 февраля 1987 года с набухшей грехами душой, со слезами на глазах я брел, не зная куда. Проходя мимо дома молитвы, мне вдруг захотелось войти в это помещение. И я вошел. Я услышал проповедь о потерянной и заблудшей овце. Эта проповедь была обо мне. Я сердцем услышал голос доброго Пастыря, Который протягивал ко мне Свои всеисильные святые руки. Он звал меня к покаянию. Я пал на колени, вопил и ревел, душа моя рыдала... Я не помню, какие слова исходили из моей души, но я знаю одно: я просил простить меня и сделать из меня нового человека. И Господь снял с души весь груз прошлого. Когда я встал с колен, я ликовав, глаза мои застилали слезы, но это были уже слезы радости, счастья, ибо я обрел то, что искал. Я всех обнимал. То, что я пережил в тот день, я не могу описать, это нужно прочувствовать!

На следующий день мне исполнилось 33 года, и я пригласил в дом моей мамы новых, настоящих, друзей. 21 февраля 1987 года — начало моей новой жизни в Иисусе Христе.

Сейчас у меня есть семья. Жену зовут Вера. Она искренняя христианка. Господь даровал нам двоих сыновей — Сережу и Андрея. И я поистине наисчастливейший человек.

Дорогая душа! Если ты еще не в мире с Богом, то поспеши к Иисусу. Он жаждет тебя спасти. Если Он простил меня, то Он простит и тебя.

Лишь Он, Христос, возложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной.

Иисус есть путь, истина и жизнь. Он есть дверь. Счастье — иметь часть в Иисусе.

Дорогая душа! Обратись к Нему, и Он примет тебя, омоет, убелит.

Да благословит Господь тебя, и да откроется Он тебе во всей Своей красе! Без Иисуса нет жизни.

Николай ПОДКОРЫТОВ

МНЕ ПОМОГЛИ КНИГИ

Вот уже больше трех лет я с мужем и двумя детьми живу в Нюрнберге. К сожалению, немецкий язык знаю плохо и далеко не все понимаю. Крещение я приняла год назад, а прийти к истинной вере мне помогли книги издательства «Свет на Востоке», которые прислала мне сюда, в Германию, моя подруга, а теперь уже и моя сестра, проживающая в Чехословакии. Раньше, три года назад, мы вместе с Таней жили в Киеве и учились в одном институте. И уже после моего отъезда в Германию Таня уверовала в Господа и покаялась. Какое же это чудо, что она не забыла обо мне и через моих родителей разыскала меня и прислала мне целую посылку с духовной литературой и Новым Заветом — все эти книги были выпущены издательством «Свет на Востоке». Один Господь знал, как мне нужны были тогда эти книги, и Он самым чудесным образом дал мне их. Благодаря этим книгам и Слову Божьему я нашла путь истины и пришла к Богу.

Я не перестаю благодарить Господа за то, что Он не оставляет меня и через духовные статьи в ваших журналах помогает мне возрастать в вере.

Постоянно молюсь и о моем муже, и о моих детях. Верю, что Господь приведет и их в Свою Церковь. Муж мой из Эфиопии. Он учился вместе со мной в Киеве в художественном институте. Затем он приехал в Германию и попросил здесь политическое убежище. Так мы оказались здесь. У нас двое детей. Муж мой считает себя православным, его родители крестили его в детстве по своим обычаям. Но ни в какую церковь он не ходит — говорит, что не понимает, почему так много разных церквей. Я пробовала ему кое-что объяснить, купила ему Библию на его родном амхарском языке. Но в своих объяснениях и в своем поведении я делала много ошибок. Поняла я это не сразу, а со временем. Он учит меня самым чудесным образом. Так, с Его помощью я поняла, что должна любить не только всех людей, но и, в первую очередь, своего мужа и своих детей такими, какие они есть. Передаю в своих молитвах всех нас в любящие руки моего Небесного Отца и верю: Господь поведет нас по самому лучшему пути, который Он избрал для нашей семьи.

Светлана

БЛАГАЯ ВЕСТЬ НА ВЕРШИНЕ ЕВРОПЫ

Прошедшим летом я провел много бесед о Христе с моим давним другом-альпинистом. И что интересно, он слушал внимательно и не возражал, что Христос — Спаситель всего человечества, но принять Его как личного Спасителя не мог.

В канун 70-летия друга я организовал группу восхождения на западную вершину Кавказа. В нее включил и друга — профессора-физиолога, заслуженного мастера спорта по альпинизму.

После тренировочного цикла мы в середине августа выехали к подножию Эльбруса. Стояла дождливая погода. Бывалые альпинисты отговаривали, убеждая, что необходимо переждать, но я имел твердую уверенность, что и погода наладится, и само восхождение пройдет успешно, и надеялся, что в процессе восхождения мой напарник по связке примет Христа в свое сердце.

Перед началом восхождения я предложил другу обратиться к Богу, чтобы Он благословил наше восхождение, но он отказался: „Зачем молиться, а вдруг вернемся, не достигнув вершины“.

После продолжительного подъема мы достигли седловины Эльбруса (приблизительно 5200 м). Поставили палатку, приготовили пищу и за чаем беседовали о смысле жизни, о Творце, о Спасителе... Ночь была морозная, минус 12 градусов, и это в августе. Небо очистилось от туч, звезды огромные. Кажется, протяни руку — и достанешь.

Утро порадовало отличной погодой — заалела в лучах восходящего солнца западная вершина. Когда мы уже собрались идти, друг сказал: „Я очень хочу взойти на вершину...“ Перебиваю его: „Зачем ты говоришь об этом мне, скажи об этом Богу“.

Я ожидал услышать традиционное: „Да я не знаю, что говорить, да у тебя лучше получится“. Но мой друг со слезами на глазах впервые за свои 70 лет обратился к Богу в молитве. После моей молитвы он сказал: „Теперь я уверен, что мы взойдем на вершину“.

Преодолев крутой обледенелый склон, мы уже в 9 часов утра стояли на западной вершине Эльбруса (5643 м).

Сфотографировав открывшуюся панораму, я достал из рюкзака Новый Завет и запечатлел друга с ним в руках.

В это время на вершину поднялись два шведа и, когда узнали, какую книгу держит в руках мой друг, не стовариваясь, воскликнули по-русски: „Благая весть достигла высшей точки Европы!“

После спуска на седловину и отдыха я предложил подняться на восточную вершину и заночевать там, но друг отказался, мотивируя тем, что устал и что необходимо еще сохранить силы для спуска.

Я стал его уговаривать: „Обратись к Небесному Отцу с просьбой дать силы для подъема“ — и читаю стих 24 из 11-й главы Евангелия от Марка: „...все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам“. „А может, попробовать?“ — говорит друг. После сборов он уже без напоминания молится, молюсь и я. Мы выходим и в

18 часов достигаем восточной вершины (5621 м). Ставим палатку на самой вершине, готовим пищу, любуемся панорамой Главного Кавказского хребта в лучах заходящего солнца. „Господи, хорошо-то как!“ — восклицает друг. „А как насчет благодарности Богу?“ — спрашиваю его. „Э, нет, только после спуска“, — возражает профессор.

На следующий день погода, настроение, впечатления отличные, и мы, помолвившись (без напоминаний), спускаемся вниз.

Внизу мой друг, обращаясь к Богу, говорит: „Я был 13 раз чемпионом СССР по альпинизму, но такого восхождения, которое Ты, Господь, подарил мне под занавес моей жизни, у меня не было! Благодарю и славлю Тебя за это!“

Иван СЕРДЮКОВ

ПОЧЕМУ НЕ РАНЬШЕ?

Впервые журнал «Вера и жизнь» попал мне в руки полгода назад. Я уже ходила в церковь и готовилась к водному крещению. Моя мама и младшие братья уверовали еще пять лет назад. А я покалась лишь в феврале. Сейчас я задаю себе вопрос: „Почему не раньше?“ А раньше я была просто домашним гонителем церкви. Я не верила в то, что бабки—ворожеи могут помочь, что люди общаются с домовыми и „барабашками“, что есть инопланетяне, но я не верила и в Бога. Я никого не трогала, пока это не касалось меня. Мне было все равно, кто куда ходит и кто чему поклоняется. Но когда Бог вошел в мой дом, я подняла настоящий бунт. Почему? Я не знала ответа на этот вопрос и не собиралась искать его. Я не давала читать Библию дома, не давала близким слушать кассеты с псалмами, хотя у самой то телевизор, то магнитофон был включен на всю громкость. Когда приходили в гости верующие, я хлопала дверьми, закрывалась в комнате, и им ничего не оставалось, как сидеть на кухне, и очень скоро они начинали торопиться домой. Тогда мне казалось, что раз я так к ним отношусь, то и они видят во мне врага. Ну и пусть, думала я, не будут „затягивать“ в свою секту. А у меня своя жизнь, я не собираюсь себя заживо хоронить. Сейчас, когда слышу такие слова из уст людей, только горько улыбаюсь. Ведь по себе знаю, что им в их состоянии ничего не объяснишь и не докажешь. А тогда я сама старалась от жизни взять все, что можно и чего нельзя. Компании, наряды, косметика, вино, танцы, веселье, музыка — а в итоге безысходность. Все веселье только напускное, а приходишь домой — тоска, уныние, одиночество, слезы. Судорожно в жизни ищешь счастья, мечешься, а выхода не находишь. И катишься в пропасть, и тогда уже ищешь лишь минутного забвенья.

Впервые я отрезвела и серьезно задумалась, когда умер Влад. Мы очень любили друг друга. Очень. Не мыслили дня друг без друга, вместе мечтали, надеялись, строили планы, и вдруг — ссора. Он уезжает. Я не находила себе места. Я хотела его вернуть, но не могла. Если бы я знала, где его искать, я бы пошла пешком. Но куда? А потом я получила письмо. В нем он послал свое последнее „прости“. Он лежал в больнице и умирал. Я собралась и в тот же день поехала к нему. Но опоздала. Судьба снова разлучила нас. На этот раз навсегда. Я успела только на похороны. Его с трудом можно было узнать. Мать сказала, что его сбита машина. Она рассказала мне о его последних минутах. Он плакал, каялся, что так глупо поступил, так легко упустил свое счастье. Жалел, что не поддался в свое время желанию вернуться и попросить прощения, и проклинал свою гордость. Я слушала, но слышала с трудом. Ведь я так и не успела сказать, что я его простила. Вернувшись домой, я словно перестала жить. Сердце окаменело. И свет померк, и руки опустились, и я уже не помню, как жила...

Но нужно было жить. Тогда появился вопрос — как жить дальше? Я впервые прислушалась к словам матери о Боге. И я пошла с ней в церковь. Но смирить свою гордость, лишиться привычного лоска очень не хотелось. Пришла в собрание накрашенной, в клипсах и кольцах. И увидела тех людей, которых когда-то гнала. И низко опустила голову. Но села впереди. И Дух Святой начал свою работу. Стало неловко, и я потихоньку, чтобы никто не видел, стянула и убрала в сумку клипсы, стерла помаду. Началось собрание. Проповедь словно специально готовилась для меня. Я плакала. Сначала, чтобы никто не видел, потом — не скрывая слез. А когда призвали к покаянию, я без раздумий вышла вперед. В то воскресенье я покалась...

Теперь я уже приняла крещение и служу Господу. Я благодарю Бога за спасение, за утешение, за то, что больные сердца в Нем находят исцеление. Единственная скорбь в моем сердце осталась о том, что Влад так и не познал Бога.

На богослужениях я читаю стихи и славлю Бога пением. Господь дал мне этот талант и благословил на труд.

Светлана ШТЕФАН

СВОБОДЕН!

Дорогие друзья!

Хочу засвидетельствовать победу Иисуса в моей жизни. Пожалуй, начну с переезда в Германию. Я уверен, те чувства, которые переполняли меня, знакомы многим людям, особенно моего возраста, которые еще не познали Господа.

Первое время по приезде для нас, молодых, было интересным. Много новых знакомств, развлечений. Нас не тянуло к Богу. Я тоже Его не искал. „Зачем Он мне? — думал я. — Мне и так хорошо, интересно провожу время“. Но все новое когда-то стареет, и все интересное надоедает. И мне развлечения надоели. Кто-то, возможно, скажет: „А мне не надоедает“. Жизнь покажет, дорогой друг. Мне знакома эта страсть ко все более захватывающим развлечениям. Наркотиками я тогда еще не увлекался. Как и у всех моих друзей, была проблема с деньгами. „Деньги — все, — думал я. — За деньги я куплю новые приключения, и жизнь опять станет интересной“. Работать, конечно, не хотелось. Никогда в своей жизни не работал.

И вот я услышал о новом способе заработать деньги — о торговле наркотиками. Я попал в эту ужасную волну, которая все больше и больше захлестывает Германию. И сам попробовал — понравилось. „Вот это дело! — думал я. — И деньги, и удовольствие“. Сначала все шло, как по маслу. В дальнейшем деньги меня мало интересовали, только наркотики. Через год в голове было лишь одно желание — уколоться. Сначала еще как-то обманывал себя: „Сегодня последний раз уколюсь, а завтра брошу“. Но потом понял, что бросить не так просто. И продолжал колотиться. Так прошел еще один год. Денег уже не было, приходилось воровать, обманывать. Вы спросите: „Целый год воровать?“ Да, конечно, человек, который не прошел через это, и понять не может. Но с каждым днем становилось все хуже и хуже. Получал 333 марки в месяц. Надолго их не хватало — на три дня, и то не всегда.

Возможно, вы осудите меня или других людей, которые страдают наркоманией. Но я прошу: не надо. Вы им этим не поможете. Сейчас многие попали в этот водоворот, в основном молодые. Попробуйте их понять. Раньше, когда я был наркоманом, мои близкие меня понять не могли. Они говорили с добрым намерением: „Брось, что тебе стоит? Чуть-чуть поболеешь — и все“. Но сам я не мог. В каком положении я находился, вы можете себе представить. Хотел покончить с собой. „Какой смысл в моей жизни?“ — задавал я себе вопрос. Но Кто-то удерживал меня от самоубийства. Несколько раз, когда я был один и кололся, терял сознание, Некто поднимал меня. Я тогда не задумывался над вопросом, Кому я не был безразличен. Только теперь понимаю, что это была Божья любовь!

Люди говорили мне о Боге, о радости, о любви. А я болел, кололся и опять болел. „Ну где Он, Бог? — думал я. — Всех же любит, говорят. А одни радуются, другие страдают“. Мне советовали обратиться к Богу, чтобы Он освободил меня. Я им отвечал: „Вы не знаете, что это такое, вам легко говорить“. Я знал человека, которого Иисус освободил от наркотиков. Но с ним я еще не говорил на эту тему. Он двадцать лет кололся, одиннадцать лет был в заключении в бывшем Союзе. Я с ним познакомился, как только приехал в Германию. Он тогда еще не был обращенным. Узнав, что он обратился к Богу, я долго размышлял: „Разве не чудо? Иисус же освободил его, может, и меня освободит?“ Но в церковь пойти как-то не решался. Однако мысли эти все чаще и чаще приходили мне в голову. Петр, так его зовут, говорил, что настанет время, когда я больше не буду находить удовольствие в наркотиках. Так это и было. Меня преследовали кошмары, я видел что-то неопишное. „Все, сошел с ума“, — думал я. И желание освободиться разгоралось во мне с каждым днем все больше и больше.

Наступил день, когда я сказал себе: „Петю Иисус освободил и меня освободит, если Он есть“. И... я покался. Я почувствовал радость освобождения меня Господом. Жизнь изменилась. Конечно, порою мне было нелегко. Я и до покаяния пытался бросить, но больше пяти дней не выдерживал. Ходил в полицию, просил: „Отправьте меня на лечение или в тюрьму“. Мне отвечали: „Подожди“.

Но после покаяния желание колотиться исчезло. Я легко перенес отказ от наркотиков. „Не сплю ли я?“ — спрашивал я себя. Иисус меня полностью освободил. Многие мои знакомые, желая покончить с наркотиками, начинали спиваться, другие, бросив колотиться, боролись с наркоманией кто как мог. В итоге они обычно опять возвращались к наркотикам. Сам человек может только грех грехом заменить. Часто люди не задумываются, почему.

Подумай, друг, в чьих злых руках ты являешься игрушкой! Советую тебе от всего сердца — обратись к Богу, и Он примет тебя, освободит, простит и будет всегда с тобой. Я знаю, многие на это ответят: „Я тоже верю и даже молился, но Он не ответил“. Задай себе вопрос: „Почему?“ Может, потому что ты пришел к Нему с каким-то другим желанием или у тебя мысли и мечты посвящены не Ему? Запомни: Ему нужен ты весь. Он любит тебя и хочет тебя освободить. Если ты этого хочешь, попроси Его еще раз: „Господи, сделай со мной, что хочешь, только освободи меня“. Не бойся, хуже тебе не станет, только лучше. Нередко человек старается сделать что-то хорошее, а получается плохое. Почему? Да потому, что сами мы не можем стать лучше. Если ты, дорогой друг, от чистого сердца попросишь Господа простить все грехи твоей прошлой жизни и освободить тебя, то Он поможет тебе. Для Иисуса нет ничего невозможного. Ты можешь надеяться на Него, Он поймет тебя и поможет. Ведь Он умер за таких, как ты и я. Брат мой, я от всей души желаю, чтобы ты освободился и назвал Иисуса своим Господом. А если ты уже каялся, но опять пал, не отчаивайся, Он прощает нас. У каждого свой путь с Господом.

Я благодарю Господа, что Он дал тебе время и желание прочитать мое свидетельство.

Слава Ему во веки веков!
Роман БЕДА

БЛАГОДАРНЫ ЗА КАЖДУЮ ДУШУ...

Я и моя семья приняли Господа как личного Спасителя 3 октября 1994 года. И было так угодно моему Господу, чтобы мы узнали о Нем только тут, в Канаде. Сами мы из Украины, Одессы. Жили там всю нашу молодость и никогда не видели верующих в живого истинного Бога. Слышали всякие ужасные рассказы о „штундах“, баптистах и сектантах, но никогда в жизни не задумывались над тем, что это за люди, почему все над ними смеются. Мы уехали жить в Канаду. В первый же день нашего приезда мы встретились с верующими людьми. Поначалу, когда один из них рассказал о себе, я очень испугалась, поскольку слышала о протестантах только плохое. Когда он пригласил нас с мужем на собрание, было как-то страшновато, но интерес узнать, что это за вера, был намного сильнее страха. И вот в воскресенье мы отправились в церковь. Я поразились огромному количеству молодежи и детей, присутствовавших на собрании, чего не увидишь в православной церкви. Когда все начали молиться и славить Бога во весь голос, я так испугалась, что хотела убежать: не могла понять, почему эти люди так громко молятся, плачут. Для меня это было такой неожиданностью, что трудно было выдержать до конца собрания. Я сказала, что мы православные и будем ходить в свою церковь. Веру наших предков менять мы не собираемся.

Но Дух Святой не давал нам покоя. Я все время думала об этом собрании. И Господь так устроил, что мой муж стал работать вместе с верующими людьми. Он много с ними общался, спрашивал, наблюдал за ними и все рассказывал мне. Я поражалась, какой добротой и любовью наполнены эти люди. Какое терпение и мудрость давал им Господь! Они отвечали на все вопросы моего мужа Василия. И, поверьте, вопросы были совсем не простые, и не всегда было приятно слышать их. Мы, люди с высшим образованием, считали, что сможем загнать этих верующих „фанатиков“ в угол, и они не смогут дать нам объяснений на наши вопросы, поскольку знание теории Дарвина, законов математики, химии, физики не могло сравниться с какой-то „Библией“, которую они только и читали. Тогда они спросили нас, читали ли мы эту Библию. Конечно же, нет. Как мы могли читать Библию, будучи коммунистами?

Они подарили нам Библию и посоветовали почитать ее. И Дух Святой поставил нас в такой тупик, что вывести из него не мог ни один самый знаменитый ученый — „светило науки и техники“. Только тогда мы поняли, что мы бедные и несчастные, слепые и глупые люди, а эти „малограмотные фанатики“ — самые счастливые люди во всей галактике, потому что их учителем и руководителем является сам Создатель вселенной и потому что Он есть живой, истинный и отвечающий Бог. Мы познали такого Бога, Которому не нужно ставить дорогие свечки. Он слышит и видит нас. В каждом углу и на каждой улице Господь с тобой. Только нужно возгореться, найти истину и просить об этом Иисуса Христа, и Он обязательно откроет вам истину о спасении, о жизни вечной и о суде праведном.

У нас много неспасенных друзей и родных. Они не могут понять, что с нами случилось, как мы могли стать „штундами“. Нас спрашивали, сколько нам заплатили или что для нас такое сделали (может, просто загнипотизировали?), что мы так изменились. Все нас жалеют и сожалеют, что потеряли нас как друзей, а мы не перестаем молиться о них, чтобы и они могли приобрести то, что приобрели мы, и найти Друга, Который не изменяется во веки веков и никогда тебя не забудет, и не оставит ни в радости, ни в горести.

Татьяна КОНОВИЧЕНКО

В НАДЕЖДЕ ПОДДЕРЖАТЬ БЛИЖНЕГО

Мне 19 лет. В детстве воспитывался в духе атеизма, так что всякую мысль о существовании Бога считал несерьезной. Когда повзрослел, атеистическое мировоззрение сказалось не только на образе мышления, но и на образе жизни. Подобно шару, пущенному по наклонной плоскости, катилась в бездну жизнь моя. Первое знакомство с алкоголем, затем крепкая дружба с ним. Дальше — наркотики, целый год их опустошительной деятельности в моем сознании. Таким я подошел к восемнадцатому году жизни. Не могу сказать, чтобы я отличался какими-то особо отрицательными качествами. Каждый, кто меня знал, мог сказать обо мне: „Обычный парень“. Но что было внутри...

Конец такой жизни положил случай, произведший на меня сильное впечатление: трое ребят из нашей компании вдруг изменили свой образ жизни. Они оставили все: наркотики, выпивку, курение, перестали сквернословить... и обратились к Богу. Одной беседы с ними было достаточно, чтобы понять: они счастливые люди. Тогда и я принял решение обратиться к Богу. Я многого тогда не понимал, но хотел лишь одного — обрести покой. И Господь совершил это. Вот уже более двух лет, как я в мире с Богом. Теперь я член поместной церкви в Днестровске. В

настоящее время служу в армии. Это письмо я пишу для того, чтобы оно послужило поддержкой находящимся в подобной ситуации, а главное — прославлению Бога.

Я песен много знал о матерях,
Молитвами детей приведших к Богу.
Но обо мне и о моих друзьях
Вам эти песни рассказать не смогут.

О нас, чьи матери не ведают Христа,
Те песни, к сожаленью, умолчали.
И потому себе и вам, друзья,
Вот эту песнь души я посвящаю.

Со времени, как знаем мы Христа,
Нам стала близкой и до слез знакомой
Всех их переживаний полнота,
Чьи сыновья идут тропой убогой.

Как мамы тех, кто от Христа далек,
Часы, склонив колени, проводили,
За маму милую, с прошеньем за нее
Мы все к Христу в молитве приходили.

Как и они, от самых дорогих
Порой проклятья знали и угрозы,
Так мы, терпя, любить хотели их,
Обиды слыша и глотая слезы.

Но знаю я: Ты мимо не пройдешь,
Господь, Ты все молитвы наши вспомнишь.
За нами мам на путь Твой приведешь,
И нищету их Ты тогда восполнишь.

И верю я, что не напрасен путь,
Которым я иду к моей отчизне.
О мама милая, когда-нибудь
Придешь и ты к познанию вечной жизни.

Николай МАРТЫНОВ

ПЕСНЯ ПОД КУПОЛОМ ВОКЗАЛА

Время было утреннее, около 9 часов.

Я проходил через зал ожидания вокзала. За мою правую руку цеплялся мой сынок, а за левую — моя младшая доченька. Она держалась так крепко, чтобы никто не смог ее оторвать в этой сутолоке.

Огромный зал производил на моих маленьких спутников сильное впечатление. Приглушенный говор толпы отдавался расплывчатым эхом. Тут мои дети решили испробовать, как будут звучать их высокие голоса и каким будет эхо в этом большом помещении. Итак, то сын, то дочь испускали высокий светлый звук. Они радовались отражаемому эху. Но эхо от краткого визга проходит быстро, и радость от него соответственно непродолжительна. И эти двое решили, что в этом зале их голоса будут звучать отлично.

Моя маленькая дочь затынула своим ясным, чистым голосом, а сынишка тут же громко подхватил:

„Уповай, моя душа, уповай на Господа!
Все Ему предай, Он всегда поможет...“

Для зала ожидания вокзала, да еще в утренний час, это была, конечно, необычная мелодия. На пронзительный свист локомотива, на громкие призывы продавца сигарет или на веселое насвистывание кем-либо мелодии нового

шлягера никто не оборачивал головы и не обращал никакого внимания. Но прекрасно звучащая духовная песня двух детей... привлекла огромное внимание. Одни улыбались, другие наблюдали за пением несколько растерянно, третьи покачивали головами.

Но детей это не смущало, и они беззаботно пели дальше:

„Ведь нужда не больше нашего Помощника“.

Мимо проходил один шахтер. Он, по всей вероятности, шел через зал ожидания, чтобы сократить дорогу. Усталая походка, поникшая голова и опущенные плечи — он выглядел так, словно огромная невидимая ноша лежала на его плечах. Звуки песни достигли и его ушей. Он остановился и серьезным взглядом посмотрел на детей — выглядело так, словно он впитывал в себя слова песни:

„Спаси и мою душу, верный Бог“.

Шахтер пошел дальше, но уже совершенно другой походкой, словно испил из живительного источника. Тут я понял, что дети при всей их наивности и слабости сделали нечто великое.

После обеда меня посетил мой хороший знакомый, гость издалека. „Знаешь, — начал он, — я должен рассказать тебе примечательную историю. Сегодня утром я прибыл на ваш вокзал очень усталым, полным забот и разочарований. Многие в моей жизни в последнее время происходило не так, как я себе это представлял. И вот я, в глубоком раздумье проходя через зал ожидания, вдруг услышал:

„Во всех бурях, во всех нуждах
Он будет охранять тебя, верный Бог“.

Песня звучала под сводами вокзала так, словно это был голос с небес, говоривший моему сердцу. По-моему, это пели какие-то дети. Из-за толчеи я не мог их видеть. Но все свои заботы и тревоги я возложил там на моего Небесного Отца и радостно продолжил свой путь“.

Я тут же вскочил, пошел к моим детям и крепко-крепко расцеловал их.
Вильгельм БУШ

ВЫБРАЛ ТЮРЬМУ И... СВОБОДУ

В настоящее время я отбываю наказание в местах лишения свободы за совершение ряда тяжких преступлений, таких, как кражи, грабежи, дезертирство и убийство.

Напишу о себе. Родился 29 февраля 1972 года в Херсонской области, на юге Украины. В пять лет остался без родителей (отца убили, а мать меня бросила). Отправили в интернат для сирот.

Обучали и воспитывали меня в духе коммунистического атеизма, поэтому я рос неверующим, гордым человеком.

После окончания школы до призыва в армию работал.

24 мая 1990 года меня призвали в армию. Попал служить в штаб Черноморского флота. Служба спокойная, „теплая“, никаких проблем. Но меня она не устраивала. Я дезертировал, ушел в бега. Во время своих странствий по всей территории Украины я совершил множество краж. 8 сентября 1990 года в г. Львове убил ни в чем не повинную женщину.

Через десять дней меня поймали на краже в г. Херсоне. Я сознался в убийстве, и меня этапом отправили в г. Львов. Сначала меня осудили на 14 лет. Приговор показался мне невыносимым, и я отказался от совершенного убийства. В конце концов с меня сняли обвинение в убийстве и 11 лет срока. Меня отправили в колонию общего режима, где я встретился с христианами. Вскоре я уверовал и принял Иисуса Христа как Спасителя. С принятием Господа в сердце во мне проснулась совесть.

Тяжкий груз скрытого убийства не давал мне покоя, и передо мной встал вопрос: или свобода без Бога, или большой срок, но с Господом в сердце. Трудно было решиться, но с помощью Божией я выбрал неволю — с Богом и чистой совестью.

Явился с повинной. Меня приговорили к 12 годам лишения свободы. В заключении я уже седьмой год. Из них почти пять лет со Христом — я свободен.

Конец моего срока 18 сентября 2002 года. Год назад я заболел туберкулезом и сейчас нахожусь в тюремной больнице.

Геннадий МОГИЛЬНЫЙ

СЫН

Стоя в открытых дверях дома, я смотрела, как мой сын медленно удалялся и совсем исчез из виду. С тяжелым сердцем я повернулась и вошла в дом. Я заставляла себя делать обычные домашние дела: механически готовила ужин, прибирала... Когда я, наконец, добралась до постели, то долго лежала с открытыми глазами и думала: „Где он? Поужинал ли? Есть ли у него место для ночлега? Могли ли мы сделать что-нибудь иначе? Возвратится ли он когда-нибудь домой?“

Передо мной мысленно проходила жизнь моего сына в последние месяцы. Взлеты и спады, эмоции, резкие слова, бессилие, непослушание, нечестность... Вопросы, вопросы... Долгие ночи ожидания, недоумение и непонимание, беспокойство и назойливое „почему?“.

Почему наш сын решил отвернуться и взбунтовался против всего, что мы ему предлагали, — теплого, ласкового дома, уюта, образования, богобоязненного воспитания? Мы хотели его, молились о нем и были в восторге от его появления в нашей семье. Он был таким жизнерадостным и счастливым ребенком! Мы называли его „нашим солнышком“.

Лежа в постели, не в силах сдержать слезы, я думала обо всех шансах, которые мы давали нашему сыну. Мы неоднократно принимали его, когда он возвращался домой, а он каждый раз подрывал наше доверие. Мы сделали все, что, как нам казалось, было в наших силах, и, наконец, сегодня вечером ради младших детей мужу пришлось попросить его уйти.

...С тех пор прошло три года. Я никогда не полагала, что когда-нибудь буду лежать в постели и думать: „Где мой сын?“ Мне пришлось справляться с неодолимой грустью, которая, казалось, захлестнет меня с головой. После стольких лет отдачи всего, что мы могли, этому любимому нами ребенку он решил пренебречь своим воспитанием и отвергнуть наше наставление. И мы с мужем пришли к выводу, что не можем позволить этому одному из наших семерых детей поглотить нас целиком. Мы пытались забыть нашего блудного сына, потому что несправедливо сосредоточивать все внимание и чувства на нем одном в ущерб другим членам семьи.

Но я должна была все время бороться с чувством вины. В первые месяцы меня охватывали чувство вины и сомнения. Могла ли я воспитать его иначе? Была я слишком строгой или, наоборот, недостаточно строгой? Что мы сделали не так? Проявила ли я достаточно любви? В чем моя ошибка? Я знала, что сделала много ошибок, но знала и то, что сделала все, что могла.

Временами Господь нежно напоминал мне о том, что я должна поступать с моим сыном, как Он поступает со Своими детьми: оставлять двери открытыми для общения, принимать человека, хотя необязательно всегда его поступки. Это бывает трудно, и я вынуждена просить у Господа мудрости распознавания.

Мне часто приходилось иметь дело с разочарованиями. Иногда мне казалось, что все улучшается, напряжение ослабевает, мой сын меняется. Я оживлялась и радовалась, надежда росла. Надежда на то, что он не бросит работу, возвратится к учебе, изменит поведение и даже возвратится домой. Но снова приходило разочарование, и надежды улетучивались.

Важнейший урок, который я извлекла из всего этого, состоял в том, что я смогла отпустить вожжи и дать Богу справиться с этой ситуацией. Господь желает, чтобы мы полностью уповали на Него — каждый час и миг нашей жизни. Это Он избрал мой опыт с сыном, чтобы научить меня всецело довериться Ему.

Американский художник Эндрю Уайт сказал как-то, что самое неприятное для художника — это критика его труда прежде, чем он закончен.

Моего блудного сына нет дома... пока что. Но мой муж говорит, что терпение — это вера, видящая законченное дело.

Возможно, и у вас есть блудные, блуждающие духовно сын или дочь, муж или отец, мать или жена. Молитесь и терпите. Помните вместе со мною: Бог еще не окончил Свою работу над ними и нами.

Ж. ГРЭМ

БОГ ЕСТЬ — ОН ЖИВОЙ И ВЕЛИКИЙ!

Моя мама пришла к Господу, когда ей было 39 лет. Мне было в ту пору около семи. Отец не хотел признавать Бога, ругал и бил маму за это, вырывал из Библии листы, кощунствовал.

Когда отец умер, мы переехали на Кубань. Мама нашла общину пятидесятников и с жадной поспешила к ней. Я какое-то время ходила с ней, но, взрослея, становилась более самостоятельной, с другими взглядами. В 70-е годы в России царил атеизм. В школе учили жить, „как завещал великий Ленин“. В центре нашей маленькой станицы висели плакаты: „Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи“, „Нам солнца не надо, нам партия светит“. Так воспи-

тывалась молодежь. О Боге боялись даже вспоминать из страха перед гонениями и злыми насмешками. И я стала смотреть на верующих так же. Я считала, что в Бога верят невежественные, отсталые люди. Есть ли Он на самом деле? Совсем не видно, чтобы Он кому-то помог, многие люди очень страдают.

Мама наставляла меня, упрасивала, молилась за меня. Я ничего не хотела слышать. Сколько слез было пролито мамой из-за неверия моего, брата, сестры и даже моего мужа. Ее молитвами мы сейчас спасены, имеем надежду на великую милость Божию. Брат еще сомневается, но мы верим, что и он придет к Богу.

В Таллинне я встретила своего будущего мужа, и мы построили жизнь нашу по мирским законам. Правда, мы любили друг друга, и у нас родились желанные две дочки. Мы жили, как многие: не богато, но и не стремились к тому. Когда у нас были деньги, нам было хорошо. Мы их тратили на детей, на себя, устраивали праздники с большим количеством алкоголя, приглашали друзей. Ссорились, протрезвев — мирились. Я была против этих пьянок, и когда муж стал часто приходиться с работы пьяный, я собрала чемодан и уехала к маме — на Кубань. Правильно или нет я поступила, Бог знает. Там я поддалась на уговоры матери и стала посещать богослужения. Через некоторое время приехал за мной муж и тоже пошел с нами. Он уверовал и принял крещение. Но когда мы вернулись в Таллинн, наша жизнь пошла по-старому. Сатана увидел, что может нас потерять, и стал мучить. Через некоторое время мы развелись. И за два с половиной года я „достигла“ многого по части зла. Я научилась ненавидеть людей, и мне это нравилось. Я получила работу, где у меня всегда были деньги. Появились подруги, и мы пьянствовали в кабаках. И муж мой скатился на самое дно: плохо одетый, длинноволосый, с сигаретой во рту... Я боялась встретиться с ним на улице. Но слава нашему великому Богу, что Он возлюбил человека и хочет всех спасти от смерти вечной. Через маму и сестру муж вновь покаялся. Он любит и чтит Господа и многим засвидетельствовал, что мир и спасение в Господе.

Но со мной было сложнее. Видя, что муж больше не пьет, вернулась к нему. Я уже осознала, что детям очень нужен отец: они его любили, а он — их. Я решила им дать, что они хотят, и не боялась, что его вера будет мне помехой. Мне было удобно. Дети были ухожены, а я уходила и приходила, когда мне вздумается, никому не давала отчета. Я гуляла с подругами, разъезжала на такси. Однажды даже выпрыгнула из такси: мне показалось, что таксист меня не туда везет. Я дралась с мужиками, научилась как-то по-особому смотреть на человека, чтобы ему было не по себе; шла по улице, как пуп земли, — кто что-то имеет против? И только по великой милости Божьей со мной ничего плохого не случилось. Сегодня я свидетельствую о Господе и воздаю Ему хвалу.

Моему бедному мужу это было испытанием, которое длилось целых пять лет. И такое Бог допустил, чтобы его отшлифовать, чтобы я видела, как он уважает Слово Божие, старается его исполнять, чтобы я задумалась, и осознала свою ничтожность, и раскаялась в моих грехах. И когда в очередной раз я отлеживалась с похмелья, пришел сатана и стал меня душить. Это было реально! Это было на самом деле. Он сдавил мне грудь, горло. Я чувствовала его волосатость и не могла двинуть ни ногой, ни рукой, чтобы бороться. Я старалась изо всех сил, хотела открыть глаза, хотела открыть рот, чтобы позвать на помощь, но ничего не смогла сделать. И тогда в большом страхе я мысленно, как учила когда-то меня мама, воззвала к небу и повторяла много раз: „Именем Иисуса Христа — прочь от меня, сатана! Кровью Иисуса Христа — прочь от меня, сатана!“ И когда он ушел, я была так рада, что вырвалась из лап смерти.

И в тот же день я пошла с мужем на евангельское богослужение, которое проводилось в больших летних палатках, прямо на улице. И там Бог коснулся моего сердца. Я с большим трудом сдерживала рыдания, чтобы никто не увидел мое унижение, и еще некоторое время моя гордость не давала Богу проводить работу в моем сердце. Затем я мысленно махнула рукой на мою гордость и дала волю чувствам раскаяния. Как радовались мой муж и дети! Как я их люблю! Господь даровал нам Свою любовь, которая все прощает.

У нас прибавилось еще два малыша. Мы живем дружно, и я каждый день благодарю Бога, что Он спас нас. Я хочу громко славить Его и петь Ему. Мне страшно жить без Него.

Дорогие друзья! Учитесь на чужих ошибках. Не старайтесь быть современными „крутыми“, не мчитесь к вершине обманчивого счастья. Это ложь, там нет ничего хорошего, как нам поначалу кажется. И если даже всего достигнуть, ожидаемая радость вряд ли будет, а в итоге можно оказаться духовным банкротом. Потому что Бог есть, Он живой и великий. И дать мир и радость может только Он.

Антонина ЗОРГИНА

ДУХОВНАЯ УЩЕРБНОСТЬ – БОЛЕЕ СТРАШНАЯ ТРАГЕДИЯ

Мне 47 лет. Родом я из Белоруссии. После восьмилетки уехала из родной деревни в г. Первомайск Луганской области, что в Украине, учиться. После учебы меня направили работать в Луганск, где вышла замуж и родила сына.

И вот когда мой сын Эдик пошел в первый класс, случилось страшное и, как мне казалось тогда, невыносимое горе — меня внезапно парализовало...

И хотя мне было тогда 28 лет, я не сомневалась, что жизнь моя закончилась. Я постоянно жила не с надеждой на лучшее в будущем, а с все возрастающим отчаянием от безысходности такой жизни, в которой больше всего хочется не жить...

Мой дорогой муж Саша возил меня по больницам и, смешно теперь вспоминать, по всяким бабкам-целительницам (теперь-то я понимаю, что надеялись не только на бессильную медицину, но еще и на прихвостней дьявола в образе народных целителей).

Болезнь моя продолжала прогрессировать настолько, что одна „скорая помощь“ отъезжала, другая приезжала. Тело мое было исколото бесполезными уколами так, что никто уже и не верил, что после этого я буду еще жить.

Но вот муж отвез меня в областную больницу. И там я впервые услышала из уст одного проповедника о жизни и смерти Иисуса Христа, о чуде Его воскресения и о том, что пострадал Он мученически на Голгофе и за меня, за мои грехи...

Во время этой проповеди слезы неожиданно полились из моих глаз, и, плача, я почувствовала, как что-то тяжелое и темное уходит из души и мне от этого становится так легко, что хочется еще и еще плакать от счастья, будто встретила лично с Самим Христом и Он вот-вот вытрет мне слезы.

Когда мой Саша навестил меня после этой проповеди, он меня не узнал — настолько я изменилась душой. Даже лицо мое, как он говорил, стало излучать спокойствие. Я рассказала мужу обо всем, и во время каждого его посещения я делилась с ним тем, что узнавала сама об Иисусе Христе. Ведь до этого Саша точно так же, как и я, об Иисусе ничего не знал и к религии был абсолютно равнодушен.

Но вот Господь, несмотря на наши прегрешения перед Ним, совершил в нашей семье чудо: я, муж Саша и сын Эдуард приняли в свои сердца Христа, и Иисус жизнь нашу изменил настолько, что мы впервые узнали, что такое счастье. У нас появилось много братьев и сестер во Христе, и всем нам вместе не страшны никакие горести и беды, и с Иисусом в сердце мы готовы на любые испытания в этой жизни, если будет на то Его воля.

В молитвах общаясь со Христом и читая Евангелие, я все глубже и глубже понимаю Божий план спасения нашей семьи. Я поняла, что если бы за мои грехи не последовало Божьего возмездия, то не было бы и спасения. Ведь я была самая великая грешница, хотя и не знала об этом, не понимала этого и не хотела ничего знать об этом. И вот только теперь по-настоящему осознаю, что мои земные страдания способствуют моему же благу в вечности. А в моей земной, временной, жизни ничего другого и не остается, как находить утешение в Иисусе Христе. Уповать можно и должно только на нашего Господа!

Да, я действительно счастлива в Господе! И эту страдальческую, в глазах окружающих нас атеистов и необузданных православных, жизнь я бы не променяла ни на какие мирские блага и ни на какие материальные богатства сего мира. Потому что твердо верю: душа моя будет жить вечно. Господь знал, как со мной поступить. Иисус погасил все светильники, которые освещали мне греховные пути, и вручил мне факел веры, чтобы я бережно несла его, освещая путь в вечную жизнь.

Этот свет Божьего факела веры рассеивает тени любых сомнений, выжигает любые проявления уныния в моей душе. Я благодарю Господа за то, что Он, и только Он, пробудил меня к жизни. Благодаря Христу все мои недавние кошмары физических страданий кажутся теперь настолько далекими и нереальными, словно были они не в моей жизни.

Несомненно, быть парализованной — это тяжелейшая доля. Но духовная ущербность — более страшная трагедия для каждого человека как в этой, временной, так и в будущей, вечной, жизни. Я убеждена, что даже такая страшная трагедия, как Чернобыль, произошла лишь потому, что до этого народ бывшего СССР был уже серьезно болен духовно. В данном случае страдает не один грешный человек, а целый грешный народ, не желающий каяться в своих грехах и отказывающийся признать над собой единственно верного Президента — Иисуса Христа. Как ни страшен Чернобыль, но страшнее то, что его породило...

Да, я парализована, но сердце мое свободно. Оно свободно любить. Я верю в Господа и знаю, что Бог есть любовь! И я всегда счастлива от сознания того, что Бог слышит мои молитвы.

Нет, страдания — не случайность, как думают многие, считающие себя верующими, но не знающие Слова Божия. Любое страдание — это дар Божий, которым надо дорожить. Ибо только претерпев его до конца, мы можем спасти душу.

Хочу жить с Иисусом. Он вливает бодрость в мое сердце, и я всегда радуюсь в Господе и за все Его благодарю. Благодарю и за то, что Он вовремя наказал меня спасительным параличом! Почему спасительным? Да потому, что не будь этого посланника Божия, я, живя в здоровом теле, необязательно имела бы и здоровый дух. А значит, упиваясь всеми благами, богатствами и невообразимо разнообразными соблазнами нашего грешного мира, я бы могла так никогда и не прийти к Иисусу Христу. Такому человеку, какой я была раньше, не нужны ни Бог, ни Его Писание. В молитве благодарю Господа за то, что физически Он меня превратил в калеку, а духовно родил меня на новый свет — свет Божьей истины, сделал меня здоровее всех грешников, вместе взятых, на земле. Ведь что толку в здоровом теле, если душу обрекаем на вечные муки в вечной жизни?!

Мой Друг неземной — Иисус, мой единственный Друг, видит меня с высоты и сохраняет меня. Хранит для той жизни, в которой будут „новая земля и новое небо“.

Любовь РЖЕВСКАЯ

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ПОДАРОК

Это было в 1945 году. Нас угнали немцы при отступлении, и я оказался в городе Бремене, в лагере для рабочих с Востока. Лагерь назывался Остгемштрассе. Пленные этого лагеря обслуживали железнодорожные участки. И вот однажды приходит дежурный немец и говорит мне: „На проходной стоит какой-то странно одетый человек и просится к тебе на свидание. Он хорошо говорит по-английски и ломанно на немецком языке. Он сказал, что ты — его брат, но я не поверил, он ничем не похож на тебя. Он, по-моему, даже другой национальности“. Я пошел с ним на проходную. Там ждал молодой человек, чуть старше меня. Было лето, но он был в кожаном пиджаке и в шортах из мягкой замши. На голове у него была шляпа с разноцветными, переливающимися всеми цветами радуги перьями. Он подошел ко мне, молча обнял и, прижимая к своей груди, поцеловал. Я ничего не мог понять. Когда я заговорил с ним на немецком языке, он улыбнулся.

Затем он вынул из своего кармана небольшую Библию, и мы стали с ним беседовать. После беседы он угостил меня бутербродом с мясом. Был он у меня около часа. В беседе он на немецком языке сказал, что работает в миссии «Свет на Востоке» („Licht im Osten“). Когда он при прощании молился, то поднимал руки вверх и сквозь слезы говорил Господу. Распрощались мы, как братья. Он что-то мне говорил по-английски. Я потом частенько его вспоминал. И вот через пару недель приходит мне в лагерь большая бандероль. В ней была новая Библия, Симфония и сборник христианских песен. Это был для меня самый большой подарок. За него я сердечно благодарил Бога. И с того времени на мой адрес приходили бандероли с духовной литературой. Так я узнал о миссии «Свет на Востоке». И я сердечно благодарю Господа за работников этой миссии.

А. ПЕТРЕНКО

МЕНЯ ЖДЕТ НЕБО

У меня сложная судьба, и рассказать все просто невозможно. Но я хочу засвидетельствовать, как вел меня Господь.

Мне 32 года. Три года назад я уверовала и приняла водное крещение по вере. Через год уверовали и мои родители. Я родилась в семье первой, очень слабой и больной. Никто не верил, что я выживу. Но Бог даровал мне жизнь, чтобы через многие скорби и страдания я пришла к Нему и прославила Его.

У меня детский церебральный паралич тяжелой формы. Это значит, что поражено все тело и даже речь. Врачи предрекали полную неподвижность, родители же не смирились с этим. Постоянно меня лечили и занимались со мной лечебной гимнастикой. Конечно, возили меня и к разным знахарям, потом и экстрасенсам. За 29 лет жизни на мне испробовали все, что было возможно. Даже пытались лечить гипнозом, но из этого ничего не получилось. Только после своего уверования я поняла, как чудно Бог меня охранял и опекал. Как велика Его милость ко мне! По Его милости начала немного ходить. Руки работают плохо, с трудом печатаю на машинке. Правда, печатаю не пальцами, а специальной палочкой. Хвалиться особенно нечем, потому что за мной нужен постоянный уход... Но слава Богу и за это!

Росла в семье, где о Боге ничего не говорили или говорили плохо. Отец был ярким коммунистом и атеистом. Меня воспитывали в том же духе. Мама была номинальной православной, но она молчала, покорившись отцу. Только над нами, детьми, заставила совершить обряд крещения. Я отрицала Бога, не хотела ничего слышать о Нем. Не раз думала, что если бы Он был, я не была бы калекой. А Бог обо мне думал иначе. Не имея друзей и углубляясь в книги, изучала историю и литературу. Еще в детстве начала писать стихи. После школы, которую окончила на дому, решила серьезно заняться писательством, чтобы хоть как-то общаться с людьми, но меня нигде не хотели печатать. От непонимания и одиночества еще больше страдала. Начала задавать себе вопрос: „Для чего я живу и что ждет меня после смерти?“ Поиски Бога нашли отражение в моих стихах. Когда обо мне написали в газете, то упомянули, что я верю в Бога. Дорога к творчеству теперь для меня открыта. Но Господь употребил это в Своих целях. С разрешения отца меня стали посещать верующие. Еще долгих три года сопротивлялась истине, а Он ждал. Теперь я счастлива, хотя телом еще страдаю и часто болею. Но знаю, что ждет меня небо, где все будет по-другому...

Оксана КЕКУХ

ИЗЛОМ СУДЬБЫ

Она под села ко мне на вокзале, в зале ожидания. Среди суетливых пассажиров эта женщина выделялась спокойной неторопливостью и достоинством движений, мягкой, располагающей улыбкой. Ей, как и мне, видимо,

предстояло утомительное ожидание. Время, как обычно в таких случаях, тянулось медленно. И мы, обреченные на длительное бездействие, разговорились.

Эта далеко еще не старая интеллигентная женщина оказалась глубоко верующей христианкой. Этот факт меня заинтересовал, и я спросила, что привело ее к вере в Бога. Нина Ивановна (так назвалась моя собеседница) поправила под шелковой косынкой гладко зачесанные волосы, вскинула внимательный взгляд темно-карих глаз на часы и повернулась ко мне.

— Все у меня в жизни поначалу было складно, — начала она негромко.

И действительно. Молодая учительница математики в коллективе школы, куда приехала по распределению, сразу, как говорится, пришлась ко двору. Активная, принципиальная, серьезная, она быстро стала пользоваться заслуженным авторитетом среди коллег. Об этом свидетельствует то, что вскоре Нина Ивановна стала завучем. И личная жизнь ее сложилась удачно. Любимый муж был уважаемым человеком. А маленький сынишка рос живым и смышленным.

— И верила я тогда в партию, ее идеалы, в светлое будущее. Как и все, — вроде бы подытожила эту часть своего повествования Нина Ивановна и задумалась.

Помолчали... На скамейку напротив села женщина с шустрым мальчуганом лет девяти. Моя собеседница, глядя на него, грустно улыбнулась: то ли ребенку, то ли своим печальным мыслям.

— Вот так же и около меня крутился мой сынок в тот злополучный день, — как бы очнулась она от невеселых раздумий.

Тот, запомнившийся ей на всю жизнь день был обыкновенным рабочим днем. Ничто не нарушало устоявшегося ритма школьной жизни. Разве что был один посетитель — отец старшекласника. Он пришел с просьбой дать сыну положительную характеристику.

— „Мальчик попал в беду: связался с друзьями, и теперь ему «светит» скамья подсудимых“, — так объяснил он свою просьбу. А был тот парень не то, чтобы „отпетый“, — вспоминает бывшая учительница и завуч школы, — просто „нестандартный“ ребенок. Такие дети есть обычно во всех школах и, сами понимаете, доставляют учителям массу хлопот, а то и неприятностей.

— Понимаю, — согласно кивнула я, подумав о своих сыновьях-школьниках, которых тоже не всегда понимают и принимают в школе такими, какие они есть.

Конечно, тогда Нина Ивановна осталась верна своим принципам: виноват — пусть отвечает! И выдала характеристику „по полной схеме“, в которой очень часто мелькала частица „не“: „...активного участия в школьной жизни не принимал... авторитетом не пользовался... не участвует“ и далее в таком же духе. Огорченный отец только головой покачал. А тут подбежал к ним шустрый мальчуган.

— Ваш? — погладив мальчика по вихрам, спросил мужчина.

— Мой, — с гордостью ответила учительница.

— А ведь от тюрьмы и сумы никто не застрахован, — с глубоким вздохом сказал посетитель и ушел, не попрощавшись.

Конечно, от такого разговора остался неприятный осадок. Хотя особого значения этим словам она тогда не придавала — мало ли что мог от горя и обиды сказать посетитель. Да и в правоте своей была уверена. И только потом, несколько лет спустя, когда в ее жизни светлую полосу сменила темная, мысли женщины часто возвращались к тому дню. И теперь совсем иной, уже не только пророческий, но даже зловещий оттенок приобрели слова, сказанные в запальчивости несчастным отцом.

— От тюрьмы и от сумы не застрахован никто... — повторила Нина Ивановна.

Истинный смысл этих слов поняла она много позже. Когда, казалось, в одночасье сломалась и пошла под откос ее налаженная жизнь. Началом семейной катастрофы стала гибель в автомобильной аварии мужа. Новое замужество оказалось благополучным только внешне. У мужа, работавшего в отделе внутренних дел, был крутой нрав. Он и в дом внес жесткий порядок, не слишком вникая в душевное состояние жены и приемного сына. Общего языка с подростком он то ли не находил, то ли и не старался найти. И мальчик все чаще уходил в себя, все чаще пропадал на улице. Появились друзья. Не обходилось и без драк. С друзьями он впервые попробовал и наркотики. Материнским сердцем Нина Ивановна чувствовала, что теряет сына, но поверить в то, что ее „благополучный“ сын катится вниз, не могла.

Как в страшном сне, услышала она слова: „Встать! Суд идет!“ Судили ее сына с друзьями. Судили за убийство в пьяной драке. Стиснула зубы, чтобы не закричать от боли и отчаянья. Сквозь застывшую глаза пелену слез видела нескладную фигуру сына с мальчишеской тонкой шеей. Видела, как его пальцы нервно вцепились в край барьера, отгораживающего его от матери и от всего мира. Барьера, ставшего той запретной чертой, за которую ему суждено выйти не скоро. Мать до боли сжала виски, чтобы унять нестерпимый стук. Словно о наковальню стучали молотом, вдалбливая явственно звучащие слова: „От тюрьмы и сумы никто не застрахован!.. От тюрьмы и сумы!.. Никто!..“

— Куда пойти? Кому поплакаться, когда утрачена вера во все и не хочется даже жить? От безысходности и тоски не знала покоя ни днем ни ночью, — изливала свою давнюю боль женщина.

И тут на ее пути встретились верующие. В беседах с ними обретала душевное равновесие, появилось желание и интерес к жизни, вера в добро и милосердие, пришла вера в Бога...

— А сейчас куда направляетесь? — спросила я.

— К сыну. В зону, — ответила она, вздохнув, и стала прощаться. Объявили посадку. Подхватив сумки, женщина направилась к выходу, где вскоре затерялась в людском водовороте.

Вера ПИСАРЕНКО

ЕСТЬ ДРУГАЯ ЖИЗНЬ!

Родился я в обычной семье. Папа — шахтер, начальник участка, теперь уже бывший. Мама работала парикмахером — женским мастером. Сестра училась в школе. В общем, с точки зрения среднего человека, обывателя (в хорошем смысле), не думающего о вечной жизни, о Боге, у нас было все.

Жизнь шла. Были и падения, и взлеты, резкие перемены. Уже в школе началось: кража, драки, шантаж. От мелкого хулиганства до крупных стычек. Бог сохранял меня по милости Своей. Но я этого не знал. Казалось, все живут так, так все и должно быть. А дальше все замело по кругу. Крупным преступником я не был и не хотел им быть.

Мне нравилась свобода. Но жить хотелось „круто“. И началось — воровство за воровством. Большие, шумные ночные компании. Деньги — рекой, еда и алкоголь. В общем, повяз я в грехах. И такая жизнь сказалась на моем здоровье. Оно ухудшалось с каждым днем. Временами начинал терять сознание. А жить хотелось. И вспомнил я, что Бог не раз спасал меня от смерти. Знакомый (бывший наркоман) вовремя рассказал мне о Боге. Он поведал мне, как Бог его избавил от употребления наркотиков, и позвал меня в церковь на собрание. Увидел я там людей с совсем другим мышлением: спокойных, уравновешенных, полных радости, любви и счастья. И понял я: есть другая жизнь. Вот уже полтора года, как я доверил жизнь свою Творцу. И не было в моей жизни с Богом еще ни одного дня, о котором я бы пожалел. Об одном жалел, что не познал этой прекрасной жизни раньше.

И хочу дать совет еще не знающим Иисуса Христа: сегодня у вас есть еще шанс. Завтра его у вас уже может и не быть. Поспешите с приходом к Богу!

Сергей СОЛОВЬЕВ

ГОСПОДЬ ДАЛ МНЕ НОВОЕ СЕРДЦЕ

Я родилась и выросла в мусульманской семье. Нас, детей, бабушка с детства учила молиться (на арабском языке) и воспитывала в исламском духе. Но у Бога был план для нашей семьи. Он воистину чудный Бог. Он много раз спасал меня от смерти. Я знала, что есть Бог, но не знала, как Его имя. Я часто обращалась к Нему и всегда спрашивала, как Его имя, так как думала: раз у людей есть имя, то и у Бога тоже должно быть имя. Слава великому Господу, шесть лет назад Он чудесным образом открыл мне Свое имя. Когда я в первый раз прочитала „Новый Завет“ (в то время я не знала, что это — Божье Слово), Бог открыл мне Свое имя. И с тех пор Он чудным образом ведет меня. Велика Его милость ко мне. Люди часто удивляются, как мне удается содержать и растить дружных четверых детей.

Когда я уверовала и приняла водное крещение, мама и папа отказались от меня и выгнали вместе с детьми. Они поставили мне условие: или церковь, или родители. Мама плакала, уговаривала, стыдила: „Что скажут соседи, родственники? Откажись от христианской веры!“ Но Бог дал мне крепкую веру и силу устоять. Слава Господу, я не отказалась от Него. Но мы, вся наша церковь, стали молиться, чтобы Господь смирил сердца моих родителей. Он услышал наши молитвы, и через неделю мама сама приехала к нам. Вскоре и мама уверовала. Она убедилась в том, что Иисус Христос — живой Бог. Теперь она любому дает ответ, когда нас поносят. Соседи, узнав, что я стала ходить в церковь, выгнали моего папу из мечети, стали его позорить, говоря, что я предала веру отцов. Но Господь сделал так, что после меня пришли в церковь и мой братишка, и его жена. Они уже четыре года члены церкви. Брат мой выучился в Москве на пастора. Теперь он служит пастором в Б., у нас там небольшая церковь. И мы верим, что Бог коснется сердец людей, живущих там, и у нас будет многочисленная церковь. Три раза в неделю мы, церковь, собираемся и молимся о пробуждении, чтобы Сам Бог Духом Святым пробудил сердца мусульманского народа. Мусульмане, как заблудшие овцы, не знают истинного Бога. Но Бог силен привести и их к живому Иисусу от мертвого идола. У нас на квартире мы организовали домашний кружок. Мы молимся о соседях, о друзьях, о нашем Узбекистане. Хочу, чтобы мое свидетельство помогло многим людям, особенно из мусульман, прийти к Богу, устоять в искушениях и сохранить веру в Него. Я люблю свидетельствовать о чудесах Божьих, о Его милости и любви ко мне. Он дает мир и радость душе. Хочу славить Господа Иисуса Христа, потому что меня никто другой не мог

исправить, кроме Бога. Сам Иисус помог мне бросить курить, пить, материться, ругаться с людьми. Я была очень мстительной, любила доводить людей до слез. Слава Богу, Иисус, мой Господь, дал мне новое сердце, другой разум. Он убрал пелену с моих глаз и открыл мои духовные глаза. Теперь я самый счастливый человек.

Санобар

ИСЦЕЛЕНИЕ

Я знала, что есть Бог, но веры, той, что сейчас, во мне не было. Я не боялась греха. Слишком легкомысленно, без страха грешила. Испытывала терпение Божие, без конца откладывая свое исправление на завтра...

Случилось это в 1995 году. Я проходила медицинский осмотр, и вдруг у меня оказался плохой анализ крови. Меня обследовали, поставили диагноз — рак. Надо было срочно делать операцию. Я всерьез не расстроилась: думала, что врачи все могут и не дадут мне умереть, спасут меня. Мне сделали операцию. Но через неделю начались осложнения, состояние ухудшилось, боли были невыносимые. Рядом со мной находились моя мать и брат. Мама постоянно молилась за меня, и боль на время проходила. Я настолько была далека от Бога, что призывала не Его, а постоянно просила яда, чтобы умереть без боли. Брат, видя мои муки, выходил в коридор. Смотря в окно, он говорил: „Бог, где Ты? Она не должна умереть. Если Ты есть, спаси ее“.

Врачи решили меня экстренно прооперировать. Когда меня везли в операционную, я думала, что не выдержу операции и умру. Не знаю, кто во мне говорил, только знаю, что высказала не свои мысли: я просила врачей помолиться за меня. Они ответили, что не умеют, и посоветовали мне самой помолиться как умею. Я из последних сил стала призывать Бога, молиться, просить: „Я так хочу жить. Спаси меня, не дай мне умереть“.

Операция длилась семь часов. Когда я пришла в себя после наркоза, увидела, что вся в бинтах, нога правая тоже (удалили сосуды). Врач осмотрел меня и сказал, что нужна еще операция — ампутация ноги. Родственников предупредили, что я могу умереть, не выжить. Но Бог был со мной, я даже не испугалась смерти, только думала: „Господи, если угодно Тебе...“

Так как все думали, что я умру, мать пригласила священника из Вильнюсского монастыря Святого Духа. Когда он пришел в реанимацию, то ни о чем не спрашивал. Я приняла причастие (хлебопреломление), и он сказал, что будет молиться за меня, чтобы я выздоровела. Мне стало легко, я даже не чувствовала боли, тело было какое-то мертвое, а душа радовалась, появилась улыбка на лице. Когда врачи подходили ко мне и смотрели на меня с состраданием, я им просто улыбалась. Самое главное — у меня не отняли ногу, за что я не перестаю благодарить Бога. Еще были осложнения с почками. Надо было удалить правую почку, но и она восстановила свои функции.

Когда меня из реанимации перевели в палату, я много молилась, анализировала свою жизнь. Думала: как мы не ценим, не радуемся тому, что имеем, что нам подарил Бог. Ведь можно радоваться даже воде, текущей из крана. Я видела, как медсестра перед тем, как сделать мне укол, моет руки, и думала, какая она счастливая, потому что меня обтирали только влажным полотенцем. Когда я стала немного вставать, я видела из окна, как идет снег. Люди торопятся куда-то, и я радовалась, что могу это видеть. Меня выписали из больницы. После лучевой терапии у меня почти не было волос на голове. Но я не роптала, верила, что Бог не оставит, исцелит. Я молилась, и Бог услышал меня.

Когда я уже стала ходить, мне так хотелось всем говорить о своем исцелении. Хотелось, чтобы люди верили. Бог услышал меня в очередной раз. У нас в городе есть церковь «Пробуждение», в ней я нашла много братьев и сестер, которым свидетельствовала о своем исцелении. Я приняла крещение в этой церкви. Брат мой, который также просил Бога обо мне, тоже принял крещение. Дети мои верят в Бога живого, и я думаю, что Бог любит их, потому что вернул меня в семью, вернул им мать. Я благодарю Бога за то, что Он таким путем — через ужасные муки, болезнь — привел меня ко Христу. Господи, я благодарю Тебя за исцеление. Ты зовешь каждого из нас горько оплакивать свои грехи, страдать за них, с болью в сердце открывать их и с ненавистью думать о них, как о врагах своих.

Слава Богу, что Он любит нас, таких несовершенных...

Алла КОВРИГИНА

ТРУДНА К ТЕБЕ ДОРОГА

Живя в многодетной семье, я всегда чувствовала себя ненужной. Мои чувства не были мною придуманы, об этом мне постоянно напоминали. Каждый день приносил еще одно разочарование в жизни. О прошлом были лишь воспоминания о кратких хороших мгновениях, в которые я могла вдеться обеими руками и мечтать. Нельзя сказать, что моя семья плохая. Она, как все: со своими проблемами и своей моралью. Первый раз, когда я решила уйти из дому, мне было семь лет. С собой я хотела взять книги и решила жить одна, конечно, не подумав о том, где. В этот

день был праздник. Мама, вовремя заметив собранные и спрятанные вещи, убрала их. Наказание было суровым. Прутья впились в кожу. В результате остались воспоминания на долгие годы, которые четко отпечатались и оставили шрамы в душе. Моим местом жительства на время стала баня. Потом было начало новой жизни — мы переехали. Был новый дом. Все было нормально, но возникла проблема: не с кем было оставить младшего брата. Пришлось пропускать уроки в школе. Мои попытки учиться в музыкальной школе, ходить в кружки были напрочь отвергнуты. Я просто жила, существовала. Я стала замечать, что почти нет дня, чтобы я не плакала от безысходности. Постоянно приходили мысли, что есть Кто-то, Кто создал мир и знает о моей жизни. Ложась спать, я смотрела на звезды и просила забрать меня. Прошли годы, мне 14. Вот веревка, мыло. Завязать узел для меня не представляло трудности, этому я научилась в туристическом кружке. Вот петля — остался шаг. Но вот кто-то ясно ведет меня к шкафу. Я достаю книгу, которую кто-то когда-то дал. Появляется насмешливый голос: „Зачем в такой ответственный момент ты книги всякие ищешь?“ Вдруг я стала наблюдателем этого спора. Один голос был спокойным, твердым, другой насмехался. Моментаً вспомнились все плохие моменты жизни, грехи, и они давили, терзали до изнеможения. Как бы избавиться от них? Вот путь — петля, она у шеи. Но другой голос говорил о том, что все простит, — сделай шаг. Книга в руке. На какой странице открыть? Первые строки: „Отец Небесный любит тебя“. Как мало слов, но какие они могущественные, если могут излечить, дать надежду. Я убираю петлю, голос зовет за собой, слезы не останавливаются. Я прошу о прощении, и Он дает такой покой, которого никогда не было.

А жизнь шла дальше. Читая и узнавая о Боге, я становилась сильнее. Тяжелые жизненные ситуации уже не принимала с такой болью, ибо знала, что есть Бог, Который меня любит, а значит, и поможет. Я делала ошибки, и Бог показывал мне путь, по которому идти. Я страшилась будущего: надо было стать взрослой, а мне хотелось детства, которого не было. Я еду учиться в далекий город, и выходит так, что место моего жительства оказывается рядом с домом молитвы. Душа моя рвется именно туда. Последние годы я молилась лишь о том, чтобы была рядом церковь, куда бы я могла ходить, чтобы встретить людей, с которыми бы могла общаться. Но люди в церкви не вызывали у меня большого интереса. И меня потянуло к своим одноклассникам в миру, я хотела быть похожей на них. У меня уже были четкие, выработанные принципы жизни, через которые я не переступала. Новые знакомые помогли через них переступить, толкали в бездну. И вот я опять теряла смысл существования. Но Бог ограждал, спасал в последний момент, и, понимая это, я стала возвращаться в ту жизнь, к которой стремилась. Я искала поддержку в православии и у свидетелей Иеговы, но в душе не было света. Вспомнив о том, что рядом церковь, я снова пошла туда. Как я была рада увидеть знакомые лица. Они меня не знали, но я их вспоминала, и душа оживала. Мои друзья перестали меня понимать, стали запугивать: „Чего тебе надо? Зачем ты идешь туда?“ Но я знала, что после каждого посещения я радуюсь, появляется надежда. Однажды, слушая проповедь, я до глубины души поняла, какая я грешница. Пастор говорит: „Кто хочет покаяться, выйдите вперед и преклоните колени“. Я не знала, что такое покаяться, но давно знакомый голос, спокойный и твердый, как тогда, сказал: „Иди“. Как вся душа передернулась, когда появился и другой, тот, что звал к смерти: „Нет, потом, завтра, когда-нибудь, только не сейчас. Ты подумай, все смотрят только на того, кто выходит вперед“. Но первый голос спокойно сказал: „Быть может, завтра ты умрешь, и Я уже тебе не смогу помочь“. Слезы текут, и я иду и не смотрю на окружающих, Бог ведет за руку. Моя подруга, не понимая, куда я пошла, пытается остановить меня, но я уже не принадлежу себе, Он, мой Спаситель, несет меня к покаению. Лучи света озарили мою душу, я обрела счастье и мир в сердце. Окружающие уже смотрели на меня с любовью, пожимали мне руки, пели только мне песни. Только тогда я поняла, что Бог сделал для меня. Он простил меня и принял. Я смогла простить родителям и всему окружающему миру все. Впереди — новая жизнь, жизнь с Богом!

Надежда БЕЗЪЯЗЫКОВА

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Не так давно Господь Иисус Христос нашел меня. Я не искал Господа, Он искал меня. Слава Ему!

В прошлом я был алкоголиком. Распалась семья, потерял работу, спился окончательно, начал опохмеляться одеколоном, руки дрожали, не мог бриться. Наконец я взвыл от такой жизни: „Боже, за что?“ Стал искать способ безболезненно покончить жизнь самоубийством. Тут мне в руки попался трактат о покаении, о Христе. Но я ничего не понял, стал просить избавления от алкоголя у Бога, девы Марии, святых угодников, Христа, но пить продолжал. Начал даже увлекаться заговорами, магией, использовал „качающийся прут“, или „рамку“, как его еще называют. Даже в этой мерзости Господь не оставил меня, а подарил мне общение с одним христианином. Я спорил с ним: не мог никак принять Христа как Бога и Спасителя своего. Где-то я прочитал: „Ни одна церковь не знает всей истины, все обладают лишь долей истины“. Брат сказал, что такого в Библии нет, но я в гордыне своей решил ему это доказать. В перерывах (очень коротких) между запоями я стал читать Слово Божие. Произошло чудо: я увидел всю низость своего падения и принял Господа в сердце, признал своим Спасителем. Пить сам я не бросил, просто не в состоянии был бросить — Господь освободил меня. Сейчас алкоголь для меня совершенно безразличен, как будто я

его никогда не пробовал. За такое короткое время Он в моей личной жизни так много изменил, так много мне дал, всего не опишешь. Я не могу не славить Господа моего. Я не могу не говорить о Нем.

Мать и отец, мои дети, бывшая жена приняли Господа своим личным Спасителем. Слава Иисусу Христу!

Появилась надежда, что Господь снова соединит нашу семью. Я вновь работаю.

Господь сделал Слово Свое открытой книгой для меня. Слава Ему!

Владимир ПОСОХА

Я ВОЕВАЛА ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ С ЧЕ ГЕВАРОЙ

Моя родина — Перу. Я из простой семьи. Мой отец был рабочим, мама — обыкновенной рыночной торговкой. Я училась в государственной школе. В девять лет, будучи в поездке в горнопромышленном центре Ла Орая, я из любопытства зашла в полицейский участок. То, что я там увидела, настолько поразило меня, что я долгие годы мечтала о мщении: полицейские зверски избивали пятерых рабочих, у одного из которых шла горлом кровь. В страшном гневе я выскочила на улицу и, сжав кулаки, поклялась горам, что, когда вырасту, заставлю полицейских глотать свинец из моего автомата. В 13 лет я писала протесты, в 15 — прочла «Капитал» К. Маркса.

Мой дедушка по отцу владел участком эвкалиптового леса. Я без спроса продала лес, чтобы приобрести билет до Кубы, где решила пройти школу революционера. Там я постигала идеи коммунизма и познакомилась с Че Геварой. Он был настоящим мужчиной: рост 178 см, каштановые волосы, орлиные глаза, ясность и в мыслях, и в речах, и в делах. Он часто говорил нам: „Будьте честны, верны, правдивы и прежде всего — настоящими мужчинами“. Эта была нашей ежедневной духовной пищей. Мы привыкали к лишениям и учились революционной стратегии.

Вернулась я на родину воинственно настроенная, дерзкая, с отточенным мастерством ведения революционной борьбы, готовая служить там, где в этом будет необходимость. Свою деятельность я начала с мобилизации молодых людей на подготовку к партизанским диверсиям. Наша группа действовала в Среднем Перу. Мы провоцировали полицию, и она была настолько глупа, что попадалась в наши ловушки. Нашим лозунгом было: „Победить или умереть, но никогда не сдаваться“.

Видя нашу несгибаемость, полиция выпросила у США подмогу — десантные войска. В горах мы были окружены. Нас атаковали, и не только на земле, но и с вертолетов.

Командир отряда, предвидя наше скорое поражение, приказал мне пробиться сквозь наступающих, чтобы передать его жене последнее пожелание: пусть воспитает его сына настоящим революционером, достойным своего отца. Ночью я ползком по склону горы достигла реки, но берега ее охранялись. Четыре дня я лежала в реке, держа только голову над водой. Я настолько ослабла, что временами теряла сознание. Обессилев вконец, я уже не могла противостоять течению, и меня унесло вниз по реке, где какая-то сердобольная индианка перенесла меня в свою хижину. Окрепнув немного, я через неделю отправилась в сторону Лимы. Чтобы добраться до города, я остановила грузовик с продуктами. От моего удара шофер свалился без сознания. Ограбив его, я пришла в Лиму воодушевлять молодежь на борьбу за правое дело революции.

В столице я познакомилась с моим будущим мужем, пламенным революционером. Мы поженились. Вскоре мой муж охладил к революционной борьбе, его удовлетворяла мещанская жизнь. Напрасно я старалась в нем вновь разжечь революционный огонь. Чтобы и дальше служить идеям революции и научить этому своего сына, я оставила мужа.

В 1967 году я должна была с Че Геварой пересечь границу Боливии. Я считала, что время насильственного переворота еще не наступило, и высказала ему свое мнение открыто. Рассерженный, он приказал мне остаться в Перу. Сам Гевара погиб при попытке перейти боливийскую границу. Надо сказать, что он был человеком высоких требований к самому себе. Если бы такими были все революционеры! Мне часто приходилось ночевать с ним в лесу, в горах, но никогда он не делал и попытки дотронуться до меня. После рождения сына я уже меньше принимала участия в прямых диверсиях, а больше занималась профсоюзной деятельностью.

3 декабря 1971 года в предместье Лимы, где я и сейчас живу, у меня была назначена встреча с некоторыми профсоюзными активистами. Мы намечали на 6 декабря забастовку, чтобы добиться выплаты рабочим денежного поощрения. Но на встречу никто не пришел: или их убили, или они продались. Как оказалось, они на самом деле были подкуплены фабрикантом.

Придя домой раздраженной, я включила радио и услышала объявление об евангелизационной проповеди Луиса Палау на тему: „Секс, наркотики и молодежь“. Это был круг моих интересов. Из любопытства я решила пойти и послушать Луиса Палау. Он говорил о пяти кругах ада: лжи, воровстве, убийстве, сексе и наркомании. Это был мой мир. Например, чтобы приобрести оружие, я воровала, торговала наркотиками, лгала. Цель оправдывала средства. Но в этот вечер я услышала слова, которые меня разоблачали. После проповеди я с другими прошла вперед, но только с целью увидеть, что проповедник будет делать дальше. И тут ко мне подошла пожилая женщина со словами:

„Как хорошо, что ты хочешь принять в свое сердце Иисуса Христа!“ Для меня эти слова прозвучали, как пощечина. Я так сильно оттолкнула женщину, что она упала бы, если бы ее не подхватили окружающие.

Я вернулась в свою хижину. И там ко мне во сне говорил Сам Бог. Сначала чья-то рука указала мне на открытую Библию, на правую страницу, вверху, и голос проговорил: „Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих“. Затем мне показали другое место из Священного Писания — Иеремия, 17:5: „Проклят человек, который надеется на человека и плоть делает своею опорой, и которого сердце удаляется от Господа“, и третье — из Иеремии, 17:7: „Благословен человек, который надеется на Господа и которого упование — Господь“. Дальше во сне я увидела, что вся земля затряслась и скрылась во тьме. Проснувшись, я обрадовалась, что это всего только сон. Я попробовала сбросить с себя наваждение от увиденного, вспоминая предупреждения Че Гевары: „Будьте честны, верны, правдивы“, — но снова и снова отчетливо видела место Писания вверху справа, руку, мне его показывавшую, и слышала голос, читающий мне эти стихи. Тут я вспомнила, что месяца три тому назад мне один инженер-католик подарил пакет, в котором я обнаружила книгу в черном переплете. В ней говорилось о Боге. Со злости я ее тогда бросила в старый ящик. Теперь, среди ночи, я ее достала оттуда и начала листать, пока наконец не увидела вверху справа в Евангелии от Матфея, 4:4, слова: „Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих“. И я приняла Слово Божье. Бороться за хлеб — это только половина реальности.

Вдруг я совсем обессилела и упала лицом вниз. Я еще помню, как стыдилась своей слабости: „Розарию повергнута в прах!“ Этого быть не может. Слезы полились из моих глаз. Как на экране, пробежала моя жизнь. Я увидела все, что я сделала. Одиннадцать убийств на моей совести! Куда мне от этого деться?! Вдруг Господь наполнил мою хижину светом. Откуда струился этот свет? Он проникал через крышу моей хижины. И на высоте около 30 метров я увидела Иисуса Христа в белой одежде, Его ноги, отмеченные рубцами от гвоздей. Я почувствовала острую боль в сердце и услышала голос: „Розарию, это Я сделал ради тебя!“ Лучезарное тело приблизилось. И в пятнадцати метрах от себя я увидела распростертые пронзенные руки и снова услышала слова: „Розарию, это Я сделал ради тебя!“ Величие Господа потрясло меня. Иисус Христос протянул мне Свою руку, в ответ я подняла свою, но вдруг поняла, что моя рука обагрена кровью, и быстро убрала ее. Я упорствовала, желая быть честной. Затем я снова потеряла сознание. Когда я очнулась, было утро. Библия лежала на полу. Значит, не все было сном. Что-то со мной случилось — во мне не было никакой ненависти! Господь меня изменил посредством Своего Слова.

Я превратилась в истинную революционерку. Но моим оружием сейчас является Слово Божье, моими доспехами — любовь. Я работаю с детьми, уголовниками, наркоманами. И в этой работе я всегда рассчитываю на помощь Господа, Который ее благославляет. Иисус Христос призвал нас не только слушать Его Слово, но и действовать, чтобы нам в Его пришествие не услышать слова: „Ты ни холоден, ни горяч... Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих“.

Розарию РИВЕРА

Я ПРОЩЕНА!

Я росла в атеистической семье, о Боге в ней разговоров не велось. Истинно верующих людей, к сожалению, на своем пути не встретила. Первый раз к Богу воззвала в 1981 году, когда погибала в Москве в клинике моя дочь, но до встречи с Иисусом предстоял еще длинный путь. Жила с пустотой в душе и не могла понять, чем можно ее заполнить. Много читала, но это давало обманчивое облегчение.

Теперь уже и не помню, откуда у меня появился адрес миссии «Свет на Востоке». Помню лишь день, когда получила книги „В чем смысл?“, „Воскресение Христа — факт или выдумка?“ и „Мир с Богом“. Читала — и слезы лились из глаз. Это было то, что я искала и чего не знала. А с 1992 года стала регулярно получать журналы «Вера и жизнь» и «Тропинка». Журнал «Вера и жизнь» помог понять очень многое: что Бог живой, с Ним можно общаться, что люди меняются, приняв Христа, что истинные христиане отличаются от тех, кто служит ритуалам. И я пришла к Богу разумом. Потом мне прислали Библию, но я засыпала над ней. Это сейчас я понимаю, что дьявол сильно затуманивал мой разум, а тогда думала, что Библия успокаивает меня.

Первая встреча с евангельскими христианами произошла в августе 1995 года, когда в наш далекий поселок на Кольме приехала миссионерская группа, но встреча была короткой, так как мы уезжали в санаторий. Когда мы вернулись в сентябре, то их уже не было. Жизнь потекла по-прежнему: заботы, хлопоты, болезни, пьянство мужа, слезы и безысходность. Господу было угодно, наверное, вырвать меня из этих мук, слез и отчаяния. В феврале 1996 года умер мой муж. Я осталась с двумя детьми: двадцатичетырехлетней дочерью (она инвалид I группы с детства) и одиннадцатилетним сыном. Что я испытала? Отчаяние и страх. Я не знала, как жить дальше. Но в сентябре я снова встретилась с христианами. Оказалось, что они уезжали только на время и что у нас, в поселке, уже существует небольшая община ЕХБ, а я из-за горя и вечных забот не знала об этом. Стали мы с детьми ходить на собрания, и 2 ноября 1996 года я покаялась. Почему этого не случилось раньше? Опять заблуждение — дьявол так застилал мне

глаза туманом и путал мысли, что внушил, что покаяться я должна, когда будет говорить проповедник... Но 2 ноября в 5 часов утра я проснулась и не могла уснуть, было тревожно на сердце, и я встала на колени. Я не знаю, что случилось, слезы горечи текли рекой, вся моя грешная жизнь встала передо мной. Я просила прощения за свою греховную жизнь. Не знаю, сколько времени стояла на коленях, уже и слезы высохли, а я все ждала какого-то чуда, будто я что-то должна услышать от Господа. Но чуда не произошло. Я сказала про себя: „Господь, я буду просить прощения до тех пор, пока Ты не дашь знать, что прости меня“. На улице было еще темно, дети спали, и я легла снова. Но не прошло и десяти минут, как я начала улыбаться, слезы радости потекли из глаз. Меня охватило такое счастье, что я сразу поняла: я прощена, Бог услышал мой отчаянный зов. Еле дождавшись 10 часов, я побежала к своим братьям и сестрам поделиться радостью. А 28 ноября я приняла водное крещение.

Четыре года понадобилось, чтобы я покаялась, но сколько я получила знаний и наставлений из статей журнала! Мне это так помогло в моей христианской жизни, все трудности первых шагов преодолены благодаря мудрым наставлениям. Конечно, мне очень жаль, что полжизни прожито без Господа. Сейчас я молюсь о своих детях и родных, чтобы Бог коснулся их сердец и привел их к покаянию. Свою боль о них выразила в стихотворении:

Смотрю на маленьких детей —
Сейчас Христос их защищает!
Что станет с ними через много дней,
Когда родители их Господа не знают?

Болит душа за русский наш народ,
Который не спешит к Христу склониться.
Но Бог силен утешить этот род,
Чтоб смог он той живой воды напиться.

Кричат все хором: вера, мол, не та,
Не этой вере поклонялись наши деды,
Ведь православными были мы всегда
И не изменим вере дедов.

Они не знают Господа Христа,
Что Он с любовью простирал руки
И говорит: „Как вера может быть не та,
Когда за всех Я принял эти муки?“

Мой первый год христианской жизни был очень трудным, но все испытания легко преодолевать с Иисусом. Наша небольшая церковь ЕХБ растет в этом далеком крае вдали от его центра — Магадана, среди снегов и морозов до минус 50°. Дорогой мой Господь Иисус Христос пришел и в наш северный край и спасает людей!
Людмила ПРУСС

МОЯ НУЖДА

Я еврейка, приехала в Америку из бывшего Советского Союза 20 лет назад, а 7 лет назад меня нашел Иисус, и я отдала Ему свое сердце. Что случилось потом, видно из стихотворения, потому что это моя исповедь.

Я не страдала, как страдал Господь,
Я не страдала, как другие дети.
Я не прошла огонь, потоки вод,
Темницы, каменные клетки.
Бросали в ров со львами не меня,
И не меня камнями побивали.
И кровь ручьем стекала не с меня,
И не меня пинали и топтали.

Жила, как в этом мире все живут, —
Плыла в потоке равнодушной грязи.
Заботы воспаляли жизни круг,

Без пицци Божьей, без духовной связи.
Гордыня — человеческий недуг,
Самоуверенность — греха и мести жало.
Злоречье — сатанинский друг,
Безличие — смертельное кружало...

Пришел Иисус и постучался в дверь.
Я отворила сразу, без раздумья.
И Он вошел, сказал: „Ты Мне поверь,
Тебя пришел избавить от безумья“.
Коснулся моего лица, руки,
Вдохнул в уста духовное начало
И стал учить (земным наукам вопреки)
Науке Неба — Слово зазвучало.

Не обещал, что будет гладким путь,
Что не придут печали, испытанья.
Открыл завесу тайны — Божью суть —
Христианское исповеданье.
Теперь я знаю, что страдать, как Он, —
Великая награда, воля Неба.
Душа моя, услышь голгофский стон,
Уста мои, вкусите смерти хлеба!

Благодарю, Иисус, за жертвы кровь,
Благодарю за жизни воскресенье.
Благодарю Тебя, что дал мне вновь
Родиться в духе во спасенье.
Душа моя исполнена Тобой,
Уста поют хвалу Отцу и Сыну.
О, Дух Святой, пребудь со мной
До той поры, пока дыханье не остынет.

Фаина СТРАШНОВА

МОЙ ПУТЬ К ГОСПОДУ ЧЕРЕЗ АФГАНИСТАН

Родился я в 1964 году, был девятым и последним в семье. Родители мои христиане. Особого интереса к христианству я не проявлял и после окончания восьмого класса оповестил родителей, что на собрания больше не пойду. Слышать это для них было очень больно, но они не стали принуждать меня служить Богу, лишь, не переставая, молились обо мне.

Весной 1984 года, после окончания автошколы, меня вызвали в военкомат и сказали, что через неделю забирают в армию. На следующий день, получив расчет на работе, я, подвыпивший, шел домой. Подходя к дому, увидел спецмашину. Это меня ждали работники военкомата. Они привезли меня в военкомат.

В кабинет, куда меня ввели, вошел подполковник.

— Ты комсомолец? — спросил он.

— Да, — ответил я.

Он спросил меня о моих братьях, родителях, вере. Я сказал, что к тому, что мои братья и родители верующие, я не имею никакого отношения, у меня, дескать, своя жизнь. Посмотрев на меня, он с усмешкой спросил:

— Не заплачешь там, куда тебя пошлем служить?

— Не заплачу, не беспокойтесь, — ответил я с достоинством.

Неделя прошла, как во сне. Я еще не представлял, что меня ожидает, был, как всегда, спокоен. Лишь когда я распрощался с родными и друзьями, внутри что-то сжалось.

Нас привезли на поезде в Узбекистан, в город Самарканд. Начались первые тяжелые дни службы в учебном батальоне. Но не тяжесть службы побудила меня обратиться к Господу, а Сам Господь поставил меня в такое положение, что все это время я имел возможность думать о жизни. Ведь дома некогда было думать о самом драгоценном, что дал человеку Господь.

Проходили неделя за неделей. О том, куда нас пошлют после учебного батальона, нам не говорили, но среди солдат ходили разные слухи. По прошествии шести недель наши командиры сказали, что мы будем водителями для перевозки грузов по Афганистану.

После того, как я узнал об этом, моя жизнь, как мне показалось, на мгновение остановилась. Нет, не из-за страха, а оттого, что Господь делал Свою работу во мне. Передо мной мысленно прошла картина прожитой жизни, и я думал: „Для чего я жил? Какова цель моей жизни? А если моя жизнь оборвется в Афганистане?..“

После всех этих размышлений я обратился к Господу, мысленно говорил Ему обо всем, что меня тревожило, и Он побуждал меня обращаться к Нему постоянно. Я ощутил, что Он жив, и сказал: „Господи, если Ты сохранишь мне жизнь в Афганистане, то, возвратившись, я буду служить и принадлежать Тебе“.

Я верю, что Сам Господь побудил меня сказать эти слова, потому что написано: „Я открылся не вопрошавшим обо Мне; Меня нашли не искавшие Меня“ (Ис. 65:1). Слава Ему и благодарение! После этого я уже твердо пришел к вере.

По прошествии четырех месяцев службы в учебном батальоне нас самолетом отправили в Афганистан. Очутившись в чужой стране, все чувствовали какую-то давящую тоску и одиночество, но я уже не был одинок, потому что Господь был со мной.

С аэродрома нас привезли в военный городок, в котором размещались несколько батальонов. Он находился на окраине Кабула. Этот городок был огорожен колючей проволокой, вместо казарм стояли величиной с дом брезентовые палатки. Деревьев почти не было, кругом сухая глинисто-каменистая земля и серые горы. Ветер поднимал пыль и швырял в лицо...

Окружающая обстановка нагоняла тоску, но это продолжалось недолго. Прибывших распределили по батальонам, и началась новая жизнь, или, точнее, существование.

Служба была жесткая. Большинство солдат постоянно принимали наркотики, отношения между ними зависели от срока службы, так что нам, новичкам, было очень нелегко. После первой недели службы мне дали старенький автомобиль „КамАЗ“ для перевозки грузов от границы СССР до Кабула. И вот я впервые отправился в рейс. Путь от Кабула до Хайратона и обратно — 1000 километров. В рейсы всегда уходили от 40 до 50 машин. Первые поездки были очень тяжелыми, так как ездить я почти не умел, а дорога проходила через горы, перевалы, иногда через пустыню.

Все мои боли, нужды и желания я приносил Господу. В каждой машине был только один водитель, а рейс длился неделю, и поэтому я постоянно мог говорить с Господом наедине. Я говорил Ему обо всем, и Он слышал меня. Я хочу рассказать лишь о некоторых случаях в моей службе в Афганистане, в которых Господь отвечал мне, помогал и хранил.

Когда мы поднимались на перевал, вода в системе охлаждения нагревалась до кипения, а останавливаться было опасно. Если остановишься, то обстреляют душманы. В лучшем случае подъедет группа техпомощи из пяти старослужащих и прапорщика, избьет тебя, а потом поможет. В общем, хорошего не жди. Я ехал и смотрел на датчик температуры. Стрелка дошла до 100 градусов, и я сказал: „Господи, помоги мне“. Вдруг наша колонна остановилась. Я быстренько выскочил из машины, взял каску — и бегом к горной речушке, которая протекала рядом, набираю холодной воды и поливаю радиатор. И так несколько раз, пока не охладился мотор. Только я сел в машину — колонна тронулась, но через несколько километров тяжелого подъема вода снова стала закипать. Я продолжал ехать. Прошу моего Господа о помощи, но стрелка неумолимо движется, и, когда она стала доходить до 120 градусов, я сказал: „Господи, все, я останавливаюсь, больше не могу“. Я съехал с дороги и остановился, но, как только две машины обогнали меня, вся колонна снова остановилась. Пока я охлаждал двигатель, все 40 машин стояли, но только я сел в машину — вся колонна тронулась. Причин этих двух остановок я не знал, так как на крутом подъеме ни передних, ни задних машин не было видно. Я благодарил моего Господа, ясно видя, что это делает Он по моей просьбе и нужде.

В один из очередных рейсов мы были в пути без остановки с раннего утра и до вечера. Я был очень голоден, да и не только я, но и все водители. Я разговаривал с Господом, как будто Он сидел рядом со мной в машине: „Господи, как хочется есть!“ Сказал так и сразу же забыл об этом. Прошло около десяти минут, и колонна наша вдруг остановилась. Повар, который ехал впереди меня, быстренько выскочил из машины и полез в будку с продуктами. Он был из старослужащих, и я, смотря на него, думал: „Пойду попрошу хлеба“. Но наперед знал, что он скажет: „Пошел вон, салага, дембеля тоже голодные“. Выскочив из кабины, я все же подошел и говорю: „Дай кусочек хлеба“. Он, к моему удивлению, отломал полбуханки хлеба, насыпал полную горсть рафинада и еще дал горсть чернослива.

Сложив все это в каску, я сел в машину, колонна снова тронулась, а я на ходу в течение короткого времени все это проглотил. Но когда я все съел, то вдруг вспомнил, что говорил Господу о моем голоде, и возблагодарил Его за то, что Он насытил меня.

За два года службы я видел множество машин и боевой техники, которые были обстреляны или подорваны. Часто случалось, что комендантская служба остановит и не пропускает два или три часа. А после проезжаем участок обстрела, на котором пылают десять или двадцать машин. Это выглядит жутко, словами не описать, но хочу сказать, что среди этого ужаса Господь хранил всю нашу колонну.

Однажды мы, загрузившись в Хайратоне, возвращались в Кабул. Уже темнело, а мы только пересекли высокий перевал Саланг. Подъехали к одному из дорожных пунктов. Ночью по закону передвижение советских колонн запрещалось, и мы, подъезжая к пункту, мечтали отдохнуть, поесть и поспать. За полтора года службы мне ни разу не приходилось ездить ночью в горах, так как ночь — самое удобное время для обстрела. Мы уже начали ставить машины рядами, как мы обычно становились на ночевку, но командир колонны, возвратившись от начальника дорожного пункта, сказал, что мы продолжим движение до следующего пункта ночевки, до которого часа три езды.

Мы все, удивившись, расселись по машинам и поехали. Ночь была темная, ни луны, ни звезд на небе не было, ехать во тьме среди скал было страшно и неприятно. Казалось, что вот-вот откроют по нас стрельбу. Но, слава Господу, мы доехали без происшествий. Поев и устроившись в своих машинах на ночлег, мы уснули.

На следующий день, когда все были готовы к выезду, командир колонны, как положено перед выездом, пошел на консультацию к начальнику этого дорожного пункта. Возвратившись от него, он выглядел встревоженно. Построив роту, он рассказал, что этой ночью на том месте, где мы должны были ночевать, стояли другие колонны. Примерно через час после того, как мы оттуда уехали, душманы с обеих сторон стоянки со скал в течение часа обстреливали из гранатометов и из другого оружия эти колонны. В результате этого страшного обстрела около ста машин сгорели, двадцать солдат были убиты, а пятерых вообще не нашли среди этого месива обгорелых машин и человеческих тел. Мы, услышав эту ужасную новость, представляли себя на их месте. А я, зная о нарушении нами закона передвижения, подумал: „Господи, неужели только из-за меня Ты сохранил колонну?“

Я видел чудную руку Божью, которая меня и в тот раз сберегла от смерти, и удивлялся: „Господи, почему Ты так заботишься обо мне и хранишь меня?“ Сейчас я знаю, почему. Потому что Его любовь и милость безмерны. Он отдал Сына Своего за нас. Кровь Иисуса Христа лилась с голгофского креста за меня и за вас. Слава Господу!

Безмерна любовь Его к тебе, дорогой друг! Если твое сердце еще не принадлежит Ему, ты просто остановись и подумай: для чего ты живешь. Библия говорит: „Вкусите и увидите, как благ Господь! Блажен человек, который уповает на Него!“ (Пс. 33:9). Бог ждет, когда ты обратишься к Нему и испытаешь Его сам, и тогда Ты не из моих слов, а сам узнаешь, как Он благ!

Иван ЗАЙЧЕНКО

ОН НИКОГДА НИ НА КОМ НЕ СТАВИТ КРЕСТ

Я рос сиротой. Когда умерла мать, мне было девять лет. Очень рано стал употреблять алкоголь, позже — наркотики. Начал воровать — и угодил за решетку. В двадцать лет моя жизнь была изломана, изуродована полностью. Я потерял цель в жизни, потерял веру в себя, потерял друзей. Говорят: „Если человек смеется, с ним смеются все, но если плачет, то плачет один“. Так получилось и со мной. Но, слава Богу, у меня была верующая пятнадцатилетняя племянница. В 1994 году я отбывал наказание в лагере с усиленным режимом в Сумской области. Племянница жила в Днепропетровске. Каждое ее письмо было проповедью, наполненной Божьей любовью. Но тогда я этого не понимал, меня эти письма только раздражали. Но Слово Божье, если сеется усердно, всегда приносит плод. Мне прислали Библию, позже стали приходить журналы „Вера и жизнь“. Я их читал, и мне они очень нравились. Сейчас я уже год и семь месяцев верующий человек. Познал Господа, новую жизнь, радость, мир и покой. Я посвятил всего себя Господу. Хочу ездить в места заключения и проповедовать Евангелие, но для этого нужно получить разрешение из МВД области.

Когда я был в заключении, мне нравилось читать Библию, духовную христианскую литературу, хотя я почти ничего не понимал. Но перемены в своей жизни чувствовал: стал спокойным, чудом освободился раньше срока. Вместо трех лет я отсидел один год и одиннадцать месяцев: должен был освободиться 8 января 1997 года, а был к этому времени уже почти год членом церкви.

Я не боюсь говорить о своем прошлом, я всегда говорю о славе Божьей, о том, что сделал со мною Бог, кем я был и кем я стал. Недавно ездил домой, в родную деревню, откуда уезжал преступником, но приехал совершенно новым человеком, со Словом Божьим, христианской литературой. Проповедовал. Прежние товарищи не понимали меня, но слушали с интересом. Когда-то на мне поставили крест, я сам пытался покончить с собой. Но, слава Богу, Он никогда ни на ком не ставит крест. У Него был особый план и для меня. Я мечтаю снова поехать на родину, так как там нет церкви. Мне трудно было смотреть на то, как погибают мои товарищи от алкоголя, наркотиков, многие из них судимы. Я молюсь о жителях этой деревни. Знаю, что мой Господь поможет им.

Роман ФЕДОРЧЕНКО

КОГДА Я ОСТАЛАСЬ ОДНА...

Я учусь в Одесском государственном университете. Воспитывалась в неверующей семье, отец пил. После долгих и несчастных 17 лет совместной жизни родители развелись. Каждый унес с собой одиночество, горечь и ощущение несчастья. Несмотря на равнодушие родителей к Богу, я с раннего детства часто задумывалась о Боге. По-детски беседовала с Ним, размышляла, чего-то просила, даже обижалась, если не получала. Позже начала ходить в православную церковь, но по-прежнему не знала ни слова из Библии и ничего о Самом Боге. Когда впервые попала на служение к евангельским христианам, приняла истину сразу, но не с восторгом и покаянием, а как должное. Вот тогда и начался мой путь за Господом — долгий, со взлетами и падениями, со слезами и депрессиями. Но депрессии от моего неправильного отношения ко греху. Я не осознала всю важность того, что сделал для меня Христос. Легкость и беззаботность привели меня к падению. Я пошла против воли Господа, я предала тех людей, которые любили меня и верили мне. И когда я осталась одна перед стеной, за которой был Господь, я осознала, что без Него я не смогу жить, и молила Его о прощении. Я чуть не физически почувствовала Его прикосновение, почувствовала, как Иисус обнял меня, и впервые поняла, как я люблю Его, — Он моя жизнь. Порой бывает очень тяжело — вся группа в университете неверующая, весь день проводишь в среде людей, далеких от Бога, приезжаешь домой, к неверующей маме. Мама — человек интеллектуального труда, и поэтому ей тяжело логическим мышлением достичь истин Божиих. Но я молюсь о ней и верю, что она придет к Богу.

Маргарита БАДЬЯНОВА

ПРЕТЕРПЕВ МНОГО СКОРБЕЙ

Недавно мы с мужем Владимиром примирились с Господом нашим Иисусом Христом и получили бесценный дар — жизнь вечную. Мы уже раньше давали обет служить Господу. Но случилось так, что каждый из нас по-своему отошел от Господа и стал вести жизнь, полную греха. Основным и самым большим моим грехом была водка. Я стала сильно пить, а ведь у меня трое детей: две дочери и сын. Очень страдала моя семья. Это время было сплошным кошмаром для моей семьи и наших родственников. Я два раза лечилась в больнице от алкоголизма, по выходу обещала мужу и детям больше не пить. Но проходило немного времени, и я опять принималась за старое. А остановиться было все труднее. От меня отвернулись мои дети и муж. Муж хотел ставить вопрос о лишении меня родительских прав. На работе у меня тоже были крупные неприятности. Я работала продавцом, и из-за постоянного пьянства у меня была растрата. Запуталась я в жизни окончательно и пришла к решению рассчитаться с ней. Я считала, что никому не нужна. Но Господь милостив и любвеобилен. Он оградил меня от этого шага, и я осталась жива. Претерпев много скорбей, я со слезами раскаяния обратилась к Господу. Вместе со мной покаялся и мой муж. Вся наша церковь плакала и радовалась за нас. Мы похоронили наши грехи и возродились для жизни во Христе. Какая это прекрасная и светлая жизнь! Как легко и радостно жить со Христом! У нас появилось много друзей — братьев и сестер. Мы вместе с христианской молодежью посещаем дом престарелых, интернат, а также и в церкви служим Господу. Я очень люблю христианскую поэзию и читаю стихи на собраниях.

Я бесконечно благодарна Господу за то, что Он провел меня через все страдания и привел к Себе. Ведь только сейчас я узнала, как светла и радостна жизнь со Христом, а без Него — тьма и гибель.

Сейчас в нашей семье царят любовь и согласие. И так хочется, чтобы наши трое деток были с Господом нашим.

Ольга ЕФИМОВА

ПАВЕЛ

Павел метался в поисках выхода: названивал в аптеки, наводя справки о новом противоалкогольном препарате, который недавно расхваливали по телевизору, пробовал связаться с врачом-наркологом и даже подумывал закодироваться...

А между тем голова раскалывалась от боли, к горлу подступала тошнота, руки тянулись к сигарете, а плоть, ужаленная грехом, требовала одного — надо опохмелиться, хотя бы пивом.

Потом все стало просто и привычно, как будто и не было этих прекрасных пяти лет абсолютной трезвости...

Впрочем, нет: не так уж просто...

Прежде чем прильнуть жадными губами к горлышку бутылки, он задвинул засов на дверях, отключил телефон и задернул шторы на окнах. „Так легче обмануть, — думал он, — пусть считают, что я куда-нибудь уехал. Обмануть? Но кого? Людей? Себя? Бога?“

Он находился в запое уже девятый день. Но молитвы друзей и братьев по вере не умолкали перед Господом, и Дух Святой тревожил его душу, бередил совесть и не давал ему возможности забыть всего, что было совсем недавно.

И поэтому, лежа на диване перед гремящим и орущим телевизором, он ничего не слышал и не видел. Взор его был обращен внутрь себя, и невидимый киномеханик, помимо его желания, прокручивал перед ним другое „кино“. Кадры этого фильма, кадры из той его недавней, счастливой, духовной и абсолютно трезвой жизни наполняли его сердце такой неизмеримой болью, что, размазав по щекам пьяные слезы, он закричал: „Господи, я бы не упал, если бы Ты не разлюбил меня! Это Ты, Ты виноват во всем!“ А в памяти опять все смешалось, и он вдруг увидел себя под проливным осенним дождем, раздетым и разутым, с разбитым в кровь лицом, грязным и пьяным.

Ноги товарищей, обутые в кованые ботинки, только что топтали и били его, и теперь ему не хотелось шевелиться под потоками холодного дождя, хотя липкая, грязная жижа лезла ему и в нос, и в уши, и за пазуху. Чьи-то слабые добрые руки старались поднять его из этой жижи, и чей-то голос мягко, но настойчиво уговаривал его:

- Сынок, тебе нельзя оставаться здесь. Ты простудишься.
- Оставь меня, бабка! — орал он в ознобе. — Ненавижу всех!

Но женщина не отставала и не оставляла его, и наконец он, ругаясь и цепляясь за нее черными от грязи руками, попытался встать и, повиснув на ее плечах, сделал первые шаги.

Как дошли до ее дома, как раздевался, чистился и мылся, он не помнил.

Только утром, проснувшись в чистой и мягкой постели, сказал сквозь зубы пожилой незнакомой женщине, склонившейся над ним:

- Зря ты, мать, это сделала. Лучше бы мне там остаться. Нелюдь я.
- Бог любит всех! — мягко возразила женщина. — Вставай, чай пить будем.
- Ну, ты даешь, мать! А если я тебя обворую или убью, к примеру? Нельзя подзаборникам доверять. Время сейчас такое.

— Да, время сейчас последнее. Как звать-то тебя? Меня можешь звать тетей Пашей.

— А меня — Павлом. Выходит, мы тезки. Надо же, как бывает.

Два дня прожил у нее Павел.

Кованые ботинки хорошо „поработали“ над ним: болело все тело. Его и разули, и раздели для смеха... Да, в холод не побежишь босиком.

Но все как-то обустроилось. И одежду, и обувь собрала тетя Паша. Даже шапку совсем хорошую подарила. Говорила, верующие дали... Павел в ответ на все это только плечами пожал и ушел, чтобы никогда не возвращаться.

Помирился с друзьями, но часто, склонившись над рюмкой, задумывался: „Почему она так поступила?“ Эта мысль настолько не давала ему покоя, что он опять как-то вечером постучался в знакомый домик, и просидели они, разговаривая, до глубокой ночи. А потом встречи эти стали все чаще, а беседы — продолжительнее.

Тетя Паша не столько рассказывала ему о себе, сколько открывала перед ним Бога. Божий Сын лежал перед ним в яслях; будучи взрослым, ходил по земле, исцеляя человеческие души и из любви к человеку пошел на крест.

Пока он слушал вполуха, верил и не верил, но, помня ее добро, не спорил с тетей Пашей.

И как-то он пошел с ней на собрание. Понимал он далеко не все, а временами — совсем ничего, будто проповедники говорили на иностранном языке, но опять и опять думал: „Если о Боге говорят столько серьезных, солидных людей, значит, Он действительно есть“. И уж совсем растерялся и разволновался, когда впервые в жизни пришел он с тетей Пашей на христианскую свадьбу, то есть на брачный пир, так называли свадьбу христиане. Было много гостей. Дымящиеся пельмени и ароматные шашлыки, на закуску замысловатые салаты, несколько сортов колбас и сыров, торты, пирожные, фрукты — в общем, все, как и на свадьбах, на которых он когда-то бывал.

Но эта свадьба началась с молитвы, и у него запершило в горле, и навернулись слезы от тех необыкновенных сердечных слов, которыми пастор благодарил Бога за этот пир.

И еще: на столах стояли высокие кувшины с напитками, и не было ни одной бутылки с водкой или вином. Не верилось глазам — как под такую закуску да не выпить сто граммов?! С чего тогда и веселиться-то? Но вокруг было столько веселья. Лица светились улыбками, звучала музыка, молодежь пела, читала стихи. Вот только, вслушиваясь в слова песен, что пели на свадьбе, он опять удивился и прослезился. Никто не повышал друг на друга голоса, ничьи головы не плавали в тарелках, никто не свалился под стол и никого не выводили под руки, уговаривая не бузить. И показалось ему, что он действительно находится в нереальном мире, среди собрания святых, и от того собственная нечистота стала отчетливей и совсем невыносимой.

Внешне, однако, его жизнь оставалась прежней. С группой молодых и сильных парней он все также обходил рыночных торговцев, собирая мзду для сегодняшних хозяев жизни. А вечером напивался до беспамятства, стараясь утопить в водке растущее недовольство собой и восстановить утерянное душевное равновесие.

Но что-то уже изменилось, сломалось, сдвинулось в нем. Словно кто-то любящий и сильный бережно взял его душу в свои руки, исцелил ее, больную, и ненавязчиво выводил на свет.

Но свет этот пока только слепил его. Он упирался, и царапался, и, вынырнув на свет, снова уползал в привычную тьму.

И все-таки опять и опять приходил в маленький гостеприимный домик тети Паши, и плакал с нею над своей нескладной судьбой, и молился. Впервые в жизни. Товарищи его, чувствуя это его душевное раздвоение, пытались „наставить и спасти“, даже грозились сжечь домик этой „колдуньи“, как они называли тетю Пашу, из-за которой „поехала крыша“ у их кореша. Но все было напрасно: он все реже и реже был в кругу друзей и все чаще уходил на собрание общины, где с каждым днем ему становилось уютнее и теплее.

„Не здоровые нуждаются во врачах, но больные“. И он почувствовал себя вдруг труждающимся и обремененным, увидел себя той блуждающей на дорогах греха слабой, неразумной овечкой, ради которой добрый Пастырь Иисус Христос, оставив многочисленное стадо, вернулся во тьму, чтобы вынести ее на собственных руках на пажити возрождения и света. Павел все чаще и чаще стал называть старую женщину матерью, с каждым днем все больше и больше привязываясь к ней. Он знал, в чем ему каяться пред Иисусом, но что-то еще останавливало и смущало его. Пока он не мог сделать этого, хотя душа его страдала и плакала, а потревоженная совесть не давала спать по ночам. Но Христос больше не оставлял эту душу, и Павел уже видел в Нем Друга, Целителя и Спасителя, понимая, что путь к Богу лежит через примирение с Христом. Божий Сын стал для него реальной личностью, принявшей страшную, мучительную смерть на Голгофе ради того, чтобы ему, Павлу, подарить новую жизнь на земле и спасение в вечности. А поняв это, опустился на колени перед Тем, Кто пожертвовал для него жизнью. А потом, в оглушительной трезвости стоял перед квартирой своей „бывшей“ жены Светланы и трехлетней дочке Марины, единственных дорогих и близких людей на свете, кого поменял когда-то на пьянку и бесшабашную жизнь.

Стоял долго, не один и не два дня, безропотно снося упреки жены и не выказывая перед ней своих прежних мужских амбиций. Светлана отказывалась верить в то, что он стал другим. Маринка пугливо пряталась за спину плачущей матери. Но он молился Иисусу, и примирение состоялось. А потом, примиренные, радостные и счастливые, они пили чай с вареньем у тети Паши, и Маринка, не покидая колен старой женщины и ласкаясь к ней, допрашивала ее с пристрастием:

— А ты, правда, моя бабушка? Самая настоящая?

— Правда, правда, внученька, — говорила новоиспеченная бабушка, бережно прижимая девочку к себе.

Когда-то давным-давно она похоронила мужа, а потом и сын попал в аварию по пьяному делу...

Павел и Светлана вышли из детдома и родительской ласки не знали совсем. Так Господь Иисус Христос объединил эти одинокие сердца в одну дружную христианскую семью. И все-то у них получалось и спорилось.

Светлана, увидев своего мужа другим, сразу и безоговорочно приняла Иисуса Христа в свое сердце. Маринка посещала христианскую школу. За пять лет безоблачной и мирной жизни родителей у нее появились два братика и сестричка. Светлана работала в воскресной школе. Павел вернулся к своей старой профессии — столярничал в небольшой мастерской. У него были золотые руки.

...И вдруг страшное, черное прошлое опять ворвалось в их жизнь.

Теперь, лежа на диване в своей старой холостяцкой квартире, он прокручивал в памяти каждый день того прекрасного трезвого жития, которое дал ему Иисус Христос, а больной истерзанный организм ждал утра, чтобы опохмелиться.

Он чувствовал себя одиноким, заброшенным и никому не нужным человеком, забывая о том, что сам сжег мосты между собой и близкими людьми, но винил в случившемся не себя, а лишь одного Бога.

„Ну, конечно, — рассуждал его распаленный водкой мозг, — если бы Он действительно любил меня, Он бы не допустил моего падения. А может, и нет Его совсем. Напридумывала все тетя Паша, неправду говорят проповедники. Библию ведь тоже люди писали“.

„А может, ты и прав. Ну, конечно же, прав, — нашептывал ему кто-то в уши. — Все эти годы ты просто старался быть хорошим и стал им. И завтра, если захочешь, опять возьмешься за ум — и без всяких там постов, молитв и покаяний“.

„Но ведь я пью уже десятый день и никак не могу остановиться“, — спорил с кем-то Павел. А этот кто-то, обволакивая его земной, человеческой логикой, которая когда-то привела его к беде, говорил ему то, что хотел слышать споткнувшийся и упавший человек: „Ну и что? У тебя за спиной годы трезвости. Ты молодец. Завтра опохмелишься и начнешь трезвую жизнь“. — „И правда, что это я — с ума сошел, что ли? Какой Бог? Где Он? Ничего нет. Пустота!“

«Сказал безумец в сердце своем: „Нет Бога“».

Он рывком приподнялся на кушетке и, разглядывая замысловатый рисунок ковра на полу, задумался над предложенной сатаной темой.

И вдруг яркий орнамент ковра ожил и зашевелился под его взглядом. Кусочки рисунка, превращаясь в живых гадов и червей, ползли к его ногам; извиваясь и шипя, змеи пытались ужалить его. Ужас сковал его. Подобрав под себя ноги, он перевел взгляд на стены и потолок, но и оттуда страшными гирляндами свисали отвратительные живые существа. Они ползали по стенам, выглядывали из книжного шкафа, покрывали письменный стол. Рука его потяну-

лась к спасительному телевизору, но из черноты потухшего экрана на него смотрели глаза сатаны, и столько было в них ненависти и злобы, что он, оцепенев под этим взглядом и сжавшись в комок, закрыл глаза и, крепко сжав руками голову, непроизвольно начал молиться, крича: „Господи, Ты поругаем не бываешь! Не отнимай у меня разума, прости меня. Ведь это не Ты, а я оставил и предал Тебя. Я отодвигал в сторону Библию и забывал молиться. Я пренебрежительно относился к предостережениям и критиковал Твоих служителей. Я, я, Господи, приставал к Тебе с несбыточными желаниями, а когда Ты молчал, подвергал сомнению Твое существование. Это я украдкой выпивал и покуривал с поделниками, пропускал собрания и обижал жену, когда она с любовью осмеливалась делать мне замечания. Как же быстро я забыл, из какой грязи Ты меня выгацил и что дал мне! Господи, не оставляй меня, не отдавай сатане, верни мне Свою любовь и продли ту мою прекрасную жизнь с Тобой, которую дал мне однажды“.

Павел рыдал, очищая свою душу покаянием, и любящий Господь снова услышал его. Когда он опустил руки и открыл глаза, комната имела прежний вид: старый потертый коврик под ногами, голубые в цветочках обои, белый потолок и письменный стол, на котором лежала Библия и стоял отключенный телефон.

За окном брезжил рассвет. Подключив телефон, он углубился в чтение Библии.

А спустя некоторое время, несмотря на ранний час, стал собираться на собрание.

Евгения ВАВРИНЮК-СОЛДАТОВА

ТАКОЕ БОЛЬШОЕ „Я“

Мне 39 лет. Родилась в семье пьющих родителей. Кто знает, что это такое, тот поймет меня. Это — нищета, оскорбления, бессонные ночи, короче — разбитое детство. К тому же я сильно заикалась. В 10 лет уже появились мысли о самоубийстве. Были даже попытки, но что-то постоянно мешало. Теперь я знаю, что это была любящая рука Бога.

В 12 лет умер отец: острое отравление алкоголем. Но мать не останавливалась, продолжала пить. К четырнадцати годам я уже сама и пила, и курила. Но у меня появилась страсть к чтению романов. Я „упивалась“ книгами А. Дюма и других писателей. И все ждала своего „принца“, который сделает меня счастливой, будет носить на руках, понимать с полуслова, полувзгляда, который за меня способен отдать жизнь. Но чем больше я познавала людей, тем больше и больше разочаровывалась в них. В двадцать лет я все чаще стала думать о самоубийстве. К тому времени я была уже замужем, и у меня был сын. Мой брак был на грани развода, так как муж открыто изменял мне. От самоубийства меня останавливали только мысли о ребенке. Я понимала, что он ни в чем не виноват и, кроме меня, никому не нужен. Но я все время хотела, чтобы со мной произошел какой-нибудь несчастный случай со смертельным исходом. Тогда вроде бы я и не буду виновата, что меня нет.

Потом второе замужество. Первый раз я вышла замуж, потому что полюбила, но оказалось, что меня не любили. Второй раз наоборот: меня любили, а я — нет. Но я думала, что гораздо важнее, чтобы меня любили. Стерпится — слюбится. Но оказалось, что это не так. Если не любишь человека, то постепенно он начинает тебя раздражать все больше и больше, пока ты его возненавидишь. Тем более, что мой второй муж оказался очень ленивым. Я хотела иметь мужа, за чьей спиной могу спрятаться, а этот сам искал спрятаться за моей спиной. Я очень устала от него. Опять дело шло к разводу. И тут он показал свое „я“. Он издевался надо мной и угрожал ножом. К этому времени я уже лечилась у психиатров, мое здоровье было сильно подорвано. Но я все-таки развелась, дав себе слово, что уже никогда не выйду замуж.

В то время я думала только о себе, о своих переживаниях, о несправедливости людей ко мне, винила в своих неудачах всех и вся! Я чувствовала себя жертвой людской черствости. Других людей я не видела. Меня не интересовали их переживания, их чувства. Мое „я“ затмевало мне все остальное. Я сейчас хорошо понимаю людей, которые находятся в тюрьме своего „я“. Это ужасно, и это ведет к сумасшествию. Опять же, только благодаря Божьей милости я жива и в своем уме. Не прошло и полгода, как поется в одной песне, и я опять замужем. Теперь я встретила очень хорошего человека, который действительно взвалил на свои добрые плечи и меня со всеми моими недостатками, и моего сына. Хоть я тогда еще не верила в Бога, но почувствовала первый раз в своей жизни, что Он есть. Но через некоторое время я опять поняла, что хочу развестись. Я ужаснулась себе, увидела, что ни с кем не могу жить спокойно. Внутри меня жило такое большое „я“, что его никто не мог накормить. И снова мысли о самоубийстве. Теперь я уже знала, что о моем сыне есть кому позаботиться. В моем мозгу постоянно крутилась навязчивая мысль: „Ты устала! Ты очень устала от жизни! Но можно уйти...“ У меня была апатия ко всему, постоянные депрессии, никакой радости в жизни...

К этому времени выяснилось, что у моего сына отклонения в психике, трудности в учебе и в отношениях со сверстниками. Плюс к этому некоторые физические недостатки. Временами казалось, что он вообрал в себя всю нездоровую наследственность и по линии своего отца, и по моей. Я постоянно испытывала чувство вины перед ним. Оно давило на меня. И опять мысли: „Я устала... устала...“ Сейчас я понимаю, что, не видя в детстве ни любви, ни

теплоты, я не получила внутри себя того потенциала силы, который помог бы мне жить, испытывая трудности (без них ведь не обойдешься). Я просто не справлялась со своей жизнью, не умела жить. Меня никто не научил. Человек — это такое существо, что ему нужен предмет для подражания.

Я знала только два пути: или пить, как мать, или поступать, как героини прочитанных мною романов. Пить я не хотела, а жить, как героини, не срабатывало — не те времена. Разве только закончить, как Анна Каренина, самоубийством.

Однажды я совершенно случайно оказалась на собрании христиан. И Бог коснулся меня. Я тогда еще ничего не знала об Иисусе, почему Он умер (я же Его не просила), но я всем своим сердцем поняла, что у меня есть Отец, Которому я небезразлична. Меня поразила мысль, что Тот, Который сотворил все, любит меня! Не только видит меня, такую песчинку во вселенной, но я драгоценна для Него! Это состояние невозможно описать словами! И я отдала свою жизнь, с которой уже не знала, что делать, в Его сильные руки, приняв Его Сына в свое сердце. Некоторое время спустя я получила откровение, что Иисус Христос, отдавший за меня Свою жизнь, и есть тот принц, Которого я искала всю жизнь! Он меня любит такой, какая я есть. Когда я падаю, не могу идти, Он несет меня на руках, Он всегда рядом (что не может ни один человек на свете!), Он всегда за меня, а не против. Иисус отсеивает происходящее со мной через особое решето, оставляя только то, что я могу перенести и что послужит мне ко благу и к назиданию. Мой Небесный Отец через Сына Своего вложил в мое сердце тот необходимый для жизни потенциал любви, который помогает преодолевать трудности, принимать людей такими, какие они есть, держать свое „я“ на кресте. Знаете, сначала я познавала любовь Отца, как елей для сокрушенного сердца. Он открывал мне, что Он сделал для меня. Но потом Он сказал: „Моя любовь есть не только утешение. Иди дальше... Она поведет тебя на крест. Кто следует за Мной, но не берет креста своего, тот недостоин Меня“. Крест — это место, где моя воля перекрещивается с волей Отца. Я верю, что у каждого истинно верующего будет его Гефсиманский сад, может быть, и не один. Это больно... Но потом — победа и торжество во Христе Иисусе. Иногда мне казалось, что Бог поступает со мной жестоко, но потом я видела за этим любящую руку Отца, Который дисциплинирует и воспитывает, ибо Он наказывает всякого сына, которого принимает, и дочь тоже. Знаете, я когда-то читала: если родители не наказывают своих детей, то у последних с годами появляется чувство незащищенности. То есть у них нет уверенности в том, что за ними следят (в хорошем смысле слова), что они нужны, что их пути и дела интересуют родителей. Поэтому я принимаю Божьи обличения и наказания как великую благодать! Значит, Он все еще со мной! Значит, Он любит меня!

Надежда СИПЧУК

О БОГЕ ДАЖЕ НЕ ГОВОРИЛИ

Выросла я в обычной семье, в ней о Боге даже не говорили. Все шло более или менее хорошо до тех пор, пока я в 14 лет не уехала далеко от родителей учиться. У меня появились проблемы со здоровьем.

Лежала я в различных больницах, даже в Минске и Киеве. Лечение результатов не давало. Я тогда не хотела понимать, что есть люди с более тяжелыми недугами, которые мучаются намного больше меня. Я хотела быть здоровой и не знала, что Бог приближал меня таким образом к Себе. Я приходила в отчаяние и не раз хотела уйти из этой жизни. Но я боялась, что моя мама этого не переживет. Теперь я понимаю и благодарю Бога, что Он хранил меня.

Надежда на выздоровление появилась вновь, когда я приехала на юг, в санаторий. Там я познакомилась с Инной из Киева. Три недели прошли быстро. Мы разъехались. Я начала писать Инне и осенью приехала в Киев. Но и это не дало мне покоя, так как мысли о болезни не покидали меня. Я думала, что все мои неудачи из-за того, что мама меня в детстве не крестила. Поэтому я решила принять крещение в православной церкви (другой церкви тогда я не знала). В какой-то высший разум я верила. Было мне почти 18 лет.

В церкви меня поразило то, что за обряд крещения берут большие деньги. Студентам никаких скидок не было, и я выбрала „хлеб насущный“ на каждый день. Но, когда я выходила из храма, одна женщина подошла ко мне и предложила услуги батюшки на дому за доступную мне цену. Меня это очень удивило и насторожило, но все же я пошла домой к этому батюшке, и он крестил меня. После этого в моей жизни не было изменений к лучшему, только пополнилась „коллекция“ суеверий (я не снимала крестик, который подарил мне батюшка).

Я разочаровалась в традиционной медицине, поэтому стала приезжать в Киев за помощью к экстрасенсам и народным целителям, среди которых была и Н. Зубицкая. Да, эти люди исцеляют, но не именем Христа, хоть они и говорят, что посланы Богом и имеют иконы. Я получала временное исцеление и говорила врачам и родным об этом „чуде“.

Со своей знакомой из Киева я продолжала переписываться. Со временем ее письма изменились (она приняла Христа в свое сердце). Инна не писала мне о покаянии, не навязывала верить в Иисуса Христа. Я запомнила строки о радости ожидания воскресного дня и посещения церкви.

Когда я приехала в Киев на очередной сеанс к экстрасенсу, Инна пригласила меня в церковь. Я охотно согласилась, думая, что мы пойдем в какой-то собор. Но вот мы пришли в обычный большой зал. Удивило отсутствие свечей и икон. Обычные люди читали Библию и обсуждали прочитанное. После окончания разбора Слова я получила ответы на множество возникших вопросов. Христос осветил меня, и я поняла, что нуждаюсь в прощении грехов. Я обратилась к Богу в молитве покаяния и получила духовное исцеление. Я шла к Нему не за физическим здоровьем, но Бог позже исцелил меня по Своей воле. Слава Ему!

Светлана С.

А ЗА ОКНОМ СТОЯЛА НОЧЬ

Моя жизнь вряд ли очень отличалась от жизни моих сверстников: детство, школа, армия, потом семья... Ребенком в религиозные праздники я с матерью ходила в католическую церковь. Да, я знал о распятии Христа, но не имел понятия, какое это имеет отношение ко мне лично. Суть христианства для меня заключалась в многочисленных обрядах. Притом и время было такое, когда верующие считались темными, суеверными и как бы „второсортными“ людьми. Нет, не был я врагом Господа в чисто человеческом понимании, но не был и ревностным верующим. Глядя на природу, на чудесное строение всего, от малого до великого, допускал, что есть какая-то „высшая сила“, но это мне мало помогало выдерживать разные испытания в жизни. Помню, как, будучи четвероклассником и начитавшись греческих мифов, я сделал жертвенник греческим богам. Можно, конечно, посмеяться над этим, но, с другой стороны, это говорило о некоей скрытой жажде общения с Богом и о том, что я завидовал героям Эллады, имевшим такую возможность.

Жизнь шла своим чередом. С годами накопились вопросы, на которые не находил ответа. Наступил 1989 год, год „духовного Ренессанса“, как я это называю, год, когда я резко повернулся лицом к духовным ценностям. Однако вскоре узнал, что за грехи недавнего прошлого я исключен из католической церкви. Нет, не было какого-то персонального вердикта, просто однажды, читая католический журнал „Каритас“, узнал, что есть список грехов, за которые, по велению папы Римского, человек автоматически отлучается от церкви, он и все те, которые способствовали содеянному. Моя-то вина состояла в том, что я не помешал другим совершить злодеяние. Это значило лишь то, что все мои исповеди и причастия давно уже ничего не значили, более того, если продолжу исповедоваться и причащаться, — Бог может посчитать это святотатством.

Не знаю, есть ли такое указание папы, но я оказался в полном смятении. Что делать? Как мне дальше быть? Христос говорил, что не здоровым нужен врач... А вот тут так просто: согрешил — и нет дороги назад...

Шли недели, месяцы... „Раз тут мне было отказано, может, есть какой-то другой путь к Богу?“ — не раз думал я, все более и более увлекаясь восточными философиями, индускими мистиками, теософией, разными религиозными течениями, что в те годы начали обильно появляться в Литве. Трудно даже все перечислить. „Глотал“ книгу за книгой. За несколько лет я нахватался всякого, но, к моему великому удивлению и сожалению, количество познаний не перешло в качество, то есть я не приблизился к Богу даже на йоту. Более того, мои многочисленные эксперименты с оккультными вещами, НЛО и т. д. отнимали уйму времени, духовные и физические силы. События грозили стать неуправляемыми, опасными для жизни в целом. Да, все это я сознавал, но не мог остановиться. Мне казалось, что я вот-вот приближусь к Тому, Кого называют Богом, вселенским Разумом, то есть достигну того, что неоднократно испытывали мистики и йоги, некоторые мои новые знакомые... Но это была лишь иллюзия: я гнался за чем-то эфемерным, что удалялось от меня, как горизонт удаляется от путника.

Развязка наступила летом 1993 года. Однажды вечером я стал читать книгу „Смерть одного гуру“, написанную бывшим индуским гуру Р. Махараджем. Позже он стал христианином и описал свой путь к Спасителю мира. Там я нашел ответы на многие свои вопросы. Я понял, на сколь шатком пути оказался, поверил автору той книги. Я нашел, что некоторые его переживания поразительно схожи с моими...

Потом начал молиться. Раскаялся. Как будто одним взглядом сумел охватить все свое прошлое. Я почувствовал, что тяжелая ноша, с которой ложился спать и вставал, куда-то исчезла. Хотя за окном стояла глубокая ночь, я соприкоснулся с чем-то неземным, светлым и радостным: это была любовь Божья и Его прощение, а в ответ — святейшее чувство первой любви к своему Спасителю.

Жизнь моя начала стремительно изменяться к лучшему. Я вижу, что Он творит чудеса и по сей день. Отец Небесный принял Своего блудного сына, одел и насытил, излил Свою неизмеримую благодать, не взирая на упреки сына-„праведника“. Его не испугала моя греховность и мои пороки, ибо Он есть Любовь, заплатившая все сполна на Голгофе. Аллилуйя!

Ромуальдас БАЛЮТАВИЧЮС

НА КОЛЕНЯХ В ЛАЗАРЕТЕ

...Хочу рассказать об одном матросе. В период с января 1992 года по октябрь 1993 года я проходил воинскую службу на учебном корабле „Хасан“ Балтийского флота. В ту пору в душе моей не было живой веры в Бога, я понимал, что Бог существует, и хотел прийти к Нему, но как? Этого я не знал. У меня в семье не было истинно верующих, никто не изучал Слово Божие, однако в глубине души жажда познания истины жила.

И вот на корабле появился паренек из Тулы. К моему сожалению, не помню его фамилии и даже имени точно не помню. Если не ошибаюсь, то его звали Сережей. Среди матросов прошел слух, что этот Сережа верующий, баптист. А я до этого не видел еще ни одного баптиста в своей жизни. Слышал только, что есть такая секта. Сережа по сроку службы был младше меня, и я как-то не обращал на него никакого внимания. А был я на корабле санинструктором. И вот Господь привел Сережу в медблок с гнойными язвами на ногах. Надо сказать, что эта болезнь часто встречается у ребят, которые служат в армии, на флоте. И я наблюдал за Сережей: что же это за человек, которого называют баптистом? Мне пришлось по душе его спокойный нрав, я знал, что он читает Библию. И вот однажды я возвращался после развода в лазарет с целью поднять больных на уборку помещения, что соответствовало инструкции, и, открыв дверь, я замер, как бы на ходу врезавшись в стену, меня даже отбросило на шаг назад. Сережа стоял на коленях в лазарете перед раскрытой Библией и молился. На меня это подействовало ошеломляюще, я вышел и потихоньку закрыл двери, чтобы ему не мешать вести беседу с Богом, и никого не впускал, пока он молился. Знаете, то, что Сережа из молодого призыва и не стесняется открыто молиться, произвело на меня большое впечатление и заставило серьезно задуматься.

Потом мы с Сережей иногда беседовали, он рассказывал мне о Боге и подарил свою Библию, которую я тогда начал читать. А покаюсь я лишь в 1996 году, когда у нас, на Ставрополье, проводил евангелизацию Виктор Гамм. Однако я постоянно вспоминаю тот случай на корабле и понимаю, что Дух Святой свидетельствовал мне через Сережу. Хотелось бы сказать Сереже: „Спасибо, брат, ты был соратником Иисуса Христа в приводе моей души к Нему. Думал ли ты тогда, что твоя болезнь, приведшая тебя в лазарет, послужила ко благу?! Ты стал первым указателем на моем пути к Иисусу Христу“.

Душа моя ликует,
Славит Господа, поет.
Не сломить того, в чьем сердце
Иисус Христос живет.
Алилуйя, Вседержитель!
Слава, Господи, Тебе!
Ты средь миллиардов жизней
Знаешь, помнишь обо мне.
Звал Тебя, и Ты услышал!
Отыскал во тьме греха —
В этом страшном, падшем мире,
Здесь, где правит сатана...

Константин ЛОСКУТОВ

УЙДИ, ПАПА!

Мы лежали в траве на опушке леса. Вокруг нас царил тишина теплого летнего дня. Как чудесно! Зеленая трава, голубое небо, по которому плывут белые облака, мерное гудение жуков...

Мы выбрались из серого промышленного города и теперь наслаждались природой. Но город не так-то легко расстается с нами. Он следует за нами в наших нервных клетках, в наших мыслях и сердцах.

Мой спутник, горнорабочий, рассказывает мне о своей жизни. У него тяжелая и опасная профессия. Ему приходится работать в жарких штольнях, где порою происходят несчастные случаи.

- Послушай, — прерываю я его, — как ты вообще-то оказался здесь? Ты ведь не всегда был горняком?
- После этого вопроса последовало долгое молчание.
- Ты меня слышишь?
- Да. Что ты сказал?
- Я спросил, как ты стал горняком?

Он сел, обхватив руками колени, и почти испуганно посмотрел на меня.

— Да, — сказал он, — это очень тяжелая история. Но раз ты спрашиваешь, я тебе расскажу. Ты прав, я не всегда был горнорабочим. Раньше я развозил пиво. Это была совершенно другая жизнь. Я запрягал двух лошадей и весь день восседал на козлах. Однако моя профессия стала моим несчастьем. Я направлялся от одного трактира к другому. Везде делал остановки и пил пиво: там стакан и там стакан. Постепенно, сам того не замечая, я превратился в настоящего пьяницу. Эти пивные стали моим вторым домом.

Конечно, дома меня ожидала жена и наш ребенок, наша дочурка. Но мне они в то время были в тягость. Я не мог видеть их печальных взоров, когда, напившись, возвращался домой...

Однажды вечером я снова сидел в трактире. Вдруг я заметил, что дверь немного приоткрылась, и в трактир вошла моя дочурка. Моя малышка в этой шумной пивной!

Она нисколько не испугалась. Медленно начала пробираться сквозь толпу шумящих, курящих, пьющих и играющих в карты мужчин, оглядываясь вокруг.

Наконец она заметила меня. Немного поколебавшись, она подошла ко мне, дернула меня за рукав и прошептала: „Папа, идем домой! Мама ждет тебя! Дома у нас так хорошо! Идем домой!“

Это было настолько неожиданно и мило — ребенок в этом распутном трактире, что я встал, чтобы идти с ней. В этот момент я почувствовал, что все взоры устремились на меня. В помещении стало совсем тихо. Я видел насмешливые лица, слышал язвительные замечания.

Меня охватило чувство, которого я и сам не могу объяснить. Тут был и гнев, и страх, что мои товарищи подумают, будто я нахожусь под каблуком у жены; может быть, к этим чувствам примешивалась и злость на самого себя, на свое жалкое состояние... Короче говоря, я в бешенстве закричал на свою дочь, схватил ее за руку, так что она начала плакать, протащил ее через весь трактир к двери и с силой вышвырнул вон. После этого я напился до бессознательного состояния.

На следующий день я снова напился. Так прошло несколько недель, в которые я не протрезвлялся.

Однажды я пришел домой к обеду и с шумом распахнул дверь. Моя жена, испуганно глядя на меня, умоляюще подняла руки.

— Что случилось? — закричал я.

Она молча показала рукой на лавку, стоящую в комнате.

— Ребенок болен, при смерти. Я прошу тебя...

Действительно, на лавке, обложенная подушками, лежала моя дочурка. Лицо ее горело. Видно было, что у нее высокая температура.

— Что, очень плохо? — испуганно спросил я.

Жена молча кивнула головой. Я не могу передать тебе, что творилось в моей душе. Мое дитя! Тебе еще не приходилось терять ребенка? Нет? Тогда ты не можешь понять, что это такое. Я поспешил к лавке: „Моя дочурка!“ Я хотел погладить ее лобик. Но она с ужасом смотрела на меня, ее ручка уперлась в мою руку. „Уйди, папа!“ — проговорила она.

Смертельно испугавшись, я прошептал: „Доченька!“ Но она продолжала отталкивать меня: „Уйди же, папа!“ И не успокоилась до тех пор, пока я не отошел к двери.

Там, у двери, я простоял два часа, да что я говорю: целую вечность я стоял там! Я видел, как моя жена давала пить умирающему ребенку, видел, как она поправляла подушки и гладила девочку; я слышал, как она молилась вместе с ней. Но как только я пытался сделать шаг по направлению к ней, девочка начинала волноваться и кричать: „Уйди, папа, уйди!“

И я остановился. Я стоял у двери до тех пор, пока ребенок не умер. В эти два часа вся моя жизнь прошла передо мной. Эти два часа я пожинал то, что сеял. В эти два часа земля разверзлась под моими ногами. За эти два часа я узнал, что такое ад. Эти два часа Бог говорил со мной.

Рассказчик умолк. Снова тишина теплого летнего дня охватила нас. Высоко в голубом небе плыли белые облака...

— И что было дальше? — прервал я наконец молчание.

— Дальше? Я сменил профессию и стал горнорабочим. Снова я начал вместе с женой ходить в церковь. Ведь без Слова Божьего невозможно начать новую жизнь.

Я кивнул. Мы хорошо понимали друг друга, так как не один час провели вместе, склонившись над Библией.

Затем мы поднялись и отправились бродить по лесу, полной грудью вдыхая ароматы теплого летнего дня.

Вильгельм БУШ

АРИЯ ПЕВЦА ЗА СЦЕНОЙ

С детства я не мыслил себя без пения. Сколько себя помню, чуть ли не с четырех лет, вторил маме-певунье. Потом петь стало целью моей жизни. После 8-го класса поступил в музыкальное училище, на дирижерско-хоровое

отделение, после армии — в консерваторию, на отделение оперного пения. Учился в классе Николая Кондратюка. Казалось, моя мечта обретала реальные очертания и карьера оперного певца мне обеспечена. Но у Бога для меня имелся другой план...

В нашей семье отношения с Богом были такими же, как и у большинства людей в то время: единственную икону прятали где-то в шкафу... Но вот странно: пришло время (а случилось это после армии), когда я ощутил потребность молиться. По моей просьбе мама переписала для меня молитву „Отче наш“, и я молился ею на ночь. Потом меня пригласили петь во Владимирском соборе. Это было созвучно с той внутренней работой, которая шла во мне: я уже читал Библию и даже установил для себя порядок — перед сном прочесть несколько глав. Так я хотел угодить Богу. Утром же напрочь забывал, о чем прочел вечером, как будто все вымело из головы...

Потом мне стала попадаться кое-какая духовная литература. Мой друг по консерватории Алексей Толочьянц (сегодня мы вместе работаем в миссии „Світло на Сході“), с которым нас объединяли духовные поиски, откуда-то доставал христианские книги и давал мне читать. К этому времени я успел уйти из Владимирского собора, где меня обманули, и разочароваться в автокефальной церкви...

Однажды я прочел брошюру Джона Майсела, в конце которой была молитва. До этого мне уже попадались подобные, но на этот раз Бог коснулся моего сердца. Я и раньше читал, что все люди грешны, что Бог возлюбил весь мир, но к себе это не относил. А теперь все вдруг соединилось в одно, и я понял, что этот великий грешник — я, что это меня Бог возлюбил, несмотря ни на что. Я упал на колени и в слезах покаялся. А жили мы с Мирославой в комнате вместе с четырьмя ребятами, отгородившись от них шкафом и ширмой. И вот жена просыпается и видит, что я молюсь и плачу. Она просто опешила: ведь я был совсем другим человеком, жестко стоявшим на своем, никогда ни в чем не уступавшим... Я побежал к Толочьянцу: „Алик, я покаялся!“ Он на меня смотрит и не понимает: „Ну и что?“ А для меня это было, как день и ночь, вчера и сегодня, черное и белое... Встал на колени одним человеком, а поднялся другим...

Моя жизнь стремительно менялась: оставил курение, очистился от „запятых“ язык, я стал более терпимым... Друзья поразились, а жена, увидев эту преобразующую работу Бога, через месяц тоже покаялась. Но впереди меня ожидало испытание: Господь вел меня Своим путем, на котором не было ни вожденной оперной сцены, ни оаций, ни больших гастролей, ни цветов и афиш, ни телевидения и прессы, ни славы и денег — ничего, что составляет успех в этом мире. И хотя теперь я все чаще задумывался над тем, смогу ли прославлять Бога на оперной сцене, все равно продолжал идти прежним путем. Я не мог так просто отказаться от того, что составляло цель и смысл моей жизни.

И тогда Бог пошел на крайние меры. Это случилось на третьем курсе: внезапно у меня пропал голос. Для певца — страшный удар! Врачи говорили: здоров. Врач-фониатр: „Все в порядке, становись и пой“. Я становлюсь к пианино, а голоса нет... Прошла мучительная неделя, я молился. Жена плакала и молилась вместе со мной. У меня уже был опыт общения с Богом, я получал от Него ясные ответы, а тут Он молчал, хотя я понимал, что это и был Его ответ. Через три недели, когда я оплакал построенные в мечтах и рухнувшие теперь замки, но еще продолжал лукавить, сказал: „Господи, ну пусть я буду не оперным, а камерным певцом...“ Еще через неделю Бог окончательно сломил мою гордыню, и я помолился так: „Господь, я не хочу быть ни оперным, ни камерным, но только Твоим певцом!“ И после этого обещания голос возвратился, и я сдал все зачеты и задолженности в консерватории...

Так я отдал свою жизнь в руки Божьи. Именно тогда Господь пробудил во мне еще один дар, и я начал сочинять музыку; находил хорошие стихи и писал на них мелодию. За два года записал два альбома, один из которых называется „Буду петь Тебе, Господи!“.

Есть в опере Антона Аренского „Рафаэль“ известная „ария певца за сценой“. Сегодня мое амплуа — петь „за сценой“, и это не угнетает меня. Я и певцом теперь себя не считаю, а проповедником, потому что все, что я делаю в песне: и сочинение музыки, и исполнение, — подчинено главному — проповеди радостной вести о Христе-Спасителе. Поющий на „большой“ сцене, как бы он ни утверждал, что дарит нам песню, — продает ее; он поет для собственной славы и ради денег. А это не может наполнить его жизнь высшим смыслом. Мне же Господь доверил проповедовать своим искусством Его истину. Я организовываю классические концерты христианской музыки по произведениям П. Чайковского, С. Рахманинова, П. Чеснокова, Э. Шева и других. Он призвал меня на удивительное служение — служение инвалидам по зрению. И я пою для них. Что может быть драгоценнее, чем в наше беспросветное время нести людям надежду?! Это не искусство для искусства, это искусство для самого главного на земле — проповеди Евангелия.

Игорь МЕЛЬНИЧУК

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Вырос я в атеистической семье. Мой отец верил в идеалы коммунизма и, хотя не был членом партии, думаю, по вере он был коммунистом. До седьмого класса я верил в то, во что верили мои родители.

Однако потом я стал замечать лицемерие лидеров и перестал верить в какие-либо идеалы. Я стал циником. Я не верил не только в Бога, но и ни во что духовное или, как иногда говорят, „сверхъестественное“. Возможно, меня тогдашнего можно было бы назвать атеистом в широком смысле этого слова, поскольку я не верил ни в религию, ни в идеологию, ни во что.

Постепенно жизнь увлекала меня, как и большинство моих сверстников, различными удовольствиями. Собственно, у меня никогда не было цели в жизни. Просто я существовал с одним желанием — получить побольше удовольствий. К 25 годам я был законченным бездельником, и это несмотря на то, что Бог наделил меня множеством способностей. К этому времени я перепробовал разные виды человеческой деятельности: гранил хрусталь, писал картины и продавал их на улице, писал стихи, был портным-модельером, дворником, режиссером. Но ни в чем я не становился профессионалом. Как только наступала необходимость прилагать усилия, чтобы учиться, я терял интерес и искал что-то другое. Об этом знали все мои друзья и добродушно посмеивались. Я плыл по течению, доставляя боль моим родителям. Ежедневно я употреблял алкоголь, курил марихуану и играл в карты на деньги. Когда оставался один на один со своими мыслями, меня мучила необъяснимая тоска. Я задавал себе вопрос о смысле жизни и не находил ответа. Иногда я думал о самоубийстве, бывало, даже говорил об этом с друзьями. Не думаю, что серьезно собирался это сделать, однако видел в этом естественный способ покончить с бессмыслицей жизни.

В 1988 году я впервые попробовал сыграть на игровых автоматах (так называемые „однорукие бандиты“). С тех пор игра стала главной моей страстью. В течение четырех лет моя жизнь была в ее власти. Сначала все это казалось весьма увлекательным. Я нигде не работал, занимал деньги у друзей, многие из которых в это время занялись бизнесом. Я обманывал их, говоря, что деньги мне нужны на бизнес, а потом, что бизнес не получился, что меня обманули партнеры, что на меня „наехали“ бандиты... Очень скоро мне перестали верить, а долги уже составляли несколько тысяч долларов. Так я лишился всех друзей.

С Ритой, моей „гражданской“ женой, отношения складывались странно, и в них я также проявлял самые низменные черты своей натуры. Я бесконечное число раз унижал ее. Ей сразу не понравилось мое увлечение азартными играми, и вскоре наша жизнь превратилась в ад крошечный.

Когда мы познакомились, Рита проявляла интерес к христианству. Иногда заходила в православные храмы. Несколько раз она даже ходила в баптистскую церковь на молодежные общения. Читала Евангелие. Я высмеивал ее слабую религиозность, и она не стала ее никак проявлять. Впрочем, впоследствии она призналась, что в тяжелые минуты жизни обращалась к Богу.

К концу четвертого года моей игры на „одноруких бандитах“ Рите стало ясно, что жить со мной невозможно, и она ушла от меня, уехав по контракту в Японию. Там она полгода танцевала в ресторане. Мы иногда переписывались, но отношения между нами были разрушены.

В это время мой атеистически воспитанный отец обратился к Иисусу Христу. Это было как гром среди ясного неба. Он сразу очень изменился. Говорил только о Боге. Раньше он был не прочь выпить водочки с друзьями. Но после своего обращения он приглашал своих друзей в гости, ставил на стол чай, отказывался с ними пить водку и говорил только на религиозные темы. Поскольку друзья его не становились тут же верующими и позволяли себе всякие язвительные замечания в адрес Бога и Иисуса, то папа с ними ссорился, и его отношения с друзьями испортились.

Он постоянно звал нас пойти с ним на богослужение. Мы не хотели, и возникала напряженность в семейных отношениях. Чтобы ее разрядить, мы иногда ходили с ним и страшно мучались во время собрания. Особенно тяжело нам было, когда мой папа, кандидат химических наук, начальник отдела научно-исследовательского института, начинал молиться вслух вместе с церковными старушками. Мне было очень не по себе, тем более, что порой он молился о нас.

Однажды, когда в конце богослужения пастор призвал желающих покаяться, отец стал уговаривать меня выйти к кафедре. Я сказал: „Хорошо, если ты так хочешь, то ради тебя я это сделаю. Мне смешно, что вы все думаете, будто так сложно постоять перед несколькими сотнями человек на коленях. Ты забыл, что я много раз стоял на сцене, и мне это нетрудно“. Тогда отец стал так же горячо отговаривать меня от этого шага, говоря, что ради него, без веры этого делать не надо. Позже он рассказал мне, как он дома каялся перед Богом, что хотел заменить собой действие Святого Духа в моей жизни. Он сказал, что понял: он желал мне земного благополучия и разрешения моих земных проблем (о всей серьезности которых родители даже не догадывались), а надо было просить для меня спасения от грехов, и добавил: „Господи, без рук, без ног, но спаси душу моего сына“. Мама моя к тому времени тоже стала верующей. И после этой молитвы отца она не сказала: „Аминь“, а обратилась к отцу: „Ты ради Бога нашего сына ненавидишь“.

Когда Рита уехала в Японию, я погрузился в крошечную тьму. Она все-таки немного сдерживала меня. И вот тут я стал пытаться бороться со своей зависимостью, и очень скоро понял, что это не в моих силах. Более того, я отчетливо понял, что я не хочу играть, но какая-то неведомая мне сила, словно на аркане, тянула в казино или к игровому автомату и держала меня около него, пока я все не проиграю. Я всегда проигрывал все до копейки. Как только деньги кончались, меня словно отпускало. Поскольку я уже несколько раз был в христианской церкви и общался с верующими, то я понял, что мной владеет сатана. Возможно, это покажется кому-нибудь парадоксальным, но именно через это открытие я поверил, что есть Бог. Рассуждал я очень просто: раз есть дьявол, то есть и Бог.

Тогда я впервые попросил помощи у Бога. Грешником я себя не считал. Скорее жертвой. После этой молитвы ничего не произошло. Но я иногда пробовал просить помощи, как правило, чтобы перезанять денег. И деньги мне давали. Но это никогда не шло мне на пользу. И у меня не было уверенности, что я обращаюсь к Богу, а не к сатане.

Как-то раз мой папа сказал мне: „То, что говорю тебе о Боге я, не имеет для тебя силы, потому что ты меня никогда не слушал. И нет пророка без чести, разве только в отечестве своем. Съезди поговорить к одному молодому брату. Вы почти одного возраста. Может, его ты послушаешь“. И я поехал.

Это довольно странно, что я поехал к незнакомому человеку через весь город поговорить о том, о чем я уже много раз слышал. Похоже, внутри меня что-то созрело.

Когда я приехал к тому верующему, то он, в отличие от моих родителей, стал говорить мне не о возможной помощи от Бога в разрешении моих проблем, а о страшном суде, втором пришествии и об аде. И для меня все это стало так реально, что я сказал: „Поехали сейчас же в церковь, я хочу покаяться“. Этот брат был молодым верующим, и, по-моему, он так испугался, словно ему впервые в жизни пришлось принимать роды. Он ответил: „Слушай, сейчас уже поздно, в церкви никого нет. Завтра утром покаешься“. Я сказал: „А если меня сейчас машина собьет, где я буду?“ И стал требовать от него, чтобы он помолился обо мне, чтобы Бог не забрал этой ночью мою жизнь. Я встал на колени, и он помолился надо мной.

Всю ту ночь я почти не спал. Меня всего трясло. Я сочинял молитву — что я скажу Богу. За окном моей квартиры всю ночь стоял вой, словно собралась и выла стая собак. Возможно, так оно и было.

Утром я поехал в церковь. Что было на служении и о чем проповедовали — не помню. Я был словно в тумане. Если бы не тот вчерашний брат, то я не услышал бы и призыва к покаянию. Он подтолкнул меня, и я пошел. По правде сказать, я совсем не помню, что я говорил в той молитве. Когда я встал, то увидел, что вместе со мной на покаяние вышло несколько женщин. Все они плакали особенными радостными слезами. А я стоял и ничего не чувствовал. Внутри у меня был словно камень. И я подумал: „Наверное, Бог не принял мою молитву“. И тут произошло что-то, что я затрудняюсь передать словами. По чувствам это похоже на то детское переживание, когда тебе страшно, но теплые руки обнимают тебя, поднимают и родной голос говорит какие-то ласковые слова. Тогда все существо охватывает какая-то теплая, ласковая волна.

Я сразу стал ревностным евангелистом, на деле же почти ничего в Евангелии не понимал. Это был странный период. Я всем говорил о Боге, молился, ходил в церковь. Из моей жизни исчезла зависимость от азартных игр, и, кроме того, я перестал пить и курить. Но в то же время я испытывал страшные искушения, и еще мне кажется, что я не верил тогда в то, что Иисус — совершенная жертва за грехи всех людей, что другого пути спасения нет и что Он умер за мои грехи. Я ходил на занятия по катехизису, но крещения не принял. И вскоре решил, что жизнь слишком прекрасна, чтобы „живьем похоронить себя“. Я решил жить дальше как „хороший человек“, а христианство слишком строго для меня. Я не понимал, что без Бога просто нет жизни.

Стоило мне принять такое решение, как уже через несколько дней все мои грехи неумолимо вернулись ко мне.

За время своего „короткого обращения“ я успел восстановить отношения со многими моими друзьями, которые не могли отрицать реальность происшедших во мне перемен. Однако они считали, что „Сергея наконец-то взял себя в руки“. И еще, что напрасно я стал таким фанатичным.

Я написал письмо о своем обращении Рите в Японию, и она ответила, что очень рада. Я продал квартиру, купил комнату в коммуналке и отдал почти все долги. Мог бы и все, но решил оставить себе часть „на подъем“. Когда я вернулся к прежней жизни, мои друзья радостно приняли меня в свою компанию. Еще полгода я жил жизнью еще более страшной, чем до обращения. За полгода я сделал долгов больше, чем до того за четыре. Я опустил до прямого обмана своих друзей и даже до воровства.

Интересно, что все это время я верил, что Бог есть. И даже иногда говорил, что я грешник и что мне придется отвечать за свои действия. Но все эти разговоры были какие-то умозрительные.

Приехала из Японии Рита, ожидая увидеть меня исцеленным. Стала снова жить со мной и вскоре обнаружила, что дела обстоят еще хуже, чем до ее отъезда. Я несколько раз проигрывал ее деньги, заработанные в Японии. Она хотела уйти от меня, но я пугал ее тем, что, если она уйдет, я покончу с собой. Возможно, я и вправду это мог с собой сделать. Я ощущал себя в полном жизненном тупике, из которого не видел выхода.

Однажды я выпросил у Риты денег на то, чтобы отдать срочный долг. Но сам, как всегда, проиграл их. Я не мог вернуться домой без денег и не отдав долг. Стал обзванивать по телефону-автомату всех своих друзей и просить у них денег. Все они твердо отказали мне.

И тогда внезапно (именно внезапно) мне пришла в голову мысль о Боге, Который однажды уже принял меня и помог мне. Я решил, что можно попытаться обратиться к Нему снова. Я вернулся домой, признался во всем Рите и сказал, что утром пойду в церковь с покаянием. Так я и сделал. Теперь я не считал себя жертвой. Я считал себя предателем, предавшим Того, Кто оказал мне помощь, — Бога. Я не рассчитывал на милость — я был уверен, что Бог сурово накажет меня за предательство. Но я хорошо помню, что я исповедал Его своим Богом, без Которого я не могу жить и Которому по праву принадлежит моя ничтожная жизнь. А значит, Он может делать со мной то, что считает нужным. Я молился, чтобы Он дал мне сил перенести наказание. С грехами все повторилось, как и в первый раз, — произошло полное освобождение. Но еще пришла вера в Иисуса, в Его жертву за мой грех.

Через месяц покаялась Рита. Она сделала это твердо, сознательно, с верой в Иисуса. Я сразу предложил ей стать моей законной женой. Я был уверен, что получу согласие. Ведь раз она прожила столько со мной „плохим“, думал я, то тем более согласится стать женой меня „хорошего“. Я и не подозревал, что она меня давно уже ненавидит. Жалеет, может быть, но ни о каких чувствах не могло быть и речи. Она хотела примириться с Богом и оставить меня. Не знаю, что ей помешало мне сразу об этом сказать. На мое предложение она сказала, что подумает. Несколько дней я ждал, а потом поставил вопрос ребром — да или нет. Позднее Рита призналась мне, что уход от меня был для нее вопросом решенным. Она готова была сказать „нет“. Но именно тогда, когда она собралась сказать „нет“, она поняла, что снова любит меня, как прежде. Еще не понимая, что это чудо Божье, она сказала „да“. И началась наша новая супружеская жизнь во Христе. Это удивительно, как Бог из выжженной пустыни наших отношений снова смог создать цветущий сад.

Я продал комнату и остался вообще без жилья. Но на этот раз этих денег не хватило. Помогли чем могли самые верные люди на земле — родители. Но они не могли дать много. Рита готова была отдать заработанные в Японии деньги. Но мы не могли их получить. Они лежали в Японии в банке, поскольку сначала Рита хотела поехать снова работать в Японию. Ну а после обращения к Иисусу не могло быть и речи о том, чтобы зарабатывать, танцуя в ресторане. Поехать туда просто так не представлялось возможным. Мне стало ясно, что я не должен прятаться от кредиторов. Что бы они ни захотели сделать со мной — они будут правы, подумал я. И еще я подумал, что Бог заботится обо мне и что, возможно, это и будет наказание за предательство. Я молился и шел с повинной к людям, от которых я скрывался в течение долгого времени. И то, как отнеслись ко мне эти люди в нашем криминальном обществе, где за неотданный долг могут запросто убить, — было чередой Божьих чудес.

Очень скоро я понял, что Бог не собирается меня наказывать. Что Он принял меня без упреков. Это было удивительное время.

С долгами мы постепенно рассчитались. И деньги из Японии совершенно чудесным образом получили. И вообще Господь много милостей Своих излил на нас.

Мы с первых дней нашего обращения испытывали сильное желание что-то делать для Бога, спасшего нас от грехов. Но мы не знали, что. Мы стали петь в церковном хоре. Но жажда рассказывать людям о Спасителе не оставляла нас. Мы говорили о Нем везде: в коммунальной квартире, где снимали комнату, на улице, в магазине, в общественном транспорте. Я зарабатывал на жизнь тем, что шил на заказ одежду. И старался всем заказчикам рассказать о Христе.

Вскоре нам стало ясно, что мы хотим посвятить себя служению. Мы поступили в так называемую „пасторскую школу“. Рита окончила трехгодичное очно-заочное обучение для учителей и директоров воскресных школ.

Уже три года мы несем служение в Петергофе, в организованной нами церкви. Это пока очень маленькая и нуждающаяся в поддержке община.

Три года проработала Рита в христианском издательстве, а сейчас мы оба, помимо нашей петергофской церкви, трудимся в миссии «Свет на Востоке» и хотим, чтобы жители нашей страны узнали о нашем Спасителе и Боге.

Сергей КОНТОРОВИЧ

НЕ ОБВОРОВЫВАЙТЕ СЕБЯ!

У меня день рождения: исполнилось 46. С утра радостно на душе. Тороплюсь на миссионерскую встречу. В траве копошатся „деловые“ воробьи, что-то выклеивают. И вдруг: фюрь-рь! Улетела стайка. И я подумал с улыбкой: „Так и годы мои: фюрь-рь — и нет их“.

На нашу встречу заглянул поэт Яков Бузинный и подарил мне книгу своих замечательных стихов „Христианская лира“. Очень приятно. Господи, как Ты меня радуешь. Брат, конечно, не знал, что я люблю стихи и тоже пишу их. Поэт — поэту. Только Бог мог приготовить такой чудный подарок. Я очень счастливый человек, хотя многие, кто знает мою судьбу, говорят: „И врагу не пожелаешь такого!“

Сирота. Воспитывался в детдомах, интернатах, спецшколах. Швыряло, мотало по жизни. Почти полжизни за колючей проволокой. В мире с Богом не был, имел иные, мирские, ценности. Искал справедливости своей, хотел быть счастливым. А кто не хочет быть счастливым? Остановите любого человека и спросите его: „Ты хочешь быть счастливым?“ И он ответит: „Конечно!“

Думал, что счастье в силе, и упорно занимался спортом. Добивался высоких результатов. „Серебро“ получил на первенстве страны. Но когда „поломался“, то и „друзья“ рассеялись... Потом я решил, что счастье не в бицепсах, а в голове, и в 1975 году поступил в Киевский университет на философский факультет... И там много разочарований. Все не то. Решил, что счастье в деньгах. Был убежден, что все мои беды и неудачи от безденежья. Да разве я один так думал? Нашлись единомышленники, и вскоре мы наладили выпуск купюр. Надо признаться, отличное качество: банк проходили. Но и это не удовлетворяло. Жизнь — как на иглоках. В 1985 году арест, Верховный суд. Срок 10 лет. И я думал, что если где-то есть Бог, то Он очень несправедлив ко мне. Ненависть ко всему и вся клокотала во мне, с

полуоборота заводился, из штрафного изолятора не вылезал. Столько яда и грязи было в душе — страшно вспоминать. И вот в августе 1989 года к нам, в лагерь строгого режима в п. Березань Киевской области, приехала группа верующих христиан с благовестием. Рассказывали о Библии, любви Божией, Иисусе Христе, а я смотрел на них и думал: „Какие чокнутые! Да они жизни не знают. Тут за место под солнцем надо зубами, руками, ногами драться, иначе затопчут, а они... о любви чешут...“ Был там и Василий Иванович Давидюк, нынешний директор миссии „Світло на Сході“, и Петр Васильевич Марченко из миссии „Духовное возрождение“. Ох, и язвил я, забрасывая их каверзными вопросами. Захотелось мне подорвать их мировоззрение. Выпросил у них Новый Завет, чтобы их же оружием уничтожить их веру. Тетрадь завел, компрометирующий материал записывал... А когда прочел Новый Завет, то хотя и не все сразу осмыслил, но понял одно, что все мы, здесь находящиеся, нагло обмануты сатаной, что все мы жертвы бездуховности, безбожия и катимся в ад. Иисус Христос изменял мои мысли, очищал мою душу, и я уже не мог жить прежней жизнью.

10 сентября 1989 года — мой самый знаменательный день: я стал в уголке комнаты на колени и молился, просил у Бога прощения. Я просил Его, чтобы Он всецело управлял моей жизнью. Об этом можно много говорить: столько необычного, чудесного, удивительного... Я начал искать тех, кто также неравнодушен к Христу. И вскоре собралась группа любящих Бога. Я чуть ли не каждого хватал за рукав и убеждал, что мы неправильно живем, что нам необходимо искать мир с Богом. Где бы я ни был, я старался свидетельствовать об Иисусе Христе, организовывать группы по изучению Библии, молитвенные собрания. Не все гладко получалось, но хочу сказать: я самый счастливый человек, я не сирота. Бог дал мне большую семью братьев и сестер по вере.

8 августа 1995 года, освободившись из мест лишения свободы, я принял святое водное крещение. Тржусь среди заключенных, езжу по лагерям Украины. Слава Богу, на ниве Божьей нет безработицы. Окончил библейский институт „Логос“ в г. Одессе, имею степень бакалавра, в церкви „Любовь Христа“ — на диаконическом служении. Счастлив в церкви, семье, служении и сожалею, что не с юных дней со Христом. И всегда благодарю Бога, что я Его чадо и Он мой Отец. Хочется докричаться, достучаться до каждого сердца: примиритесь с Богом, и мир будет добрее, светлее, радостнее. Не обворовывайте себя!

Виктор МУРАЛЬ-СИКОРСКИЙ

Я ЛЮБИЛА ТЕХ, КТО ЛЮБИЛ МЕНЯ

Я счастлива, что встретила на своем жизненном пути Иисуса Христа. Очень жаль, что эта встреча не произошла раньше, столько лет прошло впустую. Но слава Богу, что она все же произошла и что теперь я могу жить для Бога, прославлять Его и всем говорить о Его безграничной любви к грешнику.

Родилась я в семье неверующих. Отца не знала, выросла с мамой, которая только и знала, что трудилась. Конечно же, находила она для меня время и хотела видеть меня доброй, любящей и послушной дочерью. Но грешная природа проявлялась во мне с детства. Я была эгоистична, мстительна, настырна. Уже позже, когда стала взрослой, любила тех, кто меня любил и хорошо ко мне относился. Но мама моя, не зная сама Бога, со слезами сеяла во мне только хорошее. И позже эти семена вззошли. Я стремилась заработать себе хлеб только честным трудом, не увлекалась сигаретами и спиртными напитками. Но все это не делало меня хорошим человеком, ведь в глазах Бога мы все равны: „Все согрешили и лишены славы Божьей“.

У меня часто болела душа, томилась, мне было плохо, но я не знала, как выйти из этого состояния. Когда у меня умерла мама, то по общепринятому православному обряду надо было ставить свечи за упокой. И я стала ходить в церковь. Постояю у икон одна-одинешенька, не понимая, что вокруг творится, и ухожу. Душа будто бы успокаивалась, но ненадолго, затем снова становилось невыносимо.

Но вот однажды от подруги я узнала, что один человек рассказывает о Боге собравшимся на квартире. У меня почему-то сразу появилось большое желание послушать этого человека. И вот 19 августа 1993 года я впервые услышала о Боге, впервые увидела Библию и целых два часа общалась с верующими. Возвращалась с первого собрания я другим человеком. Я твердо решила, что дальше так жить, как я жила, не хочу. Многого я еще не знала, но желание изменить свою жизнь помогло мне не пропустить ни одного занятия по изучению Библии. А уже Господь, конечно, одобрил мое желание и стремление. Я хотела узнать, как проходят богослужения в церквях, где нет икон и свеч. Через четыре месяца, на Рождество, я пошла в такую церковь. Я сердечно благодарю Господа за то, что Он привел меня именно в эту церковь, и я стала ее членом.

Путь за Господом с самого начала у меня был нелегким, но слава Ему, что удержал меня, не дал усомниться в Его любви и слове. Его обетования были мне опорой и давали силы идти вперед. Люблю Слово моего Спасителя, люблю в песнях славить Его и говорить людям о Его любви и страданиях за нас. Господом было предопределено провести меня долиной смертной тени, но я проходила ее не одна: незримым образом Он всегда был рядом. А теперь Он, благословив меня, решил облегчить этот путь, послав в мою жизнь прекрасного человека. Мы вместе стремимся дойти до вечности и уже у ног нашего Спасителя отдохнуть.

Я недостойна всего того, что я имею, но милости моего Спасителя нет границ. Благодарю Господа Иисуса Христа за то, что воскресил и мою душу к новой жизни. Хочу только одного: больше славить моего Спасителя и без остатка отдать свою жизнь на служение Ему.

По милости Божьей я учусь на библейских курсах (г. Алматы), получая бесценные знания, которые помогают мне возрастать духовно. Я верю, что Господь еще что-то удивительное приготовил для меня, зная мое желание поехать туда, где люди не слышали благовест. На все да будет Его воля!

Галина КАНУНОВА

ВЕРА И ЕСТЬ ЖИЗНЬ!

Мне 44 года, дочери — 10 лет. Три года назад погиб мой сын, которому было 10 лет, что по сути и привело меня к Богу. До этого я жила, надеясь на себя. Когда погиб мой сын, я потеряла с ним все. Меня окружали такие люди, которые говорили: „Выпей, тебе будет легче“. Тот год я вспоминаю с содроганием. И я решила уйти из этой жизни. Я положила дочь в больницу, она простудилась, и сама легла в клинику. У меня было сильное истощение и очень плохо с сердцем. Я решила покончить с собой прямо в больнице. И вот четвертого января пришел один человек проведать жену с ребенком. Я его немного знала, он тоже раньше пил, но, как мне сказали, вступил в какую-то секту и вот теперь не пьет. И вдруг он сам подошел ко мне. Мы разговорились. Потом он принес мне две книжки: „Узкий путь“ и „Грешники в руках разгневанного Бога“. Когда я их прочитала, во мне все перевернулось. Во мне проснулась тяга к жизни, но не к той, которой я жила. Я обняла свою дочь и сказала: „Доченька, мы будем жить по-новому“. И стала ждать того человека. (Его зовут Анатолий.) Когда он пришел, я рассказала ему все и попросила, чтобы он помог мне. Он пригласил меня на собрание к шести часам вечера. Меня очень хорошо приняли. Я как будто в другой мир попала. Я плакала двое суток. И вот два года я следую за Христом. У меня очень большие трудности в семье, связанные с моим мужем, но я твердо верю, что теперь Господь нас не оставит. Я все время читаю Библию. А по вечерам мы с дочерью поем песни и даже придумываем свои мелодии к тем, которые не поем в церкви. Иногда с нами вместе поет муж и сам читает псалмы, и это для нас радость. Я верю: если человек искренне, всем сердцем отдался Богу, то Бог его не оставит. Церковь от нас находится за пять километров, и я могу посещать ее только по воскресеньям. Доченька ходит в воскресную школу, и вот уже месяц, как с ней ходит девочка из ее класса. И мы очень рады этому. Деревня наша очень сложная: губит людей пьянство, но я молюсь за них. Я убедилась в силе молитвы. Я так благодарна Господу, Богу нашему, Иисусу Христу, за то что Он спас меня и послал добрых и дорогих мне теперь людей. Эти замечательные люди несут свет Евангелия людям, которые заблудились в этом порочном мире.

Теперь я твердо знаю: вера и есть жизнь.

Валентина ЕРОФЕЕВА